

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

42 2026
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 42 (645) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображён *Фёдор Осипович Шехтель* (1859–1926) — выдающийся русский архитектор, один из ключевых создателей стиля модерн в России, чьё творчество во многом определило облик Москвы на рубеже XIX–XX веков.

Франц-Альберт Шехтель (будущий Фёдор) родился в Санкт-Петербурге в семье обрусевших немцев. Когда мальчику было шесть лет, семья переехала в Саратов. Там отец вместе с братом управлял крахмальным заводом, ткацкой фабрикой и театром. Однако вскоре последовали тяжёлые удары: сначала умер отец, затем — дядя, и семья лишилась средств к существованию. В этих условиях Шехтель рано начал искать способы заработка. Он учился в саратовской гимназии, а после её окончания в 1875 году переехал в Москву к матери.

В столице он готовился к поступлению в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Благодаря протекции Павла Третьякова (муж его тётки был связан с меценатом) юношу определили в мастерскую архитектора Александра Каминского, набираться опыта. Позже Шехтель поступил на архитектурное отделение училища, где учился у Дмитрия Чичагова. Однако учёба ему давалась нелегко: молодого человека увлекала богемная жизнь Москвы, и он часто пропускал занятия. В 1878 году его отчислили за плохую посещаемость.

Несмотря на это, в Москве Шехтель вошёл в круг творческой элиты. Он сблизился с художниками Левитаном и Врубелем (они вместе учились в гимназии), а также с братьями Чеховыми, которые ввели его в литературный и издательский круг. Эти связи во многом определили разносторонность его будущих проектов: он начал совмещать архитектуру с графикой, театральным оформлением и иллюстрированием книг. В 1880-х годах он уже создавал декорации и костюмы для театральных постановок, проектировал временные сооружения для городских парков.

Переломным моментом в его карьере стали 1882–1883 годы: Шехтель начал самостоятельную архитектурную практику, стал подписывать проекты собственным именем и лично контролировать строительство.

Среди ранних самостоятельных работ — усадебные комплексы (для М. А. Морозова в селе Великом Ярославской губернии) и особняки. Одной из знаковых стала усадьба для М. А. Морозова на Спиридоновке: Шехтель создал не просто дом, а целостную художественную среду, продумав всё — от планировки до деталей интерьера.

В 1894 году, во время строительства этого особняка, 35-летний архитектор сдал экзамены в Техническо-строительном комитете МВД и получил диплом техника-строителя, что дало ему возможность официально вести само-

стоятельную практику. В январе 1895 года его приняли в Московское архитектурное общество, членом которого он оставался более 30 лет.

В последующие десятилетия Шехтель реализовал множество проектов в разных жанрах: строил театры (например, Московский художественный театр, где он совместно с художественными руководителями реконструировал сцену и зрительный зал), банки, церкви, типографии, вокзалы, имения и дачи. Он последовательно развивал идею единства архитектуры и декоративно-прикладного искусства: часто сам проектировал не только здание, но и ограду, уличные фонари, мебель, обои, дверные ручки, стремясь к созданию законченного художественного образа.

14 апреля 1900 года в Париже открылась Всемирная выставка, почти на целый год взбудоражившая художественную среду всей Европы. За участие в ней Шехтель был награждён серебряной медалью.

В 1902 году Императорская академия художеств присвоила ему почётное звание академика архитектуры.

Интересный факт: в мае 1914 года Франц-Альберт Шехтель перешёл из католичества в православие и принял имя Фёдор. Сам зодчий объяснял это тем, что давно и прочно обрусел.

После 1917 года Шехтель пытался адаптироваться к новым реалиям: проектировал для советской власти рабочие клубы, санатории, выставочные павильоны. Он даже подал на конкурс проект Мавзолея Ленина с трибуной и аудиториями, но его не приняли.

Последние годы жизни архитектора были непростыми. Заказов становилось всё меньше, а назначенной по ходатайству А. В. Луначарского персональной пенсии (75 рублей) не хватало даже на лекарства. Шехтель пытался продать часть имущества, включая коллекции чертежей, чтобы прокормить семью. В мае 1926 года он переехал с семьёй на арендованную дачу в Петровско-Разумовское (Новое шоссе, 23). Там 7 июля 1926 года Фёдор Осипович Шехтель скончался от рака желудка.

Архитектора похоронили на Ваганьковском кладбище — в семейном склепе, который он сам когда-то спроектировал в стиле модерн.

Память о Шехтеле сохранилась в его выдающихся постройках, ставших символами московского модерна (особняк Рябушинского, особняк Морозовой, здание Ярославского вокзала и другие), а также в исследованиях историков архитектуры. В честь зодчего названа малая планета № 3967.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Еревская В. М.

Рассмотрение обращений граждан в органах прокуратуры Российской Федерации: этапы, проблемы и пути совершенствования законодательства..... 203

Ефимова В. Н.

Корпоративные конфликты, связанные с предоставлением информации участникам корпорации: правовые способы разрешения..... 206

Жданов П. Н.

Понятие и виды чрезвычайных ситуаций 208

Иванова Д. А.

Пределы применения норм трудового права при регулировании служебно-трудовых отношений 210

Кириллина А. А.

Критерии запрещённой информации в российском праве: проблемы правовой определённости 212

Комов А. И.

Эволюция международного стандарта налоговой прозрачности: от обмена информацией по запросу к автоматическому обмену финансовой информацией 217

Космовская А. М.

О некоторых проблемных аспектах признания гражданина банкротом 220

Лебедев Д. А.

Проблемы отграничения и расследования уголовных правонарушений по уклонению от уплаты налогов 223

Макарова А. В.

Правоохранительная деятельность юрисдикционных органов в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, потенциально опасных психоактивных веществ 228

Максимович А. И.

Проблемы определения понятий и содержания состава преступления, предусмотренного статьей 303 УК РФ..... 230

Мамедов К. Р.

Объект и объективные характеристики состава террористического акта: анализ и правоприменение 241

Машенко Т. Е.

Проблемы доказывания по делам о возмещении вреда по случаю потери кормильца..... 243

Медведева Д. А.

Проблемы применения статьи 13.15 КоАП РФ к действиям пользователей социальных сетей: лайку, репосту, комментарию 246

Михайлов А. С.

Уголовно-правовая охрана морских участков Государственной границы Российской Федерации 250

Михеев А. А.

Унификация правовых оснований применения огнестрельного оружия сотрудниками силовых ведомств как направление совершенствования законодательства..... 254

Мокин Д. Я.

Представительство в арбитражном суде: актуальные проблемы и пути совершенствования..... 257

Монгуш Ч. Р.

Сущность и проблемы предварительного исследования материальных следов на месте дорожно-транспортного происшествия 262

Насартинова Д. Р.

Особенности договора поставки оборудования..... 265

Нуруллин Э. Р.

К вопросу о проблемах квалификации уголовной ответственности по статье 166 УК РФ 267

Овсянникова Д. А., Черкесова К. С.

Договор купли-продажи и договор аренды: трансформация обязательств 269

Овсянникова Д. А.

Трансформация подходов к определению правовой природы договора купли-продажи 275

Осипова О. С.

Признание права как самостоятельный
способ защиты: проблемы теории
и судебной практики 278

Осипова О. С.

Самозащита гражданских прав: пределы
допустимого воздействия на нарушителя
в условиях цифровой среды 281

Папсуев Д. М.

Современные правовые подходы
к пониманию предпринимательской
деятельности 282

Пасевич Е. А.

Правовые механизмы
стимулирования работодателей
к трудоустройству граждан, нуждающихся
в особой социальной защите: проблемы
и направления совершенствования 284

Патрина К. Р.

Фактические брачные отношения
в российском и зарубежном праве 288

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Рассмотрение обращений граждан в органах прокуратуры Российской Федерации: этапы, проблемы и пути совершенствования законодательства

Еревская Виктория Михайловна, студент магистратуры

Научный руководитель: Овчинникова Елена Андреевна, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Данная работа посвящена рассмотрению актуальных проблем организации работы органов прокуратуры Российской Федерации с обращениями граждан. В процессе была изучена нормативно правовая база, на которой основываются права граждан по обращениям и обязательства органов государственной власти по срокам и структуре работы с данным обращением. На основании проработанного вопроса определено, что действующая система содержит в себе Инструкцию, разработанную для сотрудников органов прокуратуры с целью повышения эффективной и качественной подготовки ответа по заявлению гражданина. Также были установлены пробелы в законодательстве Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и Федеральным законом от 17 января 1992 года № 2201 «О прокуратуре Российской Федерации» содержит ряд недочетов.

Ключевые слова: закон, прокуратура Российской Федерации, виды обращений, обращения граждан, инструкция.

Согласно статье 33 Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 года Граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления [1]. Особенную роль в рассмотрении и принятии решений по обращениям граждан занимает прокуратура. Их работа требует значительных усилий для подготовки законного и справедливого ответа на заявление.

Согласно статьи 10 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2201 «О прокуратуре Российской Федерации» государственный орган в пределах своих компетенций рассматривает заявления, жалобы и другие обращения граждан [2]. Граждане в соответствии с законом, а именно Федеральным законом от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» руководствуются им и направляют свои обращения в органы прокуратуры [3].

Работу прокуратуры с обращениями граждан регламентирована следующими правовыми актами:

Конституция Российской Федерации — это основной закон Российской Федерации, который закрепляет право граждан направлять личные или совместные обращения в органы государственной власти и органы местного самоуправления. Это фундамент гарантий защиты интересов граждан при обращении в органы прокуратуры.

Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [3]. К его основным задачам относят: правильность подачи обращения физических и юридических лиц; установление сроков, а также закрепление обязанности должностных лиц за неисполнение и уклонений от требований, закреплённых законодательством.

Приказ Генпрокуратуры Российской Федерации от 30.01.2013 № 45 «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приёма граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» [4]. В пределах своей юрисдикции происходит процедура регистрации, исследования обращения, делопроизводство ставит на контроль поручения, а также включает в себя систему и алгоритм мониторинга уровня проверок по заявлениям.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» [5]. Данное постановление не координирует работу прокуратуры, но выделяет и подтверждает потребность в соблюдении международных норм защиты прав человека, а также в свою очередь требование охватывает и рассмотрение обращений граждан в прокуратуре.

Перечисленные правовые нормы представляет между собой идеальный баланс между обязанностью госу-

дарства мгновенно реагировать на обращения граждан и правом граждан добиваться неоспариваемую оценку ситуации

Традиционно к основным видам обращений граждан относят следующее:

1) жалоба — письменное или устное обращение в вышестоящие органы с описанным несогласием с чем-либо по вопросу нарушенных прав, свобод или законных интересов;

2) заявление — официальное обращение гражданина о нарушении прав и работы государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц;

3) предложение — просьба гражданина по улучшению законодательной базы, а также работы государственных органов и органов местного самоуправления.

Также существует обращение, которое подается с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг» составляется оно в письменной форме или электронной форме и как итог обращения передается в государственные органы или органы местного самоуправления.

Как правило быстрое и качественное решение способствует снижению уровня напряженности в обществе.

На сегодняшний день существует множество вариантов обращений граждан к государственным органам, к их числу относят личное и письменное, первичное и вторичное обращение.

В нормативно-правовой базе отсутствуют нормы и стандарты по оформлению обращения, но строго и корректно указаны нормы по предоставлению ответа по существу вопроса.

Для решения любого обращения гражданина сотрудникам органов прокуратуры Генеральным прокурором Российской Федерации была принята к исполнению Инструкция о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации (далее — Инструкция). Согласно которой ответственность от выяснения обстоятельств до подготовки ответа на поставленный вопрос несет прокурор. Основной целью у прокурора, которую нужно разрешить это законное, справедливое и в срок установленное предоставление ответа.

Человек, который обратился с заявлением в органы прокуратуры по тому или иному вопросу желает получить законный и исчерпывающий ответ во всех подробностях, также заявитель намеревается получить обратную связь о принятых мерах по устранению нарушений и недостатков.

В системе прокуратуры Российской Федерации функционирует и действует Управление по работе с обращениями граждан и сообщений о преступлениях (далее — Управление). По территориальному признаку существуют в субъектах Российской Федерации. В полномочии данного Управления входит постоянный контроль за исполнением деятельности прокуроров и следователей по разбору и изучению заявлений и иных обращений, их действия к ускоренному устранению имеющихся недостатков.

Дополнительной функцией Управления является аналитическая работа и способствование к координации деятельности за подготовку ответа по существу указанного вопроса.

Исходя из установленной Генеральным прокурором Российской Федерации Инструкции существуют этапы. Традиционно к ним относят принятие и оформление, исследование и анализ, вынесение решения и подготовка ответа заявителю.

Согласно Федеральному закону от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [3] сроки рассмотрения и подготовки ответа составляют от 15 до 30 дней с момента регистрации обращения. В случае разбирательства по установленному вопросу потребовались дополнительные проверки или же запросы в соответствующие организации прокурор, или же его заместитель имеют право продлить срок рассмотрения обращения граждан, но не более чем на 30 дней.

Согласно Федеральному закону «О прокуратуре РФ», статья 10 гласит, что также подлежат рассмотрению в органах прокуратуры обращения, которые содержат отрицательные сообщения о нарушении законов. Лицо, согласно действующему законодательству, имеет право обратиться в суд за защитой своих прав и интересов с официальным решением, принятым стороной обвинения [7].

Основные аспекты регулирования:

– Прием обращений: Для подачи обращения в органы прокуратуры используются различные виды подачи обращения, к их числу относят: письменную и устную форму, обращение направленное через сеть Интернет, почтовое отправление, а также обращение при личном приеме у прокурора.

– Сроки рассмотрения: срок фиксации обращения составляет 3 дня, сроком по вынесению решения закон определяет 30 дней со дня регистрации. Если существует случай потребности в проведении дополнительной проверки срок может быть продлен до 30 дней с обязательным уведомлением заявителя.

– Полномочия прокурора: Прокурор, в пределах своей компетенции обязан принять меры по защите прав и свобод граждан, разъяснить им порядок защиты, а также привлечь виновных к определенной ответственности.

После изучения обращения прокурор подготавливает правомерный и аргументированный ответ заявителю. В подготовке ответа должны быть указаны принятые меры, в случае если обращение не входит в компетенцию прокуратуры, прокурор вправе разъяснить о том, куда следует обратиться заявителю.

Обжалование решений: решение по жалобе может быть обжаловано только вышестоящему прокурору. При неудовлетворении просьбы заявителю должно быть разъяснено право на обжалование решения, в том числе возможность обращения в суд. [8].

Исходя из существующего права на реализацию конституционного принципа в виде подачи обращения в го-

сударственные органы с целью защиты прав, интересов и свобод, вытекает обязанность руководителей и уполномоченных лиц проводить личный прием граждан в государственных органах. Особое внимание в прокуратуре уделяется рассмотрению обращений социально незащищенных слоев населения — несовершеннолетних, малоимущих, многодетных семей, ветеранов, пенсионеров и инвалидов.

При этом акцентируется необходимость избегать формального и равнодушного подхода, не допускается поверхностного отношения к проблемам населения [6 с. 250–253].

В настоящее время законодательство Российской Федерации претерпевает правовые противоречия в сфере с обращениями граждан.

К основным пробелам в области правового регулирования можно отнести:

1. Продолжительное ожидание ответов. В связи с имеющимся законодательством, имеется проблема, связанная с длительным ожиданием ответа на свое обращения. Главной причиной стала слабая организация рабочего хода в государственных органах, а также загруженность специалистов и бюрократической волоките.

2. Сдержанный ответ. В связи с многозадачностью и загруженностью сотрудников прокуратуры, обращение не рассматривается в полном объеме и при составлении ответа не происходит учитывание индивидуальных особенностей гражданина и тогда в свою очередь госслужащий прибегает к шаблонным фразам. Следствием явля-

ется плохое качество обслуживания граждан и недоверие к государственным органам.

По сведениям из отчета Общественного совета при Министерстве здравоохранения Российской Федерации, наибольшее количество граждан, которые проходили отчет в области работы государственных органов и органов местного самоуправления отметили, что работа с обращениями граждан очень трудоемкая работа, и качество и полнота ответов зависит только от опыта и профессионализма должностного лица, рассматривающего обращение.

Исходя из анализа по полноте ответов на письменное обращение граждан показал, что 75 % ответов на обращения граждан содержат разъяснения нормативно-правового регулирования, в то время как конкретные решения и или подробные рекомендации, что делать содержится лишь в 19 % ответов [9].

Осуществленная мной работа выявила, что согласно статье 33 Конституции Российской Федерации обращения граждан в органы прокуратуры Российской Федерации представляет собой осуществление механизмов конституционного права [1].

Вместе с тем действующее правовое регулирование данной сферы содержит существенные недостатки, требующие законодательного устранения. К таким можно отнести срок рассмотрения обращений граждан, предусмотренные ведомственной инструкцией Генеральной прокуратуры, не закреплены на уровне федерального закона, что снижает их обязательность и создаёт условия для нарушений.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 12.10.2026).
2. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 03.02.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 12.10.2026).
3. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (дата обращения: 12.10.2026).
4. Приказ Генерального прокурора РФ от 30 января 2013г. № 45 «О введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_67104/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddaf-daddf518/ (дата обращения: 12.10.2026).
5. Приказ Генерального прокурора РФ от 29.12.2011 № 450 «О введение в действие Инструкции по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_127074/ (дата обращения: 12.10.2026).
6. Гайданка, В. С. Практика работы с обращениями граждан в органах прокуратуры / В. С. Гайданка. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 5 (504). — С. 250–253. — URL: <https://moluch.ru/archive/504/110825> (дата обращения: 12.10.2026).
7. Винокуров, А. Ю. Научно-практический комментарий к Федеральному закону о прокуратуре Российской Федерации/ А. Ю. Винокуров. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 971с. — (Профессиональные комментарии). — ISBN 978-5-534-18027-5. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/580419> (дата обращения: 12.10.2026).
8. Корсакова А. А., Теплякова О. А.: Способы поступления обращений в органы прокуратуры, формы и виды обращений: вестник московского университета им. С. Ю. Витте./ Корсакова А. А., Теплякова О. А. — серия 2: юри-

дические науки. 2020. № 1 — Текст: электронный//Образовательная платформа Elibrary [сайт] <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=46170122> (дата обращения: 12.10.2026).

9. Интернет-ресурс «Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации» — «замглавы Минцифры России рассказал о развитии Платформы обратной связи». URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/40826/> (дата обращения: 12.10.2026).

Корпоративные конфликты, связанные с предоставлением информации участникам корпорации: правовые способы разрешения

Ефимова Виктория Николаевна, студент магистратуры
Российский новый университет (г. Москва)

В статье разбираются корпоративные конфликты, которые вырастают из попыток участника хозяйственного общества воспользоваться своим правом на информацию. Исследуется правовая природа информационных правомочий участника, определяется, в каких случаях общество вправе отказать в выдаче документов.

Ключевые слова: корпоративный конфликт, право на информацию, отказ в предоставлении документов, злоупотребление правом.

Право участника хозяйственного общества получать сведения о его деятельности одно из базовых корпоративных правомочий. Именно оно «открывает дорогу» к остальным правам: участию в управлении, контролю за финансово-хозяйственной жизнью компании, защите имущественных интересов. В доктрине давно подмечено, что право на информацию как бы стоит впереди прочих прав участника: без достаточной осведомлённости о делах корпорации невозможно ни принимать взвешенные управленческие решения, ни трезво оценивать работу органов управления [7, с. 4]. И в литературе, и в практике встречается наблюдение, что конфликт в корпорации редко вспыхивает на пустом месте. Обычно он стартует с утраты доверия к руководству: участник перестаёт понимать, что происходит с активами, как складывается финансовый результат, куда уходят ключевые ресурсы. И первым делом в такой ситуации он тянется именно к праву на информацию. Неслучайно это право относят к числу главных: его реализация позволяет участвовать в управлении корпорацией полноценно и защищать свои корпоративные интересы [9, с. 15].

Законодательную основу института образуют п. 1 ст. 67 и п. 1 ст. 65.2 ГК РФ. Участники корпорации вправе, в случаях и в порядке, установленных законом и учредительным документом, получать информацию о деятельности корпорации и знакомиться с её бухгалтерской и иной документацией. Применительно к отдельным организационно-правовым формам эти нормы раскрыты в ст. 50 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и ст. 91 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах». С появлением Федерального закона от 29.07.2017 № 233-ФЗ утвердился дифференцированный подход к объёму сведений, которые участник может за-

просить [7, с. 4]. Для участников ООО отдельных ограничений по составу требуемой информации не предусмотрено, тогда как для акционеров объём зависит от размера пакета акций [7, с. 4–5]. Закон различает две формы предоставления информации: ознакомление с документами в помещении исполнительного органа и выдачу копий. Судебная практика допускает и одновременное использование обеих форм: участник вправе сперва изучить оригиналы, затем изготовить копии самому либо попросить их у общества.

Принципиальное значение имеет разъяснение о том, что, реализуя право на информацию, участники хозяйственных обществ не обязаны объяснять цели и мотивы своих требований, раскрывать интерес в получении сведений или как-то иначе его обосновывать, кроме случаев, прямо вытекающих из закона [12, с. 1]. Участник может требовать любые имеющиеся у общества документы, если они связаны с его деятельностью. Но есть и встречное требование: обращаясь с запросом, участник должен определить его предмет: конкретизировать перечень и виды требуемой информации или документов. Насколько подробной должна быть такая конкретизация, суд оценивает по обстоятельствам конкретного дела, соразмеряя это с необходимостью реально обеспечить участнику возможность пользоваться своими правами [12, с. 1].

Ключевой для понимания природы информационных конфликтов остаётся тема оснований для отказа. П. 4 ст. 50 Закона об ООО даёт их исчерпывающий перечень: электронная версия документа находится в свободном доступе либо раскрыта в порядке, предусмотренном законодательством о ценных бумагах; документ запрашивается повторно в течение трёх лет, хотя первое требование было исполнено надлежащим образом; документ относится к прошлым периодам деятельности общества, то есть к пе-

риоду, отстоящему от момента обращения более чем на три года. Однако практика выработала и дополнительные критерии, сужающие право на информацию. По правовой позиции из п. 1 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 18.01.2011 № 144, участнику могут отказать, если доказано, что его право обществом не нарушено либо в его действиях просматривается злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ) [12, с. 1]. Бремя доказывания этих обстоятельств лежит на обществе. В доктрине при этом подчёркивают: применяя запрет злоупотребления правом к истребованию документов, суд обязан максимально подробно исследовать все обстоятельства дела, чтобы по поведению участника установить его неправомерную цель. Иначе повсеместное обращение к ст. 10 ГК РФ при малейших сомнениях в добросовестности участника способно перекосить баланс в пользу общества, что противоречит самой сути этих правоотношений [4, с. 36].

О ненарушенном праве говорят, в частности, случаи, когда одни и те же документы запрашиваются снова и снова, хотя первое требование было удовлетворено как следует, либо когда запрос касается давно прошедших периодов и явно не несёт ценности для анализа. Злоупотребление правом суды усматривают и в иных ситуациях: участник, требующий информацию, фактически является конкурентом общества или связанным с ним лицом, а сами сведения носят конфиденциальный характер, от-

носясь к конкурентной сфере и их разглашение способно навредить коммерческим интересам и деловой репутации общества [11, с. 2]. Напротив, к добросовестному поведению Верховный Суд относит намерение истца продать свои акции или долю, подготовку к иску об оспаривании решения органа либо договора общества или о привлечении его органов к ответственности, а равно подготовку к участию в общем собрании [11, с. 2–3]. Недобросовестными арбитражные суды признают и постоянные запросы, когда перечень требуемых документов практически не меняется, и случаи, когда сам истец мешал работе общества — например, ограничивал генеральному директору доступ к месту хранения документации, либо истребовал бумаги за период, в котором сам был генеральным директором, но, сложив полномочия, не передал их новому руководителю [11, с. 3].

Споры о предоставлении информации участникам корпорации — отдельная категория корпоративных конфликтов с высоким конфликтным потенциалом. Закон даёт участнику широкие гарантии: перечень оснований для отказа исчерпывающий, а бремя доказывания недобросовестности участника возложено на общество. Вместе с тем сохраняется запрос на дальнейшую настройку механизмов, которые удерживали бы равновесие между правом участника на информацию и законными интересами хозяйственного общества.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 7. — Ст. 785.
3. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 1.
4. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.01.2011 № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ» // Вестник ВАС РФ. — 2011. — № 3.
5. Обобщение судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2024. — № 1.
6. Крысова Я. И. Критерии добросовестности при запросе информации о деятельности корпорации её участником в законодательстве и судебной практике Российской Федерации / Я. И. Крысова // Молодой учёный. — 2025. — № 50 (601). — С. 363–365.
7. Малюшев А. В. Основания для отказа в предоставлении информации участникам ООО в российской правоприменительной практике / А. В. Малюшев // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2025. — № 10.
8. Байрамова, Я. Ф. Частноправовые способы защиты прав и законных интересов миноритарных акционеров / Я. Ф. Байрамова // Юрист. — 2026. — № 4.
9. Грязнов В. Применение запрета злоупотребления правом при отказе участнику общества в истребовании документов общества / В. Грязнов // Адвокатская газета. — 2024. — № 8 (409).
10. Филипенко В. А. Специфика проявления принципа добросовестности в корпоративном праве: монография / В. А. Филипенко. — Москва: Статут, 2025.

Понятие и виды чрезвычайных ситуаций

Жданов Павел Николаевич, студент

Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Хабаровск)

В статье раскрыто понятие чрезвычайных ситуаций техногенного характера, раскрыты причины их возникновения. В работе приведена характеристика отдельных видов аварий и катастроф. Проведена классификация чрезвычайных ситуаций по различным основаниям. Приведены примеры из практики.

Ключевые слова: чрезвычайные ситуации, техногенные аварии и катастрофы, природные чрезвычайные ситуации, техносфера, классификация

Современное общество может быть охарактеризовано как техногенное. Промышленность и наука способствуют созданию объектов техносферы, являющихся сложными промышленными комплексами. Активное использование науки для развития промышленного производства приводит к созданию объектов, улучшающих качество жизни человека.

С другой стороны, интенсивное развитие промышленных мощностей сегодня работает не только как двигатель экономики, но и как потенциальный источник системных угроз. Сегодня промышленное производство является сложным системным объектом, где малейший сбой на одном участке способен запустить каскадную реакцию на других этапах промышленного цикла. Опасность формирует риски для людей и окружающей среды, где локализуется промышленное производство. Чем выше технологическая насыщенность, тем труднее контролировать все переменные. Итогом могут стать крупные аварии, загрязнение атмосферы, накопление токсичных отходов, загрязнение водоёмов и почв. Последствия носят долговременный характер: ухудшение качества воздуха напрямую коррелирует с ростом заболеваний дыхательной системы и онкопатологии в индустриальных зонах, а деградация экосистем подрывает устойчивость целых регионов.

Осознание потенциальной опасности эксплуатации технически сложных объектов привело к формированию понятия «техногенные угрозы» и разработке мер по их предотвращению на межгосударственном, государственном, локальном и объектном уровне. Техногенные угрозы представляют собой действия или события, которые при определенных условиях способны создавать ситуации, приводящие к гибели людей, утрате материальных ценностей и возникновению социальных трудностей в регионах. В научной среде такие опасности общепринято именовать чрезвычайными ситуациями техногенного характера. [1]

Легальное определение чрезвычайных ситуаций, закреплено в статье 1 Федерального закона от 21 декабря 1994 года № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», где они раскрываются как обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, распространения заболевания, представляющего опасность для окру-

жающих, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей.

Данное понятие является краеугольным камнем формирования системы государственного регулирования и управления в области гражданской обороны и защиты населения от чрезвычайных ситуаций. Оно служит основой для разработки нормативно-правовой базы, планирования мероприятий по предупреждению и ликвидации последствий, а также для определения компетенций и ответственности различных органов власти и организаций. [2]

Статистические данные показывают, что в 2020–2023 гг чаще всего чрезвычайные ситуации носили именно техногенный характер. За период с 2023 по 2026 год на их долю в среднем приходилось около 60–63 % от общего числа, тогда как природные составили примерно 37–40 %. Если суммировать данные по годам, картина выглядит так: в 2023 году зафиксировано 305 ЧС, в 2024–272, в 2025 — около 280, а за первое полугодие 2026 года — 146 ЧС. При этом в 2026 году наблюдался рост числа природных ЧС: за первые шесть месяцев зарегистрировано 56 таких случаев, что стало максимумом за последние пять лет. Среди техногенных чаще встречались аварии на транспорте, взрывы и обрушения в зданиях, а среди природных — лесные пожары, паводки и опасные метеорологические явления.

Чрезвычайные техногенные ситуации могут быть классифицированы по разным основаниям. В зависимости от охвата территории они могут быть классифицированы на следующие виды [4]:

1) чрезвычайные ситуации, вред от которых локализован на одном объекте. В августе 2025 года в акватории морского порта Новороссийск во время грузовых операций на выносном причальном устройстве (ВПУ) Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) произошёл разлив нефти. Инцидент случился утром 29 августа. По данным Росприроднадзора и Росморречфлота, разлив оперативно локализовали, угрозы его дальнейшего распространения не было. Причиной инцидента стало нарушение обращения с отходами. На локальность ситуации указывает ограниченность конкретным объектом (ВПУ КТК), не вышел за его границы, последствия

не вышли за рамки организации, а размер ущерба не превысил установленный порог;

2) чрезвычайные ситуации местного характера, представляющие собой аварии, катастрофы техногенного характера, локализованные на территории одного населенного пункта. Для ликвидации таких аварий используются силы местного управления МЧС. **Пример такой чрезвычайной ситуации в 2026 году** — пожар в складском комплексе в городе Невинномысске, который произошёл 22 июля 2026 года. После этого инцидента был введён режим ЧС локального уровня.

3) чрезвычайные ситуации территориального уровня предполагают воздействие на значительную площадь, последствия которой отражаются на уровне субъекта Федерации. При описании данной ситуации часто говорят о количестве пострадавших или причиненном материальном ущербе. В чрезвычайной ситуации такого уровня могут пострадать до 500 человек, а материальный ущерб превышает 5000 рублей. Примером чрезвычайной ситуации такого уровня являются разлива около 200 тонн нефтепродуктов в Хатангском заливе в сентябре 2026 года в Таймырском Долгано-Ненецком округе (Красноярский край) из-за шторма. Была введена ЧС территориального уровня, потребовавшая мобилизации региональных сил и средств МЧС для ликвидации последствий.

4) чрезвычайные ситуации регионального характера, предполагающие происшествие, затронувшие несколько субъектов Федерации (2–3). Например, режим ЧС в Республике Крым и Севастополе в июне 2026 года ввели из-за комплекса проблем — в первую очередь из-за перебоев с электроснабжением, сложностей с поставками топлива и связанных с этим экономических трудностей. Режим позволил ускорить закупки, провести аварийно-восстановительные работы и урегулировать организационные вопросы.

5) чрезвычайные ситуации федерального характера совершаются на территории всей страны. Например, примером такой чрезвычайной ситуации является введение особого режима в апреле 2026 года в Дагестане и Чечне. Была создана правительственная комиссия под председательством главы МЧС, которая для преодоления ситуации повысила уровень реагирования, чтобы масштабно задействовать федеральные ресурсы для ликвидации последствий и выплат пострадавшим.

В зависимости от видов риска техногенные чрезвычайные ситуации делятся на транспортные и производственные. Транспортные чрезвычайные ситуации могут быть совершены на авиатранспорте или в космосе, на же-

лезнодорожном, автодорожном, речном и морском флоте. Производственные аварии связаны с различными видами негативного воздействия на объекты.

По источнику возникновения чрезвычайные ситуации делятся на следующие группы:

— химические аварии, в которых вред возникает в результате разлива или распыления химических веществ. Например, в августе 2026 года в индустриальном парке «Южные врата» (городской округ Домодедово) после атаки беспилотника и тушения пожара произошёл разлив химических веществ.

— биологические аварии, вызванные утечкой вредных биологических веществ искусственного происхождения (штаммов, вирусов и др.);

— пожары и взрывы, являющиеся следствием нарушения техники безопасности на производстве (например, на оборонном заводе «Авангард» (Башкортостан, август 2024 года) случился взрыв при демонтаже старого оборудования. Бригада подрядчиков применяла «безогневый» метод резки трубопровода, но в коммуникациях накопилась газозоодушная смесь. Поскольку газовые линии перед работами не были должным образом обезопасены, произошёл взрыв. Погиб весь состав бригады.);

— обрушение (могут быть вызваны неустойчивостью конструкции). Примером является чрезвычайная ситуация в Аквпарке «Трансвааль» (Москва, 14 февраля 2004 года). Обрушился монолитный купол из тонкостенного бетона над водной зоной. Площадь обрушения составила около 5 тысяч квадратных метров. Погибли 28 человек (в том числе 8 детей), более 100 были ранены. Следствие установило, что одной из ключевых причин стали ошибки проектировщика: конструкция не выдержала нагрузок [3].

Таким образом, без технических изобретений невозможно представить себе жизнь современного человека. Техносфера открывает новые возможности для бытия человечества. Все технические изобретения таят в себе потенциальную опасность, отражающие технический прогресс. Задачей органов государства является создание таких условий противодействия чрезвычайным ситуациям, в которых человек будет находиться в безопасности. Для этого требуется комплексный подход к управлению системами безопасности, позволяющими не допустить техногенные аварии. Для выполнения этих целей необходима разработка эффективных мер противодействия каждой из приведенных видов чрезвычайных ситуаций. В этом случае будут учтены уроки прошедших катастроф и не допущены новые аварии.

Литература:

1. Теплоухова, В. С. Понятие и виды чрезвычайных ситуаций техногенного характера / В. С. Теплоухова // Студенческий. — 2022. — № 7–3(177). — С. 10–12. URL: <https://sibac.info/journal/student/177/242651> (дата обращения: 14.10.2026).
2. Басова, Ю. Ю. Онтологическая характеристика понятия «чрезвычайная ситуация» / Ю. Ю. Басова // Успехи современной науки. — 2016. — Т. 5, № 10. — С. 63–68.

3. Незвинский, А. С. К вопросу о понятии и сущности чрезвычайной ситуации / А. С. Незвинский // Молодой ученый. — 2026. — № 7(610). — С. 173–175
4. Рустамов, М. М. Понятие и виды чрезвычайных ситуаций: проблемы классификации / М. М. Рустамов // Интер-наука. — 2021. — № 22–3(198). — С. 91–92.

Пределы применения норм трудового права при регулировании служебно-трудовых отношений

Иванова Дарья Александровна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Исследована проблема определения пределов действия трудовых норм в отношениях по происхождению государственной, гражданской и муниципальной службы. Рассматривается публично-правовая концепция служебных отношений, положения общих и специальных федеральных законов, правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Обосновывается необходимость устанавливать пробел специального регулирования применительно к конкретному юридическому последствию.

Ключевые слова: трудовое право, служебное право, гражданская служба, муниципальная служба, служебно-трудовые отношения, субсидиарное применение специальное регулирование.

Limits of application of labour law rules to public service relations

The problem of defining the scope of application of labor standards in relations arising from state, civil, and municipal service has been studied. The public law concept of service relations, the provisions of general and special federal laws, and the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation are examined. The necessity of identifying a gap in special regulation in relation to a specific legal consequence is substantiated.

Keywords: labor law, service law, civil service, municipal service, servicelabor relations, subsidiary application, special regulation.

Вопрос о пределах к отношениям государственной и муниципальной службы нельзя свести к выбору между двумя отраслевыми конструкциями. Служащий осуществляет оплачиваемую деятельность и нуждается в трудовых гарантиях, однако выполняет публичные функции, подчиняется специальным требованиям и ограничениям, проблема заключается в определении случаев, когда ТК РФ восполняет недостаточность служебного регулирования, а когда его применение подменяет специальный правовой режим.

В юридической науке нет единого понимания природы служебного права. Ю. Н. Стариков рассматривает его преимущественно в системе административного права и отмечает сложность разграничения публичных и трудовых начал [1, с. 102–103], в более поздней работе он связывает изменение служебного законодательства с преобразованием системы публичной власти [2, с. 366–367]. М. В. Пресняков и С. Е. Чаннов предлагают объяснять особый правовой режим объективной спецификой профессиональной службы, а не только существованием специального законодательства [3].

Наука трудового права подчёркивает единство базовых гарантий и объективную обусловленность их дифференциации. К. Н. Гусов, Е. П. Циндяйкина и И. С. Цыпкина

исследуют специальные правила как проявление дифференциации регулирования труда [4]. Т. Ю. Коршунова и О. В. Мощная показывают многообразие межотраслевых связей, не ограничиваемых простым переносом норм [5], поэтому действие отдельных трудовых гарантий не подтверждает исключительно трудовой характер службы, равно как публичный статус не оправдывает безусловное устранение этих гарантий.

Нормативное разграничение начинается со статьи 11 ТК РФ, предусматривающей распространение трудового законодательства на государственных и муниципальных служащих с установленными служебным законодательством особенностями [6], однако соответствующие специальные законы используют неодинаковые конструкции. Статья 73 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ допускает применение актов, содержащих нормы трудового права, к отношениям гражданской службы в части, не урегулированной данным законом [7]. При этом часть 4 статьи 10 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ требует учитывать непротиворечие трудовых норм закону о системе государственной службы и закону о соответствующем виде службы [8], следовательно, для гражданской службы недостаточно сослаться лишь на общую сферу действия ТК

РФ: необходимо выявить конкретный пробел и оценить совместимость предполагаемой нормы.

Применительно к муниципальной службе установлена иная модель. В силу части 2 статьи 3 Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ трудовое законодательство действует с особенностями, предусмотренными этим законом; согласно части 1 статьи 2 муниципальная служба осуществляется посредством заключения трудового договора (контракта) [9], таким образом, на гражданской службе вопрос ставится о возможности субсидиарного привлечения трудового права, а на муниципальной о пределах специального изъятия из первоначально действующего трудового регулирования. Различие связано не только с терминологией законов, но и с выбором исходного нормативного режима.

Практическое значение предметного подхода раскрывает определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16 ноября 2020 г. № 60-КГ20-3-К9 [10]. Спор возник после временного перевода гражданской служащей на должность отсутствующего работника. По окончании временного замещения служебные отношения были прекращены. Верховный Суд установил, что специальное законодательство регламентирует сам временный перевод, но не разрешает в необходимом объеме вопрос о последствиях окончания такого перевода, поэтому применялись положения статьи 72.2 ТК РФ о возвращении к прежней работе. Смысл правовой позиции заключается не в приравнивании служебного контракта к трудовому договору, а в установлении пробела по конкретному юридическому последствию.

Вместе с тем недостаточность специального регулирования не позволяет механически применять любую общую гарантию. В постановлении от 15 октября 2013 г. № 21-П Конституционный Суд РФ рассмотрел вопрос о гарантиях одиноким матерям, проходящим службу в уголовно-исполнительной системе, и указал, что различия в объеме защиты лиц, находящихся в сопоставимом положении, требуют объективного и конституционно значимого обоснования [11]. В данном случае сопоставление служебного режима с гарантиями статьи 261 ТК РФ было обусловлено необходимостью защиты материнства и детства, а не отрицанием публичной природы соответствующей службы. Таким образом, специальное регулирование должно оцениваться не только формально, но и с позиции конституционного назначения социальной гарантии.

Иной аспект рассматриваемой проблемы обнаруживается в постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июля 2020 г. № 35-П по вопросу применения статьи 392 ТК РФ [12]. Предметом оценки была судебная защита требования о компенсации морального вреда после восстановления нарушенных служебных прав. Этот акт показывает,

что использование трудового механизма в сфере службы не освобождает правоприменителя от проверки того, обеспечивает ли избранное толкование реальную судебную защиту. Аналогичная проблема неодинакового уровня гарантий при прекращении службы исследуется М. В. Пресняковым, который отмечает отсутствие объективного обоснования ряда различий между служебными режимами [13]. Однако устранение всех различий было бы столь же необоснованным, как и их безусловное сохранение.

Для проверки применимости трудового права предлагается сначала определить конкретное неурегулированное право, обязанность или юридическое последствие, затем необходимо установить отсутствие специального решения и совместимость общей нормы с законами № 58-ФЗ и № 79-ФЗ. При нескольких допустимых вариантах толкования следует учитывать конституционный смысл гарантии и соразмерность ограничений. Однако ясное предписание федерального закона не может игнорироваться правоприменителем; вопросы его конституционности разрешаются в установленном порядке. Для повышения определенности нормативного регулирования предлагается дополнить статью 73 Федерального закона № 79-ФЗ положением следующего содержания: «При решении вопроса о применении нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, отсутствие правового регулирования определяется применительно к конкретному праву, обязанности или правовому последствию, возникающему в связи с прохождением гражданской службы. Применение указанных норм допускается при условии их непротиворечия настоящему Федеральному закону и Федеральному закону „О системе государственной службы Российской Федерации“». Такое уточнение не создает безусловного приоритета трудового права, но препятствует отказу в ее применении на основании одного лишь существования специального регулирования смежного вопроса.

Таким образом, граница действия трудового законодательства в служебных отношениях проходит не между двумя абстрактно противопоставленными отраслями права, а между конкретными предметами общего и специального регулирования. Публичное назначение службы оправдывает особые правила лишь в той мере, в какой они обусловлены ее характером и совместимы с конституционными гарантиями. Отсюда следует основной вывод исследования: пробел специального законодательства должен определяться применительно к отдельному юридическому последствию, а применение нормы ТК РФ сопровождаться проверкой нормативной совместимости и конституционно допустимых пределов дифференциации.

Литература:

1. Старилов Ю. Н. Служебное право России: уже реальность или пока научная гипотеза? // Правовая наука и реформа юридического образования. 2013. № 3 (26). С. 99–116.

2. Старилов Ю. Н. Служебное право в России: многозначные новеллы законодательства о государственной службе 2020–2022 гг. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 4. С. 366–391.
3. Пресняков М. В., Чаннов С. Е. Административно-правовое регулирование служебных отношений: теория и практика / под ред. Г. Н. Комковой. Саратов: Научная книга, 2008.
4. Гусов К. Н., Циндяйкина Е. П., Цыпкина И. С. Особенности трудового договора с отдельными категориями работников: научно-практическое пособие / под ред. К. Н. Гусова. 2-е изд. М.: Проспект, 2018.
5. Коршунова Т. Ю., Моцная О. В. К вопросу о межотраслевых связях трудового права // Трудовое право в России и за рубежом. 2024. № 3.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 25.05.2026).
7. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ред. от 08.03.2026, с изм. от 29.09.2026).
8. Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (ред. от 29.09.2025).
9. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2025).
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2020 г. № 60-КГ20–3-К9.
11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 октября 2013 г. № 21-П.
12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2020 г. № 35-П.
13. Пресняков М. В. Гарантии при увольнении государственных и муниципальных служащих по инициативе представителя нанимателя (руководителя) // Журнал российского права. 2024. № 6.

Критерии запрещённой информации в российском праве: проблемы правовой определённости

Кириллина Айыына Александровна, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

Статья посвящена определению запрещённой информации в российском праве и уточнению соответствующих критериев во избежание чрезмерного усмотрения правоприменителя. Уточнены содержание принципа правовой определённости применительно к информационным ограничениям и понятие экстремизма; сопоставлены нормы о распространении недостоверной информации и способы установления её ложности; выявлены проблемы разграничения фактических утверждений и оценочных суждений. Предложены меры по совершенствованию правоприменения: применение общего критерия реальной угрозы охраняемым интересам, разъяснение Верховного Суда РФ о разграничении факта и оценки, публикация мотивированных решений о признании материалов экстремистскими.

Ключевые слова: правовая определённость, запрещённая информация, экстремизм, недостоверная информация, фейки, судебная практика, свобода выражения мнения.

Criteria of Prohibited Information in Russian Law: Problems of Legal Certainty

The article examines the definition of prohibited information in Russian law and clarifies the relevant criteria to prevent excessive discretion in law enforcement. It examines the principle of legal certainty as applied to restrictions on information and the concept of extremism; compares provisions governing the dissemination of unreliable information and methods for establishing falsity; and identifies difficulties in distinguishing factual statements from value judgments. Proposed measures include applying a general criterion of a real threat to protected interests, Supreme Court guidance on distinguishing facts from opinions, and publishing reasoned decisions declaring materials extremist.

Keywords: legal certainty, prohibited information, extremism, false information, fake news, judicial practice, freedom of expression.

В конституционном тексте формула информационных свобод выглядит просто. Каждый вправе свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 4

ст. 29), цензура запрещена (ч. 5 ст. 29), а права и свободы можно ограничить федеральным законом лишь в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55) [1]. Простота, впрочем, обманчива. Между «законным способом» и «запрещённой информацией» лежит вся проблема, о которой пойдёт речь дальше.

Запретов за последние годы стало заметно больше, и держатся они на понятиях, которые редко удаётся объяснить без оговорок. «Экстремизм» в Федеральном законе № 114-ФЗ описан длинным перечнем признаков [2]. «Недостоверная общественно значимая информация» появилась в Законе № 149-ФЗ и в Кодексе об административных правонарушениях [3; 4]. «Заведомо ложная информация» и «дискредитация» с 2020 г., а особенно после 2022 г., вошли в Уголовный кодекс и КоАП РФ отдельными составами (ст. 207.1–207.3, 280.3 УК РФ, ст. 20.3.3 КоАП РФ) [5]. Каждое из этих понятий по отдельности защитить можно. Вместе, применительно к конкретному тексту в социальной сети, они образуют систему, в которой человеку трудно заранее понять, где проходит граница.

Тревожные сигналы поступали и раньше. Венецианская комиссия ещё в 2012 г. отмечала, что определения «экстремизма», «экстремистских материалов» и «экстремистской организации» в российском законе сформулированы настолько широко и неточно, что оставляют слишком большой простор для усмотрения, а значит, и для произвола [6]. В отечественной науке об этом пишут не первое десятилетие: О. А. Беглова в 2011 г. задавалась вопросом, любой ли экстремизм противоправен [7], а по оценке А. А. Беженцева и В. Р. Лебедева, закон 2002 г. и сегодня пользуется чрезмерно широкими формулировками [8]. К этому прибавилась цифровая среда, где любое высказывание публично и сохраняется: цена неопределённости выросла. А разрыв между разъяснениями высших судов и практикой нижестоящих стал самостоятельным предметом исследования.

Спор, таким образом, идёт не о том, нужны ли запреты. Нужны, и Конституция прямо это допускает. Вопрос в другом: достаточно ли ясны их критерии, чтобы суды применяли их единообразно, а гражданин мог предвидеть последствия собственных слов.

Правовая определённости в практике Конституционного Суда РФ — понятие многослойное. О. Е. Шишкина и С. С. Бурцева показывают, что оно включает формальную определённость норм, предсказуемость регулирования, стабильность правоотношений и неизбежность вступивших в силу судебных актов [9]. Для нашей темы важен первый слой. Норма отвечает принципу, когда субъект права понимает последствия своего поведения либо прямо из текста, либо после его судебного толкования, а к уголовным нормам предъявляются повышенные требования [10]. Европейский Суд выразил ту же мысль иначе: закон должен быть доступен и сформули-

рован с такой точностью, чтобы гражданин мог сообразовывать с ним своё поведение и предвидеть, в разумной степени, последствия конкретного действия [11].

Есть и оговорка, без которой разговор был бы нечестным. От оценочных понятий полностью не избавиться, да и не нужно: «общественная опасность», «значимость», «нравственность» всегда останутся оценочными, и тот же Европейский Суд прямо признаёт, что абсолютная точность недостижима, а чрезмерная жёсткость формулировок мешала бы праву приспособляться к меняющимся обстоятельствам [11]. Значит, важно не столько то, есть ли в норме оценочные слова, сколько то, наполняет ли практика эти слова устойчивым содержанием. Это и проверяется ниже.

Статья 1 Закона № 114-ФЗ определяет экстремистскую деятельность через перечень: в нём и насильственное изменение основ конституционного строя, и публичное оправдание терроризма, и возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, и пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности [2]. Перечень формально закрытый, но его пункты отстоят от насилия на очень разное расстояние, а общего признака, который объединял бы их, в определении нет. О. А. Беглова предлагала ввести именно такой единый критерий — реальную угрозу государственной и общественной безопасности — и указывала на две тенденции в практике: буквальное применение норм без оценки фактического эффекта деяния и ответственность за потенциальный риск вместо реальной опасности [7].

Пленум Верховного Суда РФ неоднократно пытался закрыть этот пробел разъяснениями. Постановление от 28 июня 2011 г. № 11 менялось не раз — в 2016, 2018, 2021 и в декабре 2025 г. [12]. После корректировок суду предписано оценивать совокупность обстоятельств, а не сам факт размещения материала: форму и содержание публикации, комментарии пользователя, его отношение к материалу, характер страницы, объём и частоту размещений. Кроме того, нужно установить, что лицо осознавало направленность своих действий и стремилось возбудить ненависть [12]. Постановлением от 23 декабря 2025 г. № 43 Пленум добавил, что критика политических организаций, религиозных объединений и публичных фигур сама по себе не должна расцениваться как возбуждение ненависти [15].

Уже то, что вышестоящий суд снова и снова возвращается к вещам, казалось бы, очевидным, многое говорит о положении дел. Если бы разъяснения прежних лет работали так, как задумывалось, новые бы не понадобились. Можно прочитать это оптимистично, как готовность корректировать курс. Можно скептически, как признание того, что прежние разъяснения до нижестоящих судов не дошли. Автор склоняется ко второму прочтению, хотя и не исключает, что картина изменится: пока слишком рано судить, как именно новые пункты будут применяться.

Расхождения хорошо видны на конкретных делах. Показателен опыт с религиозной литературой. Российские суды признавали экстремистскими книги турецкого богослова Саида Нурси; в деле «Ибрагим Ибрагимов и другие против России» ЕСПЧ в 2018 г. пришёл к выводу, что мотивировка национальных судов не давала достаточных оснований для вмешательства в свободу выражения мнения, а доказательств того, что распространение этих книг где-либо привело к религиозной напряжённости или насилию, представлено не было [16]. Похожая логика прослеживается в деле о ликвидации организаций Свидетелей Иеговы: после решения Верховного Суда РФ от 20 апреля 2017 г. они были признаны экстремистскими, а Европейский Суд в постановлении 2022 г. заключил, что запрет их литературы стал возможен лишь из-за чрезмерно широкого определения «экстремизма» в российском праве, применимого и к вполне мирным формам выражения мнения; он констатировал нарушение свободы религии, выражения мнения и объединений [17]. Эти постановления, конечно, не обязательны для России. Но юридическая сила здесь вторична. Независимый суд, проверив те же решения, счёл их мотивировку недостаточной, и это факт, который трудно обойти.

Ещё одна, совсем свежая иллюстрация — решение Верховного Суда РФ от 30 ноября 2023 г., которым «Международное общественное движение ЛГБТ» признано экстремистской организацией. Как сообщалось в открытых источниках, заседание было закрытым и прошло без участия стороны, которую можно было бы считать ответчиком. Из публично доступных сведений о деле не вполне ясно, где проходит граница между таким «движением» и самоидентификацией граждан или обычным публичным высказыванием по этой теме. Оценивать сам предмет спора в задачи статьи не входит. Интересна техническая сторона: адресат нормы не может заранее узнать, какие действия составят «участие» или «демонстрацию символики» подобного объединения, и суды вынуждены заполнять пробел от дела к делу.

Отдельный сюжет — федеральный список экстремистских материалов. Материал попадает в него по решению суда (ст. 13 Закона № 114-ФЗ) [2], после чего «массовое распространение» такого материала образует состав правонарушения по ст. 20.29 КоАП РФ [4]. В списке около пяти с половиной тысяч позиций, и это далеко не только книги: сайты, песни, ролики, отдельные публикации. Слово «массовое» закон не расшифровывает. С сентября 2025 г. к этому добавилась ст. 13.53 КоАП РФ, установившая штраф за умышленный поиск «заведомо экстремистских материалов» [4]. Требование заведомости смягчает проблему, но не снимает её: заведомость надо как-то доказывать, а проверить, значится ли пересылаемый файл в списке, рядовому пользователю по-прежнему непросто. Как это должно работать на практике, право пока убедительно не объясняет.

Слова «фейк» в законодательстве нет, и это не мелочь. Вместо него используется как минимум четыре кон-

струкции. Статья 15.3 Закона № 149-ФЗ и ст. 13.15 КоАП РФ оперируют «недостоверной общественно значимой информацией, распространяемой под видом достоверных сообщений», причём в первом случае такая информация должна ещё и создавать угрозу жизни, здоровью, имуществу либо массового нарушения общественного порядка [3; 4]. Статьи 207.1 и 207.2 УК РФ говорят о «заведомо ложной» информации — об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, либо об общественно значимых сведениях, повлёкших тяжкие последствия. Статья 207.3 УК РФ посвящена заведомо ложной информации об использовании Вооружённых Сил РФ и о деятельности государственных органов за рубежом [5]. Наконец, ст. 20.3.3 КоАП РФ и ст. 280.3 УК РФ вообще не требуют ложности, а говорят о «дискредитации» [4; 5].

Разницу между «недостоверной», «ложной» и «заведомо ложной» информацией можно было бы счесть стилистической, если бы за ней не стояли разные режимы ответственности. «Заведомость» означает, что лицо знало о ложности того, что сообщает; в административных составах ст. 13.15 КоАП РФ такого признака нет. Небольшое отступление: слово «заведомо» вообще заслуживает отдельного разговора. Оно переносит центр тяжести с объективной стороны на субъективную, и важно уже не то, что сказано, а то, что человек знал. Логика понятная. Но доказать знание о ложности почти всегда можно только косвенно: информация была опровергнута, а человек продолжил её распространять. И мы возвращаемся к прежнему вопросу — кто и как устанавливает, что информация ложна.

Трудность здесь принципиальная. Чтобы назвать сведения ложными, нужен эталон для сравнения, и вокруг него в литературе и практике идёт настоящий спор. Е. С. Чижова, обобщая подходы, приводит позицию А. И. Родионова: наличие официально опубликованных сведений — необходимое условие для вменения заведомо ложной информации, иначе сравнивать не с чем [13]. Логика понятна, когда речь идёт о событиях, к которым у обычного человека нет прямого доступа. У подхода есть и обратная сторона: официальная версия становится единственным мерилем, а презумпция невиновности плохо уживается с ситуацией, когда единственный источник истины — сторона, чьи действия описываются.

Суды при этом идут не единой линией. В приговоре суда Йошкар-Олы (дело № 1–418/2023), как его описывает та же исследовательница, из обвинения исключено утверждение о целях, с которыми войска были направлены на Украину: сведения, которые обвинение сочло не соответствующими официальной позиции Министерства обороны, «не нашли объективного подтверждения» в ходе разбирательства [13]. Иначе говоря, судя по этому описанию, одного расхождения с официальной версией суду оказалось мало. Один приговор ещё не тенденция. Но он показывает, что единого ответа на вопрос, чем доказывается ложность, нет ни в теории, ни в практике.

Отдельный узел — граница между фактом и мнением. Для гражданско-правовых споров она давно проведена: Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 24 февраля 2005 г. № 3 различает сведения, соответствие которых действительности можно проверить, и оценочные суждения, мнения и убеждения, которые проверке не подлежат [18]. Идея восходит к делу «Лингенс против Австрии», где ЕСПЧ указал, что существование фактов можно доказать, а истинность оценочных суждений доказательству не поддаётся [19]. Для ст. 207.3 УК РФ подобного разъяснения нет. е. С. Чигова предлагает ориентироваться на проверяемость утверждения, наличие ссылок на конкретные события и данные, контекст высказывания и восприятие аудиторией и считает необходимым разъяснение Верховного Суда по этому вопросу [13].

Один из самых известных приговоров по этой статье — приговор Мещанского районного суда г. Москвы от 8 июля 2022 г. муниципальному депутату А. Горинову, осуждённому по ч. 2 ст. 207.3 УК РФ к семи годам лишения свободы за выступление на заседании совета депутатов 15 марта 2022 г. Предметом обвинения стали слова, в ко-

торых суд усмотрел ложные сведения о Вооружённых Силах. Были ли эти слова утверждением о фактах или выражением отношения к происходящему, в подобных делах нередко выясняют лингвистической экспертизой, хотя Пленум прямо указывает, что заключение эксперта не имеет заранее установленной силы [12]. Граница между фактом и мнением здесь определяет исход дела, а критерия для неё в законе нет.

Ещё сложнее с дискредитацией. Статья 20.3.3 КоАП РФ и ст. 280.3 УК РФ ложность не требуют: достаточно публичных действий, направленных на дискредитацию использования Вооружённых Сил РФ. У правоприменителя появляется, если так можно выразиться, запасной путь: где спорно, что утверждение ложно, остаётся возможность рассматривать ту же публикацию как «дискредитацию», для которой ложность безразлична. Утверждать, что суды систематически так поступают, без анализа выборки судебных актов было бы голословно. Но сама архитектура норм такой манёвр допускает, и именно здесь особенно заметно отсутствие единого критерия. Сводная картина расхождений приведена в табл. 1.

Таблица 1. Ориентиры закона и расхождения в судебной практике

Понятие	Ориентир (закон, высшие суды)	Где возникает расхождение
Экстремизм	Перечень признаков в ст. 1 Закона № 114-ФЗ; Пленум ВС РФ: оценивать мотив, цель, контекст [2; 12]	Книги С. Нурси и организации Свидетелей Иеговы признаны экстремистскими; ЕСПЧ счёл мотивировку недостаточной [16; 17]
Экстремистские материалы	Признаются судом; ведётся федеральный список (ст. 13 Закона № 114-ФЗ)	Около 5,5 тыс. позиций; «массовое» распространение (ст. 20.29 КоАП РФ) не определено; с 2025 г. — ст. 13.53 КоАП РФ
Недостоверная и заведомо ложная информация	Ст. 15.3 Закона № 149-ФЗ, ст. 13.15 КоАП РФ, ст. 207.1–207.3 УК РФ: разные формулы и виды вины	Нет единого эталона ложности: официальные сведения как необходимое условие (литература) и «объективное подтверждение» (суд Йошкар-Олы); факт и оценка не разграничены [13]
Дискредитация	Ст. 20.3.3 КоАП РФ, ст. 280.3 УК РФ: ложность не требуется	Граница со ст. 207.3 УК РФ не определена; возможна разная квалификация одного высказывания

Если отвлечься от частных противоречий, растут из нескольких корней. Самый очевидный из них юридико-технический: перечень признаков вместо критерия в случае экстремизма и несколько параллельных формул в случае распространения недостоверной информации. Менее заметный — доказательственный. Судам нужен способ установить ложность, независимого способа у них нет, и каждый выбирает свой: кто-то ориентируется на официальную позицию, кто-то ищет объективное подтверждение. Есть и третий корень, институциональный: закрытые заседания и неопубликованные решения. Из-за них расхождения долго остаются незамеченными, а разъяснения Пленума, судя по их повторяемости, доходят до нижестоящих судов не сразу.

Оговоримся: сама по себе широкая формулировка ещё не приговор закону. Проблема возникает, когда практика не в состоянии превратить её в предсказуемое правило.

Судя по рассмотренным материалам, сейчас происходит именно это.

Автор не предлагает отказываться от запретов и не берётся переписывать законодательство целиком. Начать можно с малого. Определение экстремистской деятельности стоит дополнить общим критерием реальной угрозы охраняемым интересам — об этом писали ещё полтора десятилетия назад [7]. Пленуму Верховного Суда РФ имеет смысл принять отдельное разъяснение по делам о заведомо ложной информации и дискредитации: закрепить различие факта и оценки, требования к лингвистической экспертизе и правило, по которому официальное сообщение служит доказательством, но не эталоном истины.

Есть предложения потруднее. Суды следовало бы обязать публиковать мотивированные решения о признании материалов экстремистскими с указанием фрагментов, которые обосновывают вывод: пользователю бывает трудно

понять, какая именно часть материала стала причиной запрета. И, наконец, в закон стоило бы ввести определения заведомо ложной информации и оценочного суждения, на отсутствие которых указывают исследователи [13]. Последнее, признаться, самое неудобное: любое определение придётся защищать от собственных исключений.

Изложенное позволяет прийти к выводу о том, что противоречия судебной практики показаны как следствие недостаточной формальной определённости нескольких смежных запретительных режимов, а не как набор отдельных ошибок. Предложенные меры реализуемы на уровне разъяснений и точечных поправок и не требуют пересмотра всей системы ограничений. Материалы статьи могут быть использованы при подготовке разъяснений высших судов, в правотворческой работе и в преподавании информационного и уголовного права.

Сказать, что в российском праве нет критериев запрещённой информации, нельзя. Они есть: в законах,

в постановлениях Пленума, в решениях по отдельным делам. Беда в том, что критерии не складываются в систему. Экстремизм описан перечнем, «фейк» — несколькими формулами, а между ними находится практика, которая то следует разъяснениям высших судов, то расходится с ними. Гражданину трудно предвидеть последствия слов, судье трудно единообразно применить норму.

Часть вопросов осталась открытой. Неясно, изменит ли практику Постановление № 43: ответить смогут только новые судебные акты. Неясно и то, как часто одно и то же высказывание получает разную квалификацию по ст. 207.3 УК РФ и ст. 20.3.3 КоАП РФ; для ответа нужна систематическая выборка приговоров и постановлений, и это, по-видимому, следующий шаг. Отдельно стоит понаблюдать за ст. 13.53 КоАП РФ: по сообщениям СМИ, первые дела по ней уже появились, а как суды будут доказывать «заведомость» поиска, пока непонятно.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. 1 июля 2020 г.). — Офиц. интернет-портал правовой информации. — URL: <https://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 29.09.2026).
2. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 30. — Ст. 3031. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения: 29.09.2026).
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Рос. Федерации. — 2006. — № 31 (ч. I). — Ст. 3448. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 29.09.2026).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 1 (ч. I). — Ст. 1. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 29.09.2026).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 29.09.2026).
6. Opinion on the Federal Law on Combating Extremist Activity of the Russian Federation: adopted by the Venice Commission at its 91st Plenary Session (Venice, 15–16 June 2012). CDL-AD(2012)016 / European Commission for Democracy through Law. — Strasbourg, 2012. — URL: <https://www.coe.int/en/web/venice-commission/-/cdl-ad-2012-016-e> (accessed: 29.09.2026).
7. Беглова О. А. Любой ли экстремизм противоправен? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. — 2011. — Вып. 4. — С. 61–69. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lyuboy-li-ekstremizm-protivopraven> (дата обращения: 29.09.2026).
8. Беженцев А. А., Лебедев В. Р. Экстремизм и экстремистская деятельность: терминологические дискуссии // Вестник Московского университета МВД России. — 2022. — № 5. — С. 36–40. — DOI: 10.24412/2073-0454-2022-5-36-40
9. Шишкина О. Е., Бурцева С. С. Правовая определённость в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2021. — Т. 23, № 3. — С. 166–182. — DOI: 10.24866/1813-3274/2021-3/166-182
10. Дербышева Е. А. Принцип правовой определённости как требование определённости нормы права // Юридические исследования. — 2017. — № 2. — DOI: 10.7256/2409-7136.2017.2.21970
11. Европейский Суд по правам человека. Постановление от 26 апр. 1979 г. по делу «Санди Таймс против Соединённого Королевства (№ 1)» (жалоба № 6538/74). — База данных HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-57584> (дата обращения: 29.09.2026).

12. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (в ред. от 23 дек. 2025 г.). — Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ». — URL: <https://base.garant.ru/58202247/> (дата обращения: 29.09.2026).
13. Чижова Е. С. Проблемы разграничения заведомо ложной информации и оценочных суждений при квалификации преступлений по статье 207.3 УК РФ // Теория и практика общественного развития. — 2025. — № 9. — С. 211–216. — DOI: 10.24158/tipor.2025.9.26
14. Конин В. В., Корсаков К. А., Сидоренко Е. В. Некоторые вопросы, касающиеся преступлений, направленных на публичное распространение заведомо ложной информации (ст. 207.1, 207.2, 207.3 УК РФ) // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2023. — № 2. — С. 18–31. — DOI: 10.17150/2411–6122.2023.2.18–31
15. ВС дал судам разъяснения по делам об экстремизме, отделив его от допустимой критики [о постановлении Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 23 дек. 2025 г. № 43] // Pravo.ru. — 2025. — URL: <https://pravo.ru/news/view/56577/> (дата обращения: 29.09.2026).
16. Европейский Суд по правам человека. Постановление от 28 авг. 2018 г. по делу «Ибрагим Ибрагимов и другие против России» (жалобы № 1413/08 и 28621/11). — База данных HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001–185293> (дата обращения: 29.09.2026).
17. Европейский Суд по правам человека. Постановление от 7 июня 2022 г. по делу «Таганрогская местная религиозная организация и другие против России» (жалоба № 32401/10 и 19 других). — База данных HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001–217535> (дата обращения: 29.09.2026).
18. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 24 февр. 2005 г. № 3. — Официальный сайт Верховного Суда РФ. — URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/8288/> (дата обращения: 29.09.2026).
19. Европейский Суд по правам человека. Постановление от 8 июля 1986 г. по делу «Лингенс против Австрии» (жалоба № 9815/82). — База данных HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001–57523> (дата обращения: 29.09.2026).

Эволюция международного стандарта налоговой прозрачности: от обмена информацией по запросу к автоматическому обмену финансовой информацией

Комов Андрей Иванович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается развитие международного стандарта налоговой прозрачности. Выделены основные этапы его формирования: от двусторонних соглашений об административной помощи до Единого стандарта отчетности ОЭСР. Показаны причины перехода от обмена информацией по запросу к автоматическому обмену, проанализированы правовые основы участия России в этой системе и проблемы, возникшие в последние годы.

Ключевые слова: налоговая прозрачность, обмен информацией, обмен по запросу, автоматический обмен, Единый стандарт отчетности, ОЭСР, Глобальный форум, уклонение от уплаты налогов.

Налоговые органы любого государства действуют только на его территории. Если доход или имущество налогоплательщика находятся за границей, получить сведения о них без помощи другого государства практически невозможно. Поэтому обмен налоговой информацией стал основным инструментом международного сотрудничества в борьбе с уклонением от уплаты налогов. Требования к такому обмену принято называть стандартом налоговой прозрачности. За последние тридцать лет этот стандарт изменился значительно: вместо обмена сведениями по отдельным запросам государства перешли к ежегодной автоматической передаче данных о финансовых счетах нерезидентов. Цель статьи состоит в том,

чтобы показать основные этапы этой эволюции и оценить ее результаты, в том числе для России.

Идея взаимной помощи налоговых органов возникла задолго до появления современных международных организаций. Еще в 1843 г. Бельгия и Франция заключили соглашение о взаимной административной помощи, в 1845 г. похожие договоренности Бельгия заключила с Нидерландами и Люксембургом, а в 1907 г. Франция и Великобритания договорились об обмене информацией для борьбы с уклонением от пошлин на наследство [1, с. 45]. В период Лиги Наций вопрос обсуждался уже на многостороннем уровне, однако в конце 1930-х гг. правительства жаловались, что для исполнения иностранного запроса им при-

ходится менять собственное законодательство [1, с. 46]. Это препятствие во многом сохранялось и во второй половине XX в.

После Второй мировой войны основой обмена стали двусторонние соглашения об избежании двойного налогообложения, построенные на Модельной конвенции ОЭСР [2]. Статья 26 этой модели предусматривает обмен информацией между компетентными органами. К. А. Пономарева выделяет три формы обмена: по запросу, автоматический и спонтанный [3, с. 163]. На практике долгое время использовалась в основном первая форма. Налоговый орган направлял запрос по конкретному налогоплательщику, а иностранный орган предоставлял сведения, если они были доступны и не защищались банковской тайной. Такая модель имела очевидный недостаток: чтобы направить запрос, нужно уже знать, о ком и о каком счете спрашивать.

Стандарт обмена по запросу как самостоятельный международный стандарт сложился в начале 2000-х гг. в ходе кампании ОЭСР против вредной налоговой конкуренции. В 2000 г. был создан Глобальный форум, а в апреле 2002 г. разработаны модельные соглашения об обмене налоговой информацией (TIEA) в двустороннем и многостороннем вариантах [4; 5, с. 44]. Эти соглашения предусматривали обмен только по запросу [5, с. 45]. Однако в мае 2001 г. США отозвали поддержку проекта, и ОЭСР отказалась от санкций в отношении безналоговых юрисдикций [5, с. 43]. В результате до конца 2000-х гг. сотрудничество, по оценке А. И. Погорлецкого и С. Ф. Сутырина, «носило, скорее, консультативно-координационный характер, нежели отличалось введением каких-либо действенных методов собственно налогового регулирования» [6, с. 48].

Ситуацию изменил мировой финансовый кризис 2008 г. и связанные с ним скандалы. В 2008 г. стали известны данные клиентов банка в Лихтенштейне, а швейцарский банк UBS был вынужден передать США сведения о своих клиентах [3, с. 162]. На саммите «Группы двадцати» в Лондоне 2 апреля 2009 г. лидеры заявили: «Мы выражаем готовность принимать согласованные меры против тех юрисдикций, которые не соблюдают международные стандарты в отношении транспарентности в области налогов» [7, с. 71]. В тот же день ОЭСР опубликовала «черный» и «серый» списки юрисдикций [6, с. 50]. Чтобы попасть в «белый» список, юрисдикция должна была подписать не менее 12 соглашений, соответствующих ст. 26 Модельной конвенции [3, с. 162].

Результат оказался быстрым. Если в 2008 г. офшорные юрисдикции подписали 23 соглашения об обмене информацией, то в 2009 г. уже 199 [6, с. 50]. Авторы отмечают, что «такого быстрого прогресса еще не было в современной истории» [6, с. 50]. По данным В. С. Новикова, с 2009 г. по январь 2010 г. было заключено более 300 соглашений, а к 2012 г. их число достигло 500 [5, с. 45]. В 2009 г. Глобальный форум утвердил стандарт обмена по запросу и начал проверки государств: в 2010–2016 гг. первый раунд взаимных оценок прошли 116 юрисдикций [5, с. 45; 8, с. 42]. В 2012 г.

была изменена и сама ст. 26 Модельной конвенции [3, с. 164]. Итог этого периода ОЭСР в 2011 г. сформулировала так: «эра банковской тайны закончилась» [9, с. 53].

Однако обмен по запросу сохранял прежние ограничения. Запрос должен быть обоснован, его подготовка занимает время, а налоговый орган не может запросить сведения о счете, о существовании которого он не знает. В. А. Канашевский прямо указывает, что обмен по запросу на основе типового соглашения «в целом не является эффективным» [10, с. 85]. Кроме того, отдельные государства находили способы не раскрывать сведения: при реализации европейской директивы о налогообложении сбережений [11] Австрия, Бельгия и Люксембург вместо обмена информацией применяли налог у источника [5, с. 45–46]. Стало понятно, что для реального результата нужна регулярная передача данных без запроса.

Правовая основа для этого уже существовала. Конвенция о взаимной административной помощи по налоговым делам, подписанная в рамках Совета Европы и ОЭСР в 1988 г. [12], вступила в силу в 1995 г. и предусматривала обмен информацией по запросу, спонтанный и автоматический [10, с. 83]. Л. И. Волова обращает внимание на то, что Конвенция основана на принципе эквивалентности [13, с. 42]. После Протокола 2010 г. к ней смогли присоединиться все государства. Россия ратифицировала Конвенцию в 2014 г. [14], и для нее она вступила в силу с 1 июля 2015 г. [10, с. 83].

Толчком к переходу на автоматический обмен стал американский закон FATCA [15], принятый в 2010 г. Он обязал иностранные финансовые организации сообщать налоговой службе США о счетах американских налогоплательщиков [3, с. 163]. Параллельно Швейцария и ряд других стран предлагали иную модель, так называемые соглашения «Рубик», при которых банк удерживал налог анонимно, не раскрывая данных о клиенте [3, с. 163]. Эта модель не получила широкой поддержки. В 2012 г. на саммите в Лос-Кабосе «Группа двадцати» поддержала доклад об автоматическом обмене, а в 2014 г. ОЭСР утвердила Единый стандарт отчетности (Common Reporting Standard, CRS) [8, с. 42; 16].

CRS отличается от FATCA тем, что он многосторонний и основан на взаимности [5, с. 47]. Финансовые организации каждой участвующей страны выявляют счета нерезидентов и ежегодно передают сведения своему налоговому органу, а тот направляет их в государство резидентства владельца счета. Механизм обмена закреплен Многосторонним соглашением компетентных органов 2014 г. [17], к которому к ноябрю 2017 г. присоединились 96 государств, включая Россию [10, с. 83]. Первые обмены 49 государств прошли в 2017 г., еще 53 государства, в том числе Россия, начали обмен в 2018 г. [10, с. 84]. По данным Б. А. Хейфеца, уже в 2017 г. действовало более 4500 обменных отношений между более чем 110 юрисдикциями [18, с. 85]. В. С. Новиков делает вывод, что, хотя налоговая конкуренция сохраняется, «по крайней мере на уровне международного сообщества выработан консенсус

по поводу необходимости совершенствования стандартов прозрачности» [5, с. 47].

Для участия в автоматическом обмене Россия изменила внутреннее законодательство. В ноябре 2017 г. в Налоговый кодекс РФ [19] была включена глава 20.1, которая обязывает финансовые организации выявлять клиентов-нерезидентов и представлять сведения о них в налоговые органы [10, с. 84]. По состоянию на 2018 г. Россия должна была получать информацию из 71 юрисдикции и передавать ее в 55 [10, с. 84]. Глобальный форум в ноябре 2017 г. оценил Россию как «в целом соответствующую» стандарту [10, с. 84].

Вместе с тем новый стандарт имеет ряд проблем. Прежде всего, это позиция США. Они требуют сведения от других стран по FATCA, но к Многостороннему соглашению по CRS не присоединились. В. А. Канашевский отмечает, что из-за этого США могут оказаться «налоговой гаванью» для российских клиентов [10, с. 84]. Б. А. Хейфец также указывает на неучастие США в CRS [18, с. 87]. Получается, что крупнейшая экономика мира остается вне общей системы, которую сама во многом инициировала.

Еще одна проблема касается прав налогоплательщика. Автоматический обмен означает массовую передачу персональных и финансовых данных за рубеж. К. А. Пономарева называет защиту прав налогоплательщика главным вызовом для новой модели [3, с. 165]. Государство-получатель обязано соблюдать конфиденциальность, но проверить это на практике отправляющее государство почти не может.

Кроме того, стандарт держится в основном на нормах «мягкого права». Рекомендации ОЭСР и Глобального форума не являются юридически обязательными и исполняются в силу их политической значимости [13, с. 43]. Обязательными становятся только те правила, которые закреплены в Конвенции 1988 г., двусторонних соглашениях и национальном законодательстве. Это делает систему зависимой от политических отношений между государствами.

Последнее обстоятельство особенно заметно для России. После 2022 г. ряд государств, в том числе Великобритания и Швейцария, фактически прекратил обмен информацией с ней [20, с. 113], а Указом Президента РФ в 2023 г. было приостановлено действие отдельных положений соглашений об избежании двойного налогообложения с рядом государств [21]. А. К. Харин указывает, что «деградация отношений в области международного обмена информацией выступает критическим фактором, который ещё более отдаляет российские перспективы противодействия гибридным налоговым схемам на международной основе» [20, с. 114]. Иными словами, правовые механизмы сохранились, но их применение в отношениях с частью партнеров остановлено.

Подводя итоги, можно выделить несколько этапов развития стандарта налоговой прозрачности. На первом этапе (XIX в. и первая половина XX в.) обмен информацией осуществлялся на основе отдельных двусторонних соглашений и был ограничен национальным законодательством. На втором этапе (со второй половины XX в. до 2008 г.) обмен по запросу закрепился в налоговых соглашениях и модельных соглашениях ОЭСР, но банковская тайна и отсутствие санкций снижали его эффективность. На третьем этапе (2009–2013 гг.) под давлением «Группы двадцати» стандарт обмена по запросу стал обязательным условием участия в мировой экономике, а число соглашений резко выросло. На четвертом этапе (с 2014 г.) основной моделью стал автоматический обмен финансовой информацией по CRS. Переход к автоматическому обмену позволил устранить главный недостаток прежней модели, так как налоговые органы получают сведения о счетах, о которых раньше не знали. При этом сохраняются нерешенные вопросы: неучастие США в CRS, защита прав налогоплательщиков и зависимость обмена от политической ситуации. Для России последний фактор сейчас является основным, поэтому для эффективного противодействия уклонению важно сохранять и развивать обмен информацией с теми государствами, с которыми он продолжается.

Литература:

1. Шепенко Р. А. Международно-правовое регулирование противодействия налоговому избежанию и уклонению // *Налоги и финансы*. 2011. № 3. С. 43–48.
2. Model Tax Convention on Income and on Capital 2025 (Full Version) // Paris: OECD Publishing, 2026. URL: <https://doi.org/10.1787/db32e18b-en> (дата обращения: 13.10.2026).
3. Пономарева К. А. Международное сотрудничество государств в сфере прямого налогообложения: опыт ОЭСР и развитие правового регулирования обмена информацией в налоговых целях // *Актуальные проблемы российского права*. 2016. № 9 (70). С. 159–167.
4. Agreement on Exchange of Information in Tax Matters. Paris: OECD Publishing, 2002. URL: https://www.oecd.org/en/publications/2002/05/agreement-on-exchange-of-information-in-taxmatters_g1gh2b36.html (дата обращения: 12.10.2026).
5. Новиков В. С. Международно-правовая система противодействия легализации преступных доходов и недобросовестной налоговой конкуренции // *Юридические исследования*. 2023. № 9. С. 40–69.
6. Погорлецкий А. И., Сутырин С. Ф. Перспективы становления системы глобального налогового регулирования // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 5, Экономика. 2010. Вып. 2. С. 47–58.

7. Мотала М. Ф. Вклад «Группы двадцати» и ОЭСР в новое глобальное управление в сфере налогообложения // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. Т. 14, № 2. С. 61–93.
8. Саргсян Л. М. Структура международной системы регулирования офшорных зон: современное состояние и перспективы развития // Вестник Московского университета. Сер. 25, Международные отношения и мировая политика. 2016. № 2. С. 31–54.
9. Погорлецкий А. И. Офшорный бизнес и антиофшорное регулирование // Экономика. Налоги. Право. 2013. № 2. С. 48–56.
10. Канашевский В. А. О раскрытии информации о бенефициарах офшорных компаний и трастов: текущее состояние и перспективы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 2 (69). С. 81–86.
11. Директива Совета 2003/48/ЕС от 3 июня 2003 г. о налогообложении доходов от сбережений в форме выплаты процентов // Official Journal of the European Union. — 2003. — L 157. — P. 38–48 (документ утратила силу с 01.01.2016).
12. Конвенция о взаимной административной помощи по налоговым делам (Страсбург, 25 января 1988 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 12. — Ст. 1586.
13. Волова Л. И. Роль норм и институтов международного налогового права в предотвращении налоговых правонарушений // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 2. С. 36–45.
14. Федеральный закон от 04 ноября 2014 г. № 325-ФЗ «О ратификации Конвенции о взаимной административной помощи по налоговым делам» // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 45. — Ст. 6135.
15. Закон о стимулировании найма для восстановления занятости (Hiring Incentives to Restore Employment Act) от 18 марта 2010 г. Pub. L. 111–147 // United States Statutes at Large. — 2010. — Vol. 124. — P. 71.
16. Standard for Automatic Exchange of Financial Account Information in Tax Matters. Paris: OECD Publishing, 2014. URL: <https://doi.org/10.1787/9789264216525-en> (дата обращения: 13.10.2026).
17. Многостороннее соглашение компетентных органов об автоматическом обмене информацией о финансовых счетах (Multilateral Competent Authority Agreement on Automatic Exchange of Financial Account Information) (Берлин, 29 октября 2014 г.) // Федеральная налоговая служба: официальный сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/docs/finans/russia_mcaa.pdf (дата обращения: 13.10.2026).
18. Хейфец Б. А. Глобальная деофшоризация 4.0 // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 2. С. 76–92.
19. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3824; 2026. — № 32. — Ст. 4489.
20. Харин А. К. О проблемах применения международных договоров Российской Федерации для противодействия гибридным схемам снижения налоговой нагрузки // Евразийская адвокатура. 2023. № 6 (65). С. 109–115.
21. Указ Президента РФ от 08 августа 2023 г. № 585 «О приостановлении Российской Федерацией действия отдельных положений международных договоров Российской Федерации по вопросам налогообложения» // Собрание законодательства РФ. — 2023. — № 33. — Ст. 6468.

О некоторых проблемных аспектах признания гражданина банкротом

Космовская Айша Максимовна, студент

Научный руководитель: Кузьмина Ирина Константиновна, кандидат юридических наук, доцент

Ульяновский государственный университет

Статья посвящена проблемам правового регулирования признания гражданина несостоятельным (банкротом). В статье проводится анализ признаков и последствий признания гражданина банкротом.

Ключевые слова: банкротство, должник, реализация имущества, реструктуризация долга.

Институт несостоятельности (банкротства) граждан сравнительно недавно возродившись в российском праве уверенно закрепился и стал неотъемлемым регулятором «санации» рыночных отношений. Сегодня он выполняет важнейшую функцию «освобождения» рынка от неплатежеспособных субъектов, одновременно пре-

доставляя добросовестным должникам шанс на восстановление платежеспособности и защиту от кредиторов и является социально значимым механизмом защиты населения.

Отношения в сфере несостоятельных должников в Российской Империи до 1917 г. регулировались гра-

жданским и торговым правом, а также соответствующими процессуальными нормами, а сам институт именовался конкурсным правом. В современных условиях в основу концепции несостоятельности в российском законодательстве положена прежде всего идея санации, а не ликвидации несостоятельных должников, и по этой причине неверно именовать этот институт, используя прежнюю терминологию. Сегодня конкурсное производство по-прежнему остается способом решения имущественных проблем несостоятельного должника — юридического лица, но оно не является процедурой несостоятельности для неплатежеспособного гражданина-должника. Так, с 1 октября 2015 года нормы о несостоятельности (банкротстве) применяются не только в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, но и физических лиц-граждан. До указанной даты применение положений этого правового института искусственно сдерживалось ст. 231 ФЗ 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1], устанавливавшим невозможность применения процедуры банкротства физических лиц вплоть до вступления в силу соответствующих изменений и дополнений.

Необходимость исследования процедур признания гражданина банкротом и реформирования соответствующего законодательства обусловлена рядом обстоятельств. Переходный период экономического развития, снижение уровня социального обеспечения населения, отсутствие благоприятных условий для притока отечественных и иностранных инвестиций создали благоприятную среду для развития массовой несостоятельности граждан. Количество дел в арбитражных судах ежемесячно увеличивается. Практика применения Закона о банкротстве уже выявила ряд негативных обстоятельств, что является основанием для научных дискуссий и предложений.

Под несостоятельностью (банкротством) должника-гражданина признается признанная арбитражным судом либо наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина его неспособность в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, а также исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Признать гражданина банкротом можно во внесудебном и судебном порядке.

При рассмотрении судом дела о банкротстве возможны три процедуры банкротства — мировое соглашение, реструктуризация долга и реализация имущества гражданина [2, с. 112].

Помимо мирового соглашения, которое может быть заключено в любое время после признания судом обоснованности заявления о признании гражданина банкротом, изменения предусматривают введение двух реабилитационных процедур:

— реструктуризации долгов гражданина в целях восстановления его платежеспособности и погашения задолженности перед кредиторами в соответствии с планом реструктуризации долгов;

— реализации имущества гражданина, применяемой к признанному банкротом гражданину в целях соразмерного удовлетворения требований кредиторов.

Возможность применения законодательства о реструктуризации долгов гражданина и реализации имущества гражданина, обусловлена принятием судом заявления о признании гражданина банкротом. Для этого необходимо соблюдение двух условий: во-первых, требования к гражданину должны составлять не менее чем пятьсот тысяч рублей; во-вторых, указанные требования не исполнены в течение трех месяцев с даты, когда они должны быть исполнены.

После подачи заявления о банкротстве физического лица суд выносит определение о признании заявления обоснованным и введении процедуры реструктуризации долгов. Реструктуризация долга подразумевает утверждение плана реструктуризации, сроком исполнения (учитывая индивидуальные обстоятельства) не более трех лет. Если задолженность перед кредиторами не погашена в соответствии с утвержденным планом реструктуризации, он подлежит отмене, а гражданин объявляется банкротом. При непредставлении в надлежащий срок плана реструктуризации, гражданин также объявляется банкротом и в отношении него вводится процедура реализации имущества.

По результатам рассмотрения обоснованности заявления о признании гражданина банкротом, если гражданин не соответствует требованиям для утверждения плана реструктуризации долгов, арбитражный суд вправе на основании ходатайства гражданина вынести решение о признании его банкротом и введении процедуры реализации имущества гражданина.

В случае принятия судом решения о признании гражданина банкротом суд принимает решение о введении реализации имущества гражданина, цель которой — соразмерное удовлетворение требований кредиторов. При этом в конкурсную массу включается не только имущество, имеющееся на дату принятия решения суда о признании гражданина банкротом и введения реализации имущества гражданина, но и то, которое будет выявлено или приобретено после даты принятия указанного решения, в том числе имущество, составляющее долю гражданина в общем имуществе. Правом предъявления требований о выделе доли гражданина в общем имуществе для обращения на него взыскания обладает кредитор. В то же время закон определяет, что из конкурсной массы исключается имущество, на которое не может быть обращено взыскание в соответствии с гражданским процессуальным законодательством.

В большинстве случаев многочисленной судебной практики в основном арбитражные суды выносят решения по введению процедуры реализации имущества у должника.

Рассмотрим последствия признания гражданина банкротом, поскольку именно они определяют дальнейшую судьбу должника.

Интересен вопрос о возможности взыскания жилого помещения или его части, принадлежащего должнику на праве собственности. ГПК РФ установлено, что если оно является для гражданина и членов его семьи единственным пригодным для постоянного проживания помещением, то оно исключается из конкурсной массы. Если данное помещение является предметом ипотеки, или претендует на статус «роскошного», то такое взыскание возможно. Думается, что в данном случае возникает конкуренция прав кредиторов и должника. В реальности встречаются ситуации, когда должник вполне способен расплатиться по долгам, но не делает этого, пользуясь тем, что официальный источник дохода, на которое можно обратить взыскание, отсутствует.

Некоторые специалисты предлагают как выход из данной ситуации внесение изменений в ст. 446 ГПК РФ, а именно установление возможности обращения взыскания на единственное жилое помещение, если его площадь значительно превышает нормальные потребности должника и членов его семьи, и за счет реализации данного имущества возможно приобретение иного жилого помещения для постоянного проживания в границах того же населенного пункта с учетом нормы площади на каждого члена семьи должника и могут быть полностью или частично удовлетворены требования кредитора этого гражданина [3]. Предложение имеет право на существование, но применяться на практике они должны как исключение, сохраняя при этом «базовый иммунитет» единственного жилья должника.

Так, возможность обращения взыскания на единственное жилое помещение должника, превышающее по площади нормальные потребности гражданина и членов его семьи, должна определяться судом с учетом всех обстоятельств, в частности, насколько данная площадь превышает норму, а также имеет ли должник возможность приобретения жилого помещения в пределах того района, где он ранее проживал, поскольку смена места жительства может существенно повлиять на жизнь гражданина и членов его семьи. Практика показывает, что подобное обращение взыскания уже применяется, но как крайняя мера и только в случае отсутствия иного имущества для удовлетворения требований кредиторов. Думается, что после детальной доработки озвученное предложение может быть закреплено в действующем законодательстве.

Статус банкрота не освобождает гражданина — должника от целого ряда платежей: от алиментов, от возмещения за ущерб жизни или здоровью третьих лиц, от компенсации морального вреда [4, с. 38].

Еще один аспект касается возможности суда в случае признания гражданина банкротом вынести определение о временном ограничении права на выезд гражданина из Российской Федерации. Право на выезд может быть временно ограничено до вынесения судом определения о завершении или прекращении производства по делу о несостоятельности (банкротстве), в том числе в результате утверждения судом мирового соглашения. Тем не менее,

следует сказать, что при наличии уважительной причины, по которой требуется выезд гражданина из РФ, по ходатайству гражданина и с учетом мнения кредиторов и финансового управляющего суд вправе досрочно отменить временное ограничение на выезд. Такими причинами, на наш взгляд, могут быть, например, болезнь, смерть родственника.

Факт банкротства оставит темное пятно на кредитной истории лица. Информацию о подобных обстоятельствах можно узнать в Бюро кредитных историй, оказывающее услуги по формированию, обработке и хранению кредитных историй, а также по предоставлению кредитных отчетов и сопутствующих услуг [5]. В течение пяти лет с даты признания гражданина банкротом он не вправе принимать на себя обязательства по кредитным договорам и (или) договором займа без указания на факт своего банкротства. Фактически это приведет к невозможности получения кредитов и займов в будущем, потому что, как правило, кредитные организации всячески стараются устранить все сомнения в платежеспособности своего клиента, лицо же с таким кредитным прошлым будет характеризоваться наихудшим образом. Также, в течение пяти лет с даты признания гражданина банкротом дело о его банкротстве не может быть возбуждено по заявлению этого гражданина. Однако закон не исключает такую возможность, если подобное заявление будет подано в течение указанного периода конкурсным кредитором или уполномоченным органом. При этом указывается, что в случае повторного признания банкротом по заявлению указанных лиц правило об освобождении гражданина от обязательств, оставшихся после реализации имущества, не применяется. В данной ситуации после завершения реализации имущества на неудовлетворенные требования кредиторов, по которым наступил срок исполнения, судом выдаются исполнительные листы.

Кроме изложенного, в течение трех лет с даты признания гражданина банкротом он не вправе занимать должности в органах управления юридического лица, иным образом участвовать в управлении юридическим лицом. В течение десяти лет с даты завершения в отношении гражданина процедуры реализации имущества или прекращения производства по делу о банкротстве в ходе такой процедуры он не вправе занимать должности в органах управления кредитной организации, участвовать в управлении страховой организации, негосударственного пенсионного фонда, управляющей компании инвестиционного фонда, паевого инвестиционного фонда и негосударственного пенсионного фонда или микрофинансовой компании. Такое ограничение введено, по нашему мнению, в силу того, что гражданин, допустивший личное банкротство, не в силах эффективно и качественно управлять целой организацией.

Однако, в признании гражданина банкротом есть и положительные моменты. Например, законодателем предусмотрен выход из ситуации, когда суммы, вырученной от реализации конкурсной массы, не будет достаточно

для удовлетворения требований кредиторов в полном объеме. В этом случае эти требования, не удовлетворенные по причине недостаточности имущества гражданина, считаются погашенными, за исключением случаев, предусмотренных законом. И после завершения расчетов с кредиторами лицо, признанное банкротом, освобождается от дальнейшего исполнения требований кредиторов, в том числе требований кредиторов, не заявленных при введении реструктуризации долгов гражданина или реализации его имущества.

Следовательно, решая вопрос о банкротстве гражданина, всегда нужно предвидеть все возможные последствия. В настоящее время в судебной практике возникает достаточно много вопросов, связанных с институтом несостоятельности (банкротства) граждан. Считаем не-

обходимым осмысление правоприменительными органами норм, регулирующих отношения в сфере несостоятельности (банкротства) граждан, а также обобщение судебной практики в целях выработки единых подходов к их применению. Необходимо упростить саму бюрократически сложную процедуру банкротства гражданина, минимизировать денежные расходы неплатежеспособного гражданина на юридическую помощь, конкретизировать норму о реализации единственного «роскошного» жилья и разработать механизм приобретения «замещающего» жилья. В настоящее время судебная практика по вопросу признания гражданина несостоятельным (банкротом) уверенно набирает обороты и ее всесторонний анализ в ближайшее время покажет, какие вопросы потребуют дальнейшего более детального обсуждения.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. - 2007. — 6 октября. — N 223.
2. Кравченко, Е. А. Закон о несостоятельности физических лиц как способ выхода из долговой ямы / Кравченко Е. А., Атепина Ю. А., Брик А.Д // Молодежь и XXI век. — 2015. — Том 1. — 154 с.
3. Савельев, Д. Б. Имущественный иммунитет на единственное жилое помещение гражданина: обеспечение баланса прав кредиторов и должника / Савельев Д. Б. // Журнал российского права. — 2014. — № 11.- С. 69–78.
4. Закон о банкротстве граждан // Арбитражный управляющий. 2025. N 6.
5. Федеральный закон от 30.12.2004 N 218-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О кредитных историях» // Российская газета. № 2. 13.01.2005.

Проблемы отграничения и расследования уголовных правонарушений по уклонению от уплаты налогов

Лебедев Дмитрий Андреевич, студент магистратуры
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

В связи с увеличением количества уголовных дел, связанных с уклонением от налогов, а также экономическим кризисом актуализируется вопрос, связанный с повышением эффективности процедуры установления виновности руководителей юридических лиц. Исходя из этой цели, в рамках статьи приведена статистика, отражающую тенденцию увеличения дел, связанных с уклонением от налогов, рассмотрен подход законодателя при определении вины подозреваемого лица в уклонении от налогов, а также предложены рекомендации по совершенствованию деятельности органов государственной власти при расследовании дел, связанных с уклонением от налогов. Представляется, что из-за высокой латентности совершаемых преступлений требуется разработка не только теоретических, но и практических рекомендаций, способных облегчить работу государственных органов при определении правонарушителей, а также деятельность добросовестных субъектов предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: уголовное право, налоговое право, уклонение от налогов, предпринимательское право, субъекты предпринимательской деятельности, юридические лица, налоговая проверка.

Problems of determining and investigating criminal tax evasion offense

Lebedev Dmitry Andreevich, master's student
Leningrad State University named after A. S. Pushkin

Due to the increasing number of criminal cases related to tax evasion, as well as the economic crisis, the issue of improving the effectiveness of the procedure for establishing the guilt of legal entity executives has become increasingly pressing. To this end, this article presents statistics reflecting the increasing number of tax evasion cases, examines the legislative approach to determining the guilt of

a suspect in tax evasion, and offers recommendations for improving the performance of government agencies in investigating tax evasion cases. It appears that the high latency of these crimes necessitates the development of not only theoretical but also practical recommendations that can facilitate the work of government agencies in identifying offenders, as well as the activities of bona fide business entities.

Keywords: criminal law, tax law, tax evasion, business law, business entities, legal entities, tax audit.

Введение

Следует признать, что эффективный сбор налогов является одной из основ надлежащего функционирования государства. В связи с этим, рассматриваемая тема сама по себе представляет существенное значение, как в исследовательской, так и практической сфере, особенно в последние годы, для которых характерен отток капитала, переход организаций на наличный расчет, а также стремление субъектов предпринимательской деятельности уклониться для налогов для повышения собственной финансовой устойчивости. Само по себе изучение причин подобного поведения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей достойно отдельного исследования. Но прежде чем

к нему приступать, необходимо внести некоторую определенность в теоретические аспекты института административной и уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов, с целью оптимизации текущей государственной политики.

Представляется, что в ужесточившихся условиях ведения предпринимательской деятельности, необходимо пересмотреть и доработать текущий подход к определению допустимых границ квалификации действий налогоплательщика в качестве уголовно-наказуемого деяния.

Помимо теоретической значимости следует обратить внимание и на статистические показатели, отражающие значимость исследуемой проблемы (таблица 1).

Таблица 1. Статистика доли уголовных дел по отношению к общему количеству налоговых правонарушений [14]

	2021–2023	2024	Динамика
Доля правонарушений по которым возбуждались уголовные дела	50 %	70 %	+20 %
Среднее доначисление по налоговым проверкам	78 млн. рублей	109 млн. рублей	+ 31 млн. рублей / + 39.7 %

Представленные данные отражают тревожную динамику, ведь уголовное дело, возбужденное относительно представителя юридического лица, как правило, его руководителя, представляет серьезную угрозу для дальнейшего функционирования предприятия. Что в долгосрочной перспективе, в случае малозначительности совершенного деяния, все же окончившегося возбуждением уголовного дела, значительно подрывает финансовую устойчивость Российской Федерации.

Безусловно, действующее законодательство уже имеет устоявшуюся практику привлечения к ответственности представителей юридических лиц. Так, при квалификации их действий в качестве уголовно-наказуемых приобретает значение не только сумма налоговой задолженности, но и наличие умысла и характера действий подозреваемого, а также обстоятельства образования долга перед налоговыми органами. Тем не менее, в сложившихся кризисных условиях, для сохранения рабочих мест, субъектов предпринимательской деятельности, а также финансовой стабильности Российской Федерации, представляется необходимым возможность ослабить уголовное давление на предпринимателей, путем анализа теоретических подходов к определению правонарушения и преступления действий, квалифицирующихся в качестве уклонения от уплаты налогов. При условии, что подобный подход не нанесет статистически значи-

мого ущерба поступлениям в бюджет Российской Федерации.

1. Подход законодателя при определении уголовного правонарушения при образовании налоговой задолженности.

Как уже было сказано ранее, ключевое значение при определении общественной опасности, и как следствие, наказания за совершенное правонарушение, имеет не столько фактическое наличие значимой задолженности перед бюджетом, сколько поведение субъекта предпринимательской деятельности, направленное на уклонение от уплаты налогов. И такой подход, определенный, например, ст. 199 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (далее — УК РФ) [1], следует признать оптимальным, так как он устанавливает дополнительные признаки, позволяющие точно определить характер действий виновного лица — например, включение в налоговую декларацию заведомо ложных сведений.

Данный подход подтверждается и на практике. Государственные органы осознают, что предпринимательская деятельность связана с несением рисков. Поэтому отказ от своевременной уплаты налогов либо образование налоговой задолженности может быть связано не с желанием руководителей юридических лиц присвоить себе денежную сумму, а с объективными законами рынка или падением спроса на товар или услуги.

Но законодатель установил и разумный срок образования налоговой задолженности — в течение трех лет подряд. Более того, в связи с инфляцией, государство расширило лимит по налоговой задолженности. Повысив его в 2024 году с 15 млн. рублей до 18.95 млн рублей при образовании задолженности в крупном размере. А также с 45 млн. рублей до 56.25 млн. рублей при образовании задолженности в особо крупном размере [15].

Такой подход следует признать обоснованным, так как он учитывает кризисные тенденции, направлен на учет рыночных обстоятельств образования задолженности, а также устанавливает статистическую значимую для доходов государства сумму, которую невозможно игнорировать при ее наличии в течение нескольких лет подряд.

2. Проблематика изучения механизма уклонения от уплаты налогов.

Если ключевые признаки возбуждения уголовного дела в связи с образованием задолженности по уплате налогов определены достаточно четко, то с механизмом образования такой задолженности для сокрытия доходов все не так однозначно. Так, простая подпись руководителя юридического лица на ключевом документе (накладные, бухгалтерские отчеты и т. д.) [3], доказывающего возможное сокрытие денежных средств не может свидетельствовать о его сознательном намерении уклониться от уплаты налогов. Ведь утверждение подобных документов может быть направлено на легальное уменьшение налоговой за-

долженности, а также на утверждение решений, принятых совместно с бухгалтерией.

В связи с этим, основная задача и сложность государственных органов, при определении такой ошибки, состоит в необходимости определения каждого отдельного случая образования налоговой задолженности. И по этой же причине уклонение от уплаты налогов носит в значительной степени латентный, трудно определяемый характер [4], при котором возникает искушение квалифицировать действия субъектов предпринимательской деятельности в качестве уголовно наказуемого деяния по формальным и количественным признакам.

Дополнительную проблему создает особенность российского законодательства, не допускающего привлечения к уголовной ответственности юридических лиц [11]. В таком случае, государственные органы вынуждены не только определять наличие умысла у представителей юридического лица, но и субъектный состав рассматриваемого преступления [5]. Данная проблема в определенной степени решается установлением прав и обязанностей подозреваемого лица, его участием в формировании налоговой отчетности, а также информированности о наличии ложных сведений отраженных в документах [12].

Исходя из изложенного, наглядно представить основания для отграничения налогового правонарушения от уголовно наказуемого деяния возможно представить в виде таблицы 2.

Таблица 2. **Отграничение налогового правонарушения от уголовно наказуемого деяния за уклонение от уплаты налогов [7]**

Обстоятельство	Налоговое правонарушение [2]	Уголовное правонарушение
Наличие задолженности	Является несистематичным, имеющим рыночные причины	Систематично образованная задолженность, составляющая значительную сумму
Сумма задолженности	Часто составляет меньшие значения, определенные уголовным законодательством	В соответствии со ст. 199 УК РФ должна достигать крупного или особо крупного размера
Наличие умысла	Отсутствует	Присутствуют, действия руководителей направлены на уклонение от уплаты налогов
Заполнение отчетов	Возможно неосознанное допущение ошибок, подлежащих коррекции	Вносятся заведомо ложные сведения о доходах юридического лица
Субъектный состав	Юридическое лицо, на которое возлагаются обязательства по погашению задолженности	Физическое лицо, под руководством которого осуществлялся подлог документов

Исходя из приведенного сравнения следует, что вопрос о привлечении виновного лица при уклонении от уплаты налогов является не столько вопросом размера налоговой задолженности, сколько установлением сознательных действий направленных на подлог документов.

3. Компенсация вреда, нанесенного общественным интересам.

Отдельный интерес в рамках ст. 199 УК РФ представляет положение, освобождающее виновное лицо, впервые совершившее правонарушение, в случае, если оно, несмотря на систематическое уклонение от уплаты налогов,

полностью погашает задолженность перед налоговыми органами. С одной стороны, исследователи высказывают справедливые опасения — по какой причине, лицо, которое несколько лет сознательно уклонялось от уплаты налогов, при том, в особо крупном размере, имеет возможность избежать ответственности за свои действия [8]?

Данное замечание представляется справедливым, однако, как было указано ранее, при заключении под стражу ответственного лица, как правило, весь субъект предпринимательской деятельности прекращает свое существование, подрывая не только рынок труда, но и финан-

совую устойчивость Российской Федерации [9]. Однако, введенное законодателем основание для освобождения от уклонения от уплаты налогов имеет под собой и практическое, компенсаторное основание. Ведь в случае вынесения обвинительного вердикта, бюджету России будет нанесен значимый ущерб, которого можно было бы избежать, в случае, если денежные средства поступили бы на счет налоговых органов.

По этой же причине, в случае ст. 199 УК РФ, основание для освобождения от ответственности является не следствием либерализации законодательства (хотя и им тоже), но и обоснованным стремлением государственных органов сохранить статус субъекта предпринимательской деятельности и вернуть денежные средства в бюджет Российской Федерации.

4. Способы повышения эффективности борьбы с уклонением от уплаты налогов.

Как уже было указано ранее, уклонение от уплаты налогов носит высокий латентный характер, и государственные органы, при квалификации преступления, испытывают трудности при определении признаков, доказывающих умысел подозреваемого лица в случае подачи документов с ошибками. В таком случае, меры, направленные на улучшение работы государственных органов, могут предполагать ввод дополнительных критериев, облегчающих деятельность государственных служащих.

– Определение размера налоговой задолженности в процентном соотношении от оборота организации.

Следует признать, что предельные суммы, определяющие размер крупного и особо крупного уклонения от налогов, являются универсальными для каждого юридического лица. Тем не менее, такой подход представляется не совсем справедливым. Ведь вероятность того, что налоговая задолженность в размере особо крупного размера у организации с годовым оборотом в 1 млрд. рублей является сознательным уклонением от уплаты налогов гораздо меньше, чем у организации с годовым оборотом в 19 млн. рублей. Исходя из этого, представляется обоснованным в разъяснениях к содержанию ст. 199 УК РФ указать, что дополнительным основанием для расследования неправомерных действий подозреваемого лица, помимо установленной суммы задолженности, является соотношение накопленной задолженности к годовому обороту компании — например, в 20 %.

Таким образом, законодатель сможет ввести дополнительные критерии проверки малых субъектов предпринимательской деятельности, в большей степени подвергающихся соблазну уклонения от налогов из-за нестабильной экономической ситуации [13]. А крупные организации,

для которых, напротив, данная сумма не является существенной, получили дополнительную защиту от проверок налоговых органов — хотя и не исключили бы их.

– Отграничение налогового спора от уголовного правонарушения.

Практические материалы по делам, связанных с уклонением от уплаты налогов позволили выделить интересную закономерность. Так, с 2021 по 2023 гг. уголовные дела возбуждались на основании 50 % собранных материалов. Однако, уже в 2024 году этот показатель превысил 70 %. С одной стороны, данная статистика может свидетельствовать о возросшем числе правонарушений со стороны субъектов предпринимательской деятельности. А с другой — о возможном давлении государственных органов на руководителей юридических лиц [10]. Исходя из этого, для усиления прозрачности процессуальных процедур, представляется обоснованным ввести дополнения в ст. 199 УК РФ, указав, что основанием для возбуждения уголовного дела по данной статье являются результаты налоговой проверки, а также решение налогового органа.

Однако, для предупреждения затягивания уголовного расследования, а также надлежащего толкования содержания данной нормы, следует уточнить, что уголовное дело по ст. 199 УК РФ может быть возбуждено и правоохранительными органами, в случае, если выявленных обстоятельств о виновности руководителей юридических лиц достаточно для доказательства факта уклонения от уплаты налогов, вне зависимости от результатов налоговой проверки [6].

Представляется, что в совокупности данные поправки способны не только оптимизировать работу государственных органов, облегчив им основания для определения умысла действий представителей юридических лиц. Но и обеспечить финансовую и юридическую устойчивость субъектов предпринимательской деятельности, избавив их от необоснованного уголовного преследования.

Заключение

Исходя из изложенного, следует признать, что в действующей процедуре определения виновных лиц при уклонении от уплаты налогов как много теоретических, так и практических сложностей, затрудняющих процедуру расследования. В связи с этим, представляется обоснованным дальнейшее уточнение и создание дополнительных критериев определения умысла при уклонении от уплаты налогов, как в рамках нормативно-правовых актов, так и в рамках разъяснений, пояснительных записок и инструкций.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.07.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.

3. Асатрян Х. А., Христюк А. А. Особенности проведения следственных и иных действий при расследовании налоговых преступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2024. — № 4 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-provedeniya-sledstvennyh-i-inyh-deystviy-pri-rassledovanii-nalogovyh-prestupleniy> (дата обращения: 01.07.2026).
4. Батюкова В. Е. Некоторые тенденции развития уголовно-правовой политики в сфере налоговых преступлений // Право и управление. — 2024. — № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-tendentsiya-razvitiya-ugolovno-pravovaya-politika-v-sfere-nalogovyh-prestupleniy> (дата обращения: 01.07.2026).
5. Василий Д. Л., Анатолий Н. П. Учет налоговых преступлений на современном этапе // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2024. — № 1 (92). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchet-nalogovyh-prestupleniy-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 01.07.2026).
6. Гильмутдинова А. Ф. Налоговые преступления: временные границы стадии возбуждения уголовного дела // Правопорядок: история, теория, практика. — 2023. — № 3 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovye-prestupleniya-vremennye-granitsy-stadii-vozbuzhdeniya-ugolovnogogo-dela> (дата обращения: 01.07.2026).
7. Дмитрий Ю. В. Дискуссионные вопросы определения объекта преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов и иных обязательных платежей // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2024. — № 3 (70). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskussionnye-voprosy-opredeleniya-obekta-prestupleniy-svyazannyh-s-ukloneniem-ot-uplaty-nalogov-i-inyh-obyazatelnyh-platezhey> (дата обращения: 01.07.2026).
8. Карпов К. Н. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК РФ) в контексте принципа равенства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2019. — № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osvobozhdenie-ot-ugolovnoy-otvetstvennosti-v-svyazi-s-vozmescheniem-uscherba-st-76-1-uk-rf-v-kontekste-printsipa-ravenstva> (дата обращения: 01.07.2026).
9. Козлов В. А. Актуальные вопросы межведомственного взаимодействия в налоговой сфере по противодействию преступности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2025. — № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-mezhvedomstvennogo-vzaimodeystviya-v-nalogovoy-sfere-po-protivodeystviyu-prestupnosti> (дата обращения: 01.07.2026).
10. Малышев К. С. Актуальные вопросы выявления, предупреждения и документирования налоговых преступлений // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2025. — № 3 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-vyyavleniya-preduprezhdeniya-i-dokumentirovaniya-nalogovyh-prestupleniy> (дата обращения: 01.07.2026).
11. Резниченко П. А. Проблемы определения субъекта уголовной ответственности при уклонении от уплаты налогов организации // Отечественная юриспруденция. — 2016. — № 6 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-opredeleniya-subekta-ugolovnoy-otvetstvennosti-pri-uklonenii-ot-uplaty-nalogov-organizatsii> (дата обращения: 01.07.2026).
12. Серова Е. Б., Пушторская Е. В. Возбуждение уголовных дел о налоговых преступлениях: проблемы и возможные пути их решения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2023. — № 1 (97). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozbuzhdenie-ugolovnyh-del-o-nalogovyh-prestupleniyah-problemy-i-vozmozhnye-puti-ih-resheniya> (дата обращения: 01.07.2026).
13. Эриашвили Н. Д., Григорьев А. И., Мочалова В. А. Налоговые преступления или получение налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды: пределы ответственности виновных лиц (часть I) // Вестник Московского университета МВД России. — 2023. — № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovye-prestupleniya-ili-poluchenie-nalogoplatelshchikom-neobosnovannoy-nalogovoy-vygody-predely-otvetstvennosti-vinovnyh-lits> (дата обращения: 01.07.2026).
14. Федеральная налоговая служба. Актуальные вопросы межведомственного взаимодействия по выявлению и пресечению налоговых правонарушений обсудили на заседании коллегии ФНС России [Электронный ресурс]. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/16167047/ (дата обращения: 01.07.2026).
15. Прокуратура Российской Федерации. Об увеличении размера ущерба по преступлениям в сфере экономической деятельности [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_10/activity/legal-education/explain/e5625960/ (дата обращения: 01.07.2026).

Правоохранительная деятельность юрисдикционных органов в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, потенциально опасных психоактивных веществ

Макарова Алена Владимировна, студент

Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Хабаровск)

В статье рассмотрена специфика административной юрисдикции дел об административных правонарушениях в сфере незаконного оборота наркотиков. Раскрыты полномочия органов общей и специальной компетенции по рассмотрению дел данной категории.

Ключевые слова: наркотики, незаконный оборот, правонарушения, органы административной юрисдикции, полномочия.

Под системой противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров понимается такая организация соответствующей деятельности государства, при которой обеспечиваются внутренняя упорядоченность, согласованность действий всех участников и общая целевая направленность на реализацию совместной программы борьбы с наркопреступностью.

Согласно статье 6 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», Президент Российской Федерации уполномочивает специально образованные федеральные органы или иные федеральные органы исполнительной власти на решение задач в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также в области противодействия их незаконному обороту.

В целях совершенствования государственного управления в указанной сфере Указом Президента Российской Федерации от 18 октября 2007 г. № 1374 «О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров» был образован Государственный антинаркотический комитет [1]. Его главная задача — обеспечивать координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также осуществлять мониторинг и оценку развития наркоситуации в стране [2].

В системе противодействия незаконному обороту наркотических средств важная роль предоставлена Прокуратуре Российской Федерации, представляющей собой единую федеральную централизованную структуру. Данные органы осуществляют от имени государства надзор за соблюдением Конституции и исполнением федеральных законов на всей территории страны. Ее полномочия распространяются и на сферу оборота наркотиков [3].

Генеральный прокурор и подчиненные ему должностные лица обеспечивают согласованность действий

в борьбе с преступлениями и правонарушениями среди подразделений Министерства внутренних дел, Федеральной службы безопасности, таможенной службы и иных правоохранительных структур, привлекаемых к борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Данная координация направлена на повышение результативности противодействия преступности за счет выработки и реализации совместных мероприятий по своевременному обнаружению, расследованию, пресечению и профилактике противоправных деяний, а также устранению факторов, способствующих их совершению.

Порядок производства по делам о наркоправонарушениях требует предоставления определенных полномочий органам государственной власти, обеспечивающим контроль и надзор в сфере оборота наркотиков.

В Российской Федерации ключевым элементом данного порядка является наделение органов государственной власти конкретными административно-юрисдикционными полномочиями, закрепленными в Федеральном законе № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» и КоАП РФ. К таким органам относятся МВД России, ФСБ России, Росздравнадзор, а также таможенные органы, действующие в пределах своей компетенции, определенной статьей 44 указанного закона.

Плюрализм органов административной юрисдикции участвующих в производстве по делам о наркоправонарушениях, обусловлен неоднородностью деликтов. Кроме того, органы контроля и надзора обладают разным количеством юрисдикционных полномочий.

Право возбуждения дела об административных правонарушениях в сфере незаконного оборота наркотиков предоставлено:

1) таможенным органам, в части составления протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 6.15 и частями 1–3 статьи 6.16 КоАП РФ согласно п. 12 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ);

2) органам здравоохранения, применительно к составлению протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 6.15, частями 1–3 статьи 6.16, частями 1 и 2 статьи 6.161 КоАП РФ согласно п. 18 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ;

3) органам, осуществляющие функции по контролю и надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, в части составления протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных частями 1 и 2 статьи 6.13 согласно п. 58 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ [4].

Право рассматривать административные правонарушения по делам о незаконном обороте наркотиков предоставлено судьям, комиссиям по делам несовершеннолетних и защите их прав, органам внутренних дел (главе 23 КоАП РФ).

Ключевым органом административной юрисдикции среди перечисленных выступают органы внутренних дел. Фундаментальной основой их деятельности является их исключительное право на возбуждение дел об административных правонарушениях в сфере незаконного оборота наркотиков. Согласно пункту 1 части 2 статьи 28.3 КоАП РФ, должностные лица органов полиции уполномочены составлять протоколы по широкому спектру составов, предусмотренных главой 6 («Административные правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность») и главой 10 («Административные правонарушения в области сельского хозяйства, ветеринарии и мелиорации земель») КоАП РФ. В частности, к их компетенции отнесено документирование деяний, регламентированных статьями 6.8 (незаконный оборот наркотических средств), 6.9 (потребление без назначения врача), 6.9.1 (появление в состоянии опьянения), 6.10 (вовлечение в потребление), 6.13 (пропаганда), 6.15–6.16.1 (нарушения в сфере оборота прекурсоров и легального оборота), 10.51 (невыполнение обязанностей по контролю за оборотом прекурсоров), а также статьей 20.22 (нахождение в состоянии опьянения несовершеннолетних) [5].

Помимо процессуальной функции возбуждения дел, органы МВД России наделены и материальной юрисдикцией. В соответствии с частью 1 статьи 23.3 КоАП РФ, руководители территориальных органов МВД и их заместители вправе рассматривать дела об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 10.4 и 10.5 КоАП РФ, вынося по ним постановления о назначении административного наказания. Это наделяет полицию полным циклом административного производства в от-

ношении специфических нарушений в сфере оборота прекурсоров.

Значительный объем полномочий по привлечению к административной ответственности за наркоправонарушения предоставлен судебным органам. Согласно части 2 статьи 23.1 КоАП РФ, судьи районных судов и мировые судьи рассматривают дела по статьям 6.8, 6.9, 6.9.1, 6.15, 6.16, 6.16.1, 10.51. КоАП РФ Кроме того, судам подсудны дела по статьям 6.13 КоАП РФ (пропаганда наркотиков), 20.21 КоАП РФ (появление в общественных местах в состоянии опьянения) и части 2 статьи 20.20 КоАП РФ (потребление в общественных местах). Передача дела судье осуществляется в случаях, когда орган, возбудивший дело (в данном случае полиция), устанавливает, что рассмотрение требует судебного разбирательства, либо когда санкция статьи предусматривает наказание, которое не вправе применять внесудебные органы (например, административный арест).

Полномочиями по осуществлению административной юрисдикции в сфере незаконного оборота наркотиков согласно ч. 1 ст. 23.2 КоАП РФ обладают комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДНиЗП) [6] они наделены правом рассматривать дела, предусмотренные ч. 1 и 2 статьи 6.10 КоАП РФ (вовлечение несовершеннолетнего в потребление) и статьей 20.22 КоАП РФ (нахождение несовершеннолетнего в состоянии опьянения). Более того, пункт 2 части 5 статьи 28.3 КоАП РФ возлагает на членов указанных комиссий обязанность по составлению протоколов по части 1 и 2 статьи 6.10 КоАП РФ, что создает механизм специализированного реагирования на правонарушения, субъектом или объектом которых выступает несовершеннолетний. В данных случаях комиссии обладают полным объемом юрисдикционных полномочий, включая вынесение постановлений о назначении административного штрафа [7].

Таким образом, действующее законодательство выстраивает многоуровневую систему административной юрисдикции в сфере контроля за оборотом наркотиков, где органы внутренних дел выполняют функцию основного правопроизводственного органа и частичного субъекта рассмотрения дел, суды общей юрисдикции осуществляют правосудие по наиболее общественно опасным проступкам, а комиссии по делам несовершеннолетних реализуют специализированный подход к правонарушениям с участием детей.

Литература:

1. О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров: указ Президента РФ от 18 октября 2007 г. N 1374 //Собрание законодательства РФ.- 2007.- N 43.- Ст. 5167
2. Пирогова, А. А. Общесоциальные меры борьбы с преступностью в сфере оборота наркотических средств / А. А. Пирогова, А. А. Небольсина // Социальная справедливость: к устойчивой экономике и обществу для всех: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 18–19 февраля 2022 года. — Москва: Московский гуманитарный университет, 2022. — С. 345–347.
3. О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17 января 1992 г. N 2202-I //ВСНД.-1992.- N 8.- Ст. 366

4. Амирханов, Б. К. Незаконный оборот наркотиков: предпосылки и последствия / Б. К. Амирханов // Научная мысль: перспективы развития: Материалы IX Международной научно-практической конференции Всероссийской научно-методической конференции с международным участием, посвященной 90-летию со дня рождения Тамары Константиновны Донской, Армавир, 26 октября 2021 года. — Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2021. — С. 250–254.
5. Куцкель, М. В. Деятельность полиции по выявлению административных правонарушений в сфере незаконного оборота наркотиков / М. В. Куцкель // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: Материалы XXVIII международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Красноярск, 03–04 апреля 2025 года. — Красноярск: Сибирский юридический институт МВД РФ, 2025. — С. 126–127.
6. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1999.- N 26.- Ст. 3177.
7. Солдатов, А. П. Производство по делам об административных правонарушениях: полномочия должностных лиц полиции, их эволюция и пути совершенствования: научно-практическое пособие/А. П. Солдатов.- М., 2025.- 890 с.

Проблемы определения понятий и содержания состава преступления, предусмотренного статьей 303 УК РФ

Максимович Александр Ильич, студент магистратуры
Смоленский государственный университет

Статья посвящена уголовно-правовой характеристике деяний, предусмотренных статьей 303 УК РФ. Рассмотрены четыре состава: фальсификация доказательств по гражданскому или административному делу, фальсификация доказательств по уголовному делу, фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности и фальсификация доказательств по делу о тяжком или особо тяжком преступлении. Сопоставлены признаки предмета, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны. Отдельно разобраны момент окончания преступления, круг специальных субъектов и разграничение со смежными составами. Использованы положения процессуального законодательства и правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: фальсификация доказательств, доказательство, правосудие, преступления против правосудия, уголовная ответственность, состав преступления, объективная сторона преступления, специальный субъект, результаты оперативно-розыскной деятельности, тяжкие последствия, статья 303 УК РФ.

Введение

Статья 303 УК РФ устанавливает ответственность за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности.

Для квалификации имеют значение вид производства, содержание подделанного материала и процессуальный статус лица, совершившего действие.

Сознательное искажение доказательственной информации представляет повышенную общественную опасность. Фальсифицированное доказательство способно создать ложное представление о фактических обстоятельствах дела, повлечь принятие незаконного процессуального решения, необоснованное привлечение лица к юридической, в том числе уголовной, ответственности либо, напротив, способствовать уклонению виновного от ответственности.

Уголовно-правовым средством противодействия соответствующим посягательствам является прежде всего ст. 303 УК РФ «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности». Расположение

данной нормы в гл. 31 УК РФ «Преступления против правосудия» свидетельствует о том, что законодатель рассматривает достоверность доказательственной деятельности в качестве одного из необходимых условий нормального функционирования правосудия.

Современная редакция ст. 303 УК РФ представляет собой достаточно сложную систему взаимосвязанных составов преступлений.

Часть 1 предусматривает ответственность за фальсификацию доказательств в гражданском и административном судопроизводстве и производстве по делам об административных правонарушениях. Часть 2 устанавливает ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу специальными субъектами.

Часть 3 закрепляет квалифицированные разновидности фальсификации доказательств. Наконец, ч. 4 криминализует фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности.

Несмотря на продолжительный период действия ст. 303 УК РФ, содержание ряда ее признаков остается дис-

куSSIONным. Законодатель непосредственно не раскрывает понятие «фальсификация доказательств». Определенные сложности возникают при установлении предмета преступления и момента окончания отдельных его разновидностей. Дискуссионными остаются вопросы о соотношении изготовления ложного носителя информации и его последующего процессуального использования, пределах ответственности специальных субъектов, квалификации уничтожения и сокрытия доказательств, а также разграничении ст. 303 УК РФ с должностными преступлениями, заведомо ложными показаниями, служебным подлогом и рядом иных преступлений.

Значительный вклад в решение указанных проблем внесло Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия». Вместе с тем судебные разъяснения не устраняют необходимости дальнейшего совершенствования законодательной конструкции ст. 303 УК РФ.

Цель исследования заключается в комплексном анализе понятий и содержания состава преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ, выявлении проблем уголовно-правовой квалификации фальсификации доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности и разработке предложений по совершенствованию законодательства.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: определить социально-правовую природу фальсификации доказательств; исследовать объект и предмет преступления; раскрыть содержание понятия «фальсификация»; проанализировать признаки объективной и субъективной сторон преступления; определить особенности субъекта преступления применительно к различным частям ст. 303 УК РФ; рассмотреть квалифицирующие признаки и проблемы разграничения со смежными составами; сформулировать предложения по совершенствованию уголовного законодательства.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы: анализ, синтез, системный и формально-логический методы, формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также анализ судебной практики.

1. Социальная и уголовно-правовая природа фальсификации доказательств

Доказательственная деятельность представляет собой необходимый элемент правосудия. Судебное решение не может основываться исключительно на предположениях или субъективном убеждении участников процесса.

Его фактической основой выступают сведения, полученные и исследованные в предусмотренной законом процессуальной форме.

Вследствие этого фальсификация доказательств посягает не только на интересы конкретного участника дела. В более широком смысле она нарушает установленный го-

сударством порядок формирования фактической основы процессуального решения.

Общественная опасность фальсификации проявляется по меньшей мере в трех аспектах.

Во-первых, искажается информационная основа правосудия.

Суд, следователь, дознаватель или иной компетентный орган получает сведения, которые внешне обладают признаками доказательства, однако фактически не соответствуют действительности либо искусственно изменены.

Во-вторых, создается непосредственная угроза правам и законным интересам участников производства. Последствием использования сфальсифицированного доказательства могут стать незаконное осуждение, необоснованное применение меры пресечения, взыскание денежных средств, лишение имущественного права, привлечение к административной ответственности и другие неблагоприятные последствия.

В-третьих, подобные действия подрывают доверие к правосудию и государственным институтам. Особую опасность в данном отношении представляет фальсификация доказательств должностными лицами, непосредственно наделенными полномочиями по собиранию и процессуальному закреплению доказательственной информации.

Таким образом, установление самостоятельной уголовной ответственности за фальсификацию доказательств является обоснованным. Однако эффективность уголовно-правового запрета зависит от определенности признаков соответствующего состава.

Принцип законности требует, чтобы содержание уголовно-правового запрета позволяло определить границы преступного поведения. Применительно к ст. 303 УК РФ данное требование приобретает особое значение вследствие того, что законодатель использует термин «фальсификация», не раскрывая его содержания непосредственно в уголовном законе.

2. Проблема определения объекта преступления, предусмотренного статьей 303 УК РФ

Определение объекта преступления имеет не только теоретическое, но и прикладное значение. Через объект раскрывается социальная сущность преступления, устанавливается место нормы в системе Особенной части УК РФ и решаются вопросы разграничения смежных составов.

Родовым объектом преступлений главы 31 УК РФ следует считать общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность судебной власти и иных государственных органов и лиц, содействующих осуществлению правосудия.

Видовой объект фальсификации доказательств конкретизируется применительно к отношениям, обеспечивающим законность процессуальной деятельности.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ, представляется целесооб-

разным признавать установленный законом порядок формирования, представления, собирания, проверки и использования доказательственной информации, обеспечивающий достоверность фактической основы правосудия и иных охраняемых законом юрисдикционных процедур.

В литературе встречается более узкое понимание непосредственного объекта как исключительно интересов правосудия. Такой подход имеет основание в системном расположении нормы, однако не полностью отражает специфику ч. 1 и ч. 4 ст. 303 УК РФ.

Например, фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности может происходить еще до возникновения собственно судебного производства. Аналогичным образом производство по делу об административном правонарушении не во всех случаях непосредственно связано с осуществлением правосудия судом.

Следовательно, объект уголовно-правовой охраны в ст. 303 УК РФ следует рассматривать функционально: уголовный закон защищает достоверность той информационно-доказательственной основы, которая используется либо потенциально может использоваться при принятии юридически значимых решений и осуществлении правосудия.

Дополнительным объектом преступления могут выступать права и законные интересы граждан и организаций, честь и достоинство личности, деловая репутация, имущественные интересы, а в определенных ситуациях — конституционное право на свободу и личную неприкосновенность.

Особенно отчетливо наличие дополнительного объекта проявляется в ч. 4 ст. 303 УК РФ, поскольку законодатель непосредственно связывает ответственность с целью уголовного преследования заведомо непричастного лица либо причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации.

3. Доказательство как предмет преступления

Одной из центральных проблем толкования ст. 303 УК РФ является определение предмета преступления.

Уголовный закон использует термин «доказательства», однако самостоятельного определения ему не дает. Следовательно, ст. 303 УК РФ имеет бланкетный характер в той части, в которой содержание понятия доказательства устанавливается соответствующим процессуальным законодательством.

В уголовном судопроизводстве понятие доказательств определяется ст. 74 УПК РФ. В гражданском процессе соответствующее понятие закреплено в ст. 55 ГПК РФ, в арбитражном процессе — в ст. 64 АПК РФ, в административном судопроизводстве — в ст. 59 КАС РФ. Самостоятельное определение доказательств существует и в законодательстве об административных правонарушениях.

Из этого возникает существенная проблема: может ли предметом преступления выступать объект, который был

искусственно создан, но еще не приобрел формального процессуального статуса доказательства?

Представляется, что механическое отождествление предмета ст. 303 УК РФ исключительно с уже процессуально оформленным доказательством чрезмерно сужает сферу уголовно-правовой охраны.

Лицо может изготовить подложный документ именно с целью последующего представления в суд. До момента представления этот документ в процессуальном смысле доказательством еще не является. Однако само изготовление подделки также не во всех случаях образует оконченную фальсификацию доказательств.

Поэтому необходимо различать:

- создание потенциального носителя ложной доказательственной информации;
- придание такому объекту доказательственного значения посредством его представления, приобщения или процессуального оформления;
- изменение уже существующего доказательства.

Именно второе и третье действия наиболее непосредственно нарушают объект уголовно-правовой охраны ст. 303 УК РФ.

В связи с этим предметом преступления следует считать как доказательства в процессуальном смысле, так и предметы, документы и иные носители информации, которым виновный в ходе совершения преступления искусственно придает значение доказательства.

Такой подход позволяет избежать ситуации, при которой квалификация оказывается невозможной лишь потому, что подложный объект изначально не мог являться «настоящим» доказательством.

4. Понятие фальсификации доказательств

Термин «фальсификация» является ключевым для применения ст. 303 УК РФ, однако его легальное уголовно-правовое определение отсутствует.

В общеупотребительном смысле фальсификация означает подделку, искажение, замену подлинного ложным. Однако для уголовного права подобной характеристики недостаточно.

Фальсификация доказательств может осуществляться различными способами.

Первый способ — полное изготовление фиктивного доказательства. Например, виновный создает документ, содержащий сведения о событии, которого в действительности не было, после чего вводит его в процесс в качестве доказательства.

Второй способ — изменение содержания реально существующего доказательства. Это может выражаться в исправлении текста документа, изменении даты, суммы, реквизитов, уничтожении части записи, монтаже аудио- или видеозаписи и т. п.

Третий способ — замена одного объекта другим. Например, подлинный предмет заменяется предметом, обладающим иными характеристиками.

Четвертый способ — искусственное создание материальных следов или объектов с последующим приданием им значения доказательств.

Пятый способ — внесение заведомо ложных сведений в процессуальный документ, если такой документ является источником доказательственной информации.

Наиболее сложным остается вопрос о возможности признания фальсификацией уничтожения или сокрытия доказательства.

С одной стороны, уничтожение доказательства не создает ложного объекта. С другой — оно способно сформировать заведомо искаженную доказательственную картину дела. Исключение из совокупности доказательств значимого объекта фактически изменяет информационную модель события.

В судебной практике ранее высказывался подход, согласно которому фальсификация может охватывать искусственное создание или уничтожение доказательств, в том числе сокрытие улик.

Однако столь широкое толкование должно применяться осторожно. Принцип законности запрещает расширительное уголовно-правовое толкование, фактически создающее новые формы преступного поведения за пределами текста закона.

Поэтому представляется предпочтительным законодательно определить фальсификацию доказательств.

Под ней можно понимать умышленное изготовление заведомо ложного доказательства, внесение заведомо недостоверных изменений в доказательство, замену, уничтожение или сокрытие доказательства, а равно представление заведомо подложного объекта в качестве доказательства, совершенные с целью искажения фактических обстоятельств соответствующего производства.

Такое определение, с одной стороны, охватывает основные практически возможные формы фальсификации, а с другой — устанавливает обязательный признак направленности поведения на искажение доказательственной информации.

5. Объективная сторона преступления

Составы, предусмотренные частями 1 и 2 ст. 303 УК РФ, по общему правилу относятся к формальным. Для признания преступления окончанным наступление конкретного вредного результата не требуется.

Однако определение момента окончания фальсификации является предметом дискуссии.

Если лицо только изготовило подложный документ, но не представило его компетентному органу, возникает вопрос: является ли преступление окончанным?

Представляется, что ответ должен зависеть от конкретной формы объективной стороны.

Если речь идет об изменении уже существующего доказательства, находящегося в материалах дела либо во владении лица в силу его процессуального статуса, преступление может считаться окончанным с момента совер-

шения действий, изменяющих доказательственную информацию.

Если же лицо самостоятельно изготовило новый подложный объект, который ранее никакого отношения к производству не имел, одного изготовления обычно недостаточно. Необходимо, чтобы объект был введен в доказательственный процесс — представлен суду, следователю, дознавателю или иному компетентному субъекту либо приобщен к материалам дела.

Иной подход приводил бы к чрезмерному расширению уголовной ответственности и смешению оконченной фальсификации с приговорительными действиями.

Верховный Суд РФ ориентирует правоприменителя на то, что применительно к участникам соответствующих производств объективная сторона может состоять в умышленном представлении компетентному органу или суду в качестве доказательств заведомо поддельных предметов и документов.

В отношении должностных лиц механизм фальсификации может иметь особенности. Следователь или дознаватель, например, способен самостоятельно составить фиктивный протокол следственного действия и включить его в уголовное дело. В данном случае именно включение сфальсифицированного процессуального документа в систему доказательств создает непосредственную угрозу нормальному осуществлению правосудия.

Судебная практика также исходит из формального характера основного состава фальсификации доказательств по уголовному делу. В решениях Верховного Суда отмечалось, что преступление признается оконченным при приобщении фальсифицированного доказательства к делу либо его представлении суду независимо от фактического влияния такого доказательства на результат расследования или рассмотрения дела.

Данный подход в целом следует признать обоснованным.

6. Субъективная сторона фальсификации доказательств

Фальсификация доказательств является умышленным преступлением.

Характер совершаемых действий практически исключает возможность его совершения по неосторожности. Лицо осознает, что создает, изменяет либо представляет ложную доказательственную информацию, и желает совершить соответствующие действия.

Следовательно, основным видом вины является прямой умысел.

При этом необходимо разграничивать объективную недостоверность доказательства и его умышленную фальсификацию.

Само по себе наличие в документе ошибочных сведений еще не означает совершения преступления. Ошибка может быть обусловлена невнимательностью, неправильным восприятием обстоятельств, технической неточностью, заблуждением относительно фактов.

Для ст. 303 УК РФ принципиальное значение имеет заведомость: виновный должен осознавать ложность создаваемой либо изменяемой им доказательственной информации.

Мотивы совершения преступления применительно к частям 1–3 ст. 303 УК РФ непосредственно в диспозиции не названы и поэтому в общем случае не являются обязательным признаком состава. Они могут быть различными: корысть, стремление избежать ответственности, карьерная заинтересованность, желание добиться осуждения определенного лица, личная неприязнь, стремление обеспечить выигрыш гражданского спора и т. д.

Вместе с тем установление мотива имеет доказательственное значение, поскольку способно подтвердить наличие прямого умысла.

Иная конструкция использована законодателем в ч. 4 ст. 303 УК РФ. Здесь цель является обязательным признаком субъективной стороны. Фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности должна совершаться:

- а) в целях уголовного преследования лица, заведомо не причастного к совершению преступления;
либо
- б) в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации.

Отсутствие соответствующей специальной цели исключает квалификацию по ч. 4 ст. 303 УК РФ, хотя при наличии оснований содеянное может образовывать состав иного преступления.

7. Субъект преступления как одна из основных проблем статьи 303 УК РФ

Для большинства составов, предусмотренных ст. 303 УК РФ, характерен специальный субъект.

В ч. 1 круг субъектов определяется через процессуальный статус лица. Ответственность может нести лицо, участвующее в гражданском или административном деле, его представитель, участник производства по делу об административном правонарушении или его представитель, а также соответствующие должностные лица, указанные в законе.

Такое законодательное решение порождает вопрос об ответственности лица, которое фактически изготовило подложное доказательство, но само не обладает необходимым процессуальным статусом.

В подобных случаях должны применяться общие положения института соучастия. Если лицо, не являющееся специальным субъектом, организовало фальсификацию, склонило к ней специального субъекта либо содействовало совершению преступления, его действия при наличии необходимых признаков могут квалифицироваться со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ.

В ч. 2 ст. 303 УК РФ субъектами фальсификации доказательств по уголовному делу названы лицо, производящее дознание, следователь, прокурор или защитник.

Перечень сформулирован исчерпывающим образом.

В этой связи дискуссионным является вопрос о соответствии данного перечня современной системе участников уголовного судопроизводства. УПК РФ содержит значительно более широкий круг лиц, которые способны воздействовать на формирование доказательственной информации.

Особенно значим вопрос о потерпевшем, гражданском истце, гражданском ответчике, их представителях, специалисте и эксперте. Для отдельных категорий лиц уголовная ответственность за предоставление заведомо ложной информации регулируется другими нормами, однако все потенциальные способы фальсификации доказательств этими составами не охватываются.

Возникает своеобразная асимметрия уголовно-правовой охраны: представитель стороны в гражданском процессе непосредственно назван субъектом ч. 1 ст. 303 УК РФ, тогда как круг непосредственных исполнителей фальсификации по уголовному делу значительно уже.

Представляется, что законодательная модель нуждается в дополнительной оценке с точки зрения полноты уголовно-правовой охраны.

Вместе с тем простое расширение перечня субъектов также может привести к неоправданной криминализации. Поэтому предпочтительно устанавливать ответственность не посредством механического перечисления всех участников процесса, а исходя из их юридически значимой способности формировать, представлять либо изменять доказательства.

8. Фальсификация доказательств в гражданском и административном судопроизводстве

Часть 1 ст. 303 УК РФ охватывает несколько различных процессуальных сфер.

Специфика гражданского судопроизводства заключается в высокой степени процессуальной активности сторон. Именно стороны представляют значительную часть доказательственного материала.

На практике фальсификация может выражаться в представлении подложных договоров, расписок, актов выполненных работ, платежных документов, протоколов собраний, деловой переписки и иных документов.

При этом необходимо разграничивать подложность доказательства и спор относительно его достоверности.

То обстоятельство, что одна сторона оспаривает содержание документа другой стороны, само по себе не свидетельствует о наличии признаков преступления.

Для уголовной ответственности необходимо установить, что субъект достоверно знал о фальсифицированном характере доказательства и сознательно ввел его в процесс.

Особенно сложны ситуации с электронными доказательствами. Современные технологии позволяют сравнительно легко изменять электронные документы, изображения, аудио- и видеозаписи, электронную переписку.

Развитие генеративных технологий дополнительно обостряет проблему. Создание синтетического изо-

бражения, голоса или документа способно сформировать объект, внешне практически неотличимый от подлинного.

В связи с этим традиционное понимание фальсификации как физического исправления документа становится недостаточным.

Уголовно-правовое понятие фальсификации должно быть технологически нейтральным и охватывать любые способы искусственного создания либо изменения доказательственной информации независимо от материальной или цифровой формы ее носителя.

9. Фальсификация доказательств по уголовному делу

Повышенная общественная опасность фальсификации доказательств в уголовном судопроизводстве обусловлена характером возможных последствий.

Сфальсифицированное доказательство может стать основанием для задержания, избрания меры пресечения, предъявления обвинения и вынесения обвинительного приговора.

Особенно опасна фальсификация со стороны представителей публичной власти — дознавателя или следователя. Указанные лица не только получают доступ к материалам уголовного дела, но и обладают процессуальными полномочиями по собиранию и закреплению доказательств.

Типичными формами соответствующего поведения могут выступать:

- составление фиктивного протокола следственного действия;
- внесение в протокол сведений о действиях, которые фактически не осуществлялись;
- изменение содержания показаний;
- подмена вещественного доказательства;
- искусственное создание следов преступления;
- изменение содержания электронного носителя;
- включение в материалы дела документов, происхождение которых заведомо не соответствует указанным обстоятельствам.

Вместе с тем не каждое процессуальное нарушение является фальсификацией.

Например, нарушение порядка проведения следственного действия, неправильное оформление протокола или несоблюдение правил хранения вещественного доказательства могут повлечь признание доказательства недопустимым, дисциплинарную или иную ответственность, но не обязательно свидетельствуют о совершении преступления по ст. 303 УК РФ.

Ключевое различие заключается в направленности умысла.

При фальсификации субъект стремится создать ложную доказательственную реальность либо сознательно исказить существующую. При обычном процессуальном нарушении подобная цель отсутствует.

10. Квалифицированный состав: часть 3 статьи 303 УК РФ

Часть 3 ст. 303 УК РФ устанавливает повышенную ответственность в двух основных случаях:

- фальсификация доказательств по уголовному делу о тяжком или особо тяжком преступлении;
- фальсификация доказательств, повлекшая тяжкие последствия.

Первая разновидность квалифицированного состава определяется категорией преступления, по поводу которого осуществляется уголовное судопроизводство.

Повышенная ответственность в данном случае закономерна: уголовное преследование за тяжкое или особо тяжкое преступление связано с риском применения наиболее серьезных мер уголовно-правового характера.

Более сложным является второй квалифицирующий признак — «тяжкие последствия».

Закон не содержит их исчерпывающего перечня. Следовательно, данный признак относится к оценочным.

Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что к тяжким последствиям могут относиться, в частности, привлечение невиновного к уголовной ответственности, заключение его под стражу, а также причинение значимого материального ущерба индивидуальному предпринимателю или коммерческой организации, повлекшего прекращение предпринимательской деятельности либо неплатежеспособность.

При этом перечень не является закрытым.

Тяжкими последствиями в зависимости от обстоятельств могут быть и иные сопоставимые по степени общественной опасности результаты.

Использование оценочного понятия позволяет учитывать многообразие жизненных ситуаций, но одновременно снижает предсказуемость уголовно-правовой нормы.

Для квалификации по признаку тяжких последствий требуется установить причинную связь между фальсификацией и наступившим результатом, а также соответствующее психическое отношение виновного к последствиям.

Важнейшее разъяснение Верховного Суда состоит в том, что ответственность за фальсификацию доказательств, повлекшую тяжкие последствия, при наличии необходимых оснований может наступать независимо от вида судопроизводства.

Такое толкование имеет существенное значение, поскольку буквальная структура ст. 303 УК РФ ранее могла порождать вопрос о применимости ч. 3 исключительно к фальсификации по уголовному делу.

11. Фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности

Часть 4 ст. 303 УК РФ занимает особое место в структуре нормы.

Предметом преступления здесь являются не доказательства в процессуальном смысле, а результаты оперативно-розыскной деятельности.

Это принципиальное различие.

Результаты ОРД сами по себе не всегда являются доказательствами. Для использования в уголовном процессе они должны быть получены и представлены с соблюдением установленных законом требований и получить соответствующую процессуальную форму.

Тем не менее фальсификация результатов ОРД способна создавать основу для незаконного уголовного преследования, поэтому законодатель обоснованно установил самостоятельную ответственность.

Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что фальсификация результатов ОРД может состоять, в частности, во внесении уполномоченным должностным лицом в соответствующие документы заведомо недостоверных сведений о проведении либо непроведении оперативно-розыскного мероприятия, его участниках, сроках, порядке осуществления, выявленных признаках преступления и причастных лицах, а также в представлении поддельных носителей информации или иных предметов в качестве полученных в результате ОРМ.

Субъект преступления специальный — лицо, уполномоченное на проведение оперативно-розыскных мероприятий.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом и специальной целью.

Именно специальная цель существенно ограничивает область применения ч. 4 ст. 303 УК РФ.

Если сотрудник фальсифицирует результаты ОРД по иной причине, например, исключительно для улучшения статистических показателей подразделения, но при этом отсутствует цель уголовного преследования заведомо не причастного лица либо причинения вреда чести, достоинству или деловой репутации, квалификация по ч. 4 может оказаться невозможной.

Подобная ситуация демонстрирует определенный пробел уголовно-правового регулирования.

Сам факт сознательной фальсификации результатов ОРД уполномоченным должностным лицом представляет существенную общественную опасность независимо от конкретной конечной цели.

Поэтому представляется дискуссионной целесообразность сохранения настолько узкого перечня целей в качестве обязательного признака основного состава.

12. Проблема момента окончания преступления

Определение момента окончания имеет значение для разграничения оконченного преступления и неоконченной преступной деятельности, решения вопросов добровольного отказа, соучастия и исчисления сроков давности.

Применительно к ст. 303 УК РФ невозможно предложить абсолютно единый момент окончания для всех возможных способов фальсификации.

Если субъект изменяет уже существующее доказательство, находящееся в материалах дела, преступление должно признаваться оконченным с момента внесения

изменений, поскольку именно тогда доказательственная система объективно искажается.

Если же виновный создает новый подложный предмет или документ вне процессуальной деятельности, более обоснованно связывать окончание преступления с его представлением в качестве доказательства либо с иным введением в соответствующее производство.

Само изготовление фиктивного документа, не представленного компетентному органу и не включенного в доказательственную систему, при наличии необходимых условий может рассматриваться как стадия приготовления к преступлению, если уголовная ответственность за приготовление допустима с учетом категории соответствующего преступления.

При этом применительно к отдельным составам ст. 303 УК РФ правила об ответственности за приготовление ограничиваются положениями Общей части УК РФ.

Следовательно, вопрос о моменте окончания должен решаться с учетом конкретного способа фальсификации и процессуального статуса предмета.

13. Электронные доказательства и новые технологии как фактор трансформации понятия фальсификации

Цифровизация судопроизводства принципиально меняет способы формирования и исследования доказательственной информации.

Документы все чаще существуют исключительно в электронной форме. Значительную роль приобретают сведения из информационных систем, электронная переписка, записи камер видеонаблюдения, данные мобильных устройств, геолокационная информация.

Одновременно расширяются технические возможности фальсификации.

Современные программные средства позволяют изменять метаданные файлов, даты создания документов, содержание переписки, изображения, аудио- и видеозаписи.

Особое значение приобретает использование искусственного интеллекта для создания синтетического контента.

С точки зрения ст. 303 УК РФ способ технического создания подложного доказательства не должен иметь определяющего значения. Важны заведомая ложность доказательственной информации и ее введение в соответствующий процесс.

Однако цифровая среда создает новые доказательственные проблемы.

Во-первых, сложнее установить автора изменения электронного объекта.

Во-вторых, возникает необходимость отличать обычную техническую обработку данных от изменения их доказательственного содержания.

В-третьих, копирование цифрового объекта не всегда тождественно его традиционной материальной подделке.

В-четвертых, один и тот же цифровой файл может существовать одновременно в большом количестве идентичных копий.

Следовательно, уголовно-правовое понятие фальсификации должно строиться не вокруг физического воздействия на материальный предмет, а вокруг умышленного искажения доказательственной информации или создания ложной доказательственной информации.

Именно информационный подход наиболее адекватен современному развитию технологий.

14. Разграничение статьи 303 УК РФ и смежных составов преступлений

Правильная квалификация фальсификации доказательств требует ее разграничения с рядом иных преступлений.

14.1. Фальсификация доказательств и служебный подлог

Служебный подлог предполагает внесение должностным лицом либо государственным или муниципальным служащим в официальные документы заведомо ложных сведений либо исправлений, искажающих их действительное содержание, при наличии предусмотренных законом субъективных признаков.

Если подделываемый официальный документ одновременно выступает доказательством и действия специального субъекта полностью охватываются ст. 303 УК РФ, возникает конкуренция уголовно-правовых норм.

Статья 303 УК РФ в соответствующей части является специальной нормой по отношению к общим нормам о должностных преступлениях, если одни и те же действия одновременно содержат признаки обоих составов.

Верховный Суд РФ в своей практике применял аналогичный подход и применительно к соотношению фальсификации доказательств и злоупотребления должностными полномочиями, признавая норму о фальсификации специальной в ситуации, когда должностное злоупотребление полностью выражалось в тех же действиях.

Однако если должностное преступление включает самостоятельные действия, выходящие за пределы объективной стороны ст. 303 УК РФ, вопрос о совокупности должен решаться отдельно.

14.2. Фальсификация доказательств и заведомо ложные показания

Дача свидетелем или потерпевшим заведомо ложных показаний регулируется специальными нормами и не должна автоматически квалифицироваться как фальсификация доказательств.

Различие обусловлено как способом совершения преступления, так и специальным субъектом.

Однако ситуация усложняется, если лицо не просто дает ложные показания, но изготавливает материальный объект для подтверждения своей версии. В таком случае

при наличии предусмотренного ст. 303 УК РФ статуса субъекта возможна самостоятельная уголовно-правовая оценка действий по созданию или представлению сфальсифицированного доказательства.

14.3. Фальсификация и заведомо ложный донос

Заведомо ложное сообщение о совершении преступления и фальсификация доказательств имеют различные непосредственные объекты и объективную сторону.

Если заведомо ложный донос сопровождается искусственным созданием доказательств обвинения, законодатель предусматривает специальную квалифицированную разновидность ложного доноса.

При квалификации необходимо учитывать правила конкуренции норм и не допускать необоснованного двойного вменения одного и того же действия.

14.4. Фальсификация и привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности

Фальсификация доказательств должностным лицом может являться способом создания условий для привлечения заведомо невиновного лица к уголовной ответственности.

В подобных случаях требуется установить, исчерпывается ли содеянное фальсификацией либо виновный совершил самостоятельное посягательство на иной объект уголовно-правовой охраны.

Вопрос должен решаться с учетом фактических обстоятельств и направленности умысла.

15. Проблемы законодательной конструкции статьи 303 УК РФ

Проведенный анализ позволяет выделить несколько системных недостатков действующего регулирования.

15.1. Отсутствие легального определения фальсификации

Это наиболее очевидная проблема.

Законодатель устанавливает уголовную ответственность за действие, содержание которого непосредственно не раскрывает.

Часть неопределенности была устранена судебным толкованием, однако основополагающие признаки преступного поведения предпочтительно закреплять непосредственно в уголовном законе.

15.2. Неоднородность предметов уголовно-правовой охраны

В одной статье объединены фальсификация доказательств различных видов судопроизводства и фальсификация результатов ОРД.

Такое решение объясняется функциональной взаимосвязью соответствующих деяний, однако создает сложную структуру нормы.

15.3. Неравномерность определения субъектов

Круг субъектов существенно различается в зависимости от вида производства.

В результате сходные по общественной опасности действия разных участников процесса могут получать различную уголовно-правовую оценку.

15.4. Неопределенность понятия тяжких последствий

Оценочные признаки неизбежны в уголовном законодательстве, однако их использование требует максимально ясных критериев судебного толкования.

Разъяснения Верховного Суда существенно улучшают положение, но законодательное уточнение наиболее типичных последствий могло бы повысить определенность нормы.

15.5. Ограниченность целей в части 4 статьи 303 УК РФ

Существующая конструкция оставляет за пределами данной нормы случаи умышленной фальсификации результатов ОРД, совершенной по иным мотивам и с иными целями, хотя такие действия объективно способны причинить значительный вред охраняемым общественным отношениям.

15.6. Недостаточная адаптация нормы к цифровым доказательствам

Хотя действующий текст позволяет применять ст. 303 УК РФ к электронным доказательствам посредством толкования, прямой учет информационной природы современной доказательственной деятельности сделал бы норму более определенной и технологически устойчивой.

16. Направления совершенствования статьи 303 УК РФ

Первым направлением должно стать законодательное закрепление содержания понятия фальсификации.

В примечании к ст. 303 УК РФ либо в соответствующем постановлении законодательного характера возможно определить фальсификацию как умышленное создание заведомо ложной доказательственной информации, изменение, замену, уничтожение или сокрытие доказательственной информации либо ее носителя, а равно представление заведомо подложного объекта в качестве доказательства.

При этом формулировка должна быть построена таким образом, чтобы не зависеть от материальной или электронной формы доказательства.

Вторым направлением является уточнение момента окончания преступления.

Для представления подложного объекта следует ориентироваться на момент введения его в процесс в качестве доказательства. Для изменения уже существующего доказательства — на момент внесения соответствующего искажения.

Третье направление — совершенствование конструкции специального субъекта.

Целесообразно оценить возможность перехода от закрытого перечисления отдельных участников процесса к более универсальной формуле, охватывающей лиц, которые в силу своего процессуального статуса обладают правом представлять, собирать, закреплять либо исследовать доказательства.

Однако такое расширение должно сопровождаться четким определением границ ответственности, чтобы исключить неоправданную криминализацию.

Четвертым направлением является пересмотр ч. 4 ст. 303 УК РФ.

Представляется возможным построить основной состав фальсификации результатов ОРД без обязательного указания специальной цели, а существующие цели незаконного преследования заведомо не причастного лица и причинения вреда чести, достоинству или деловой репутации использовать в качестве квалифицирующих обстоятельств.

Это позволило бы охватить уголовно-правовым запретом общественно опасные случаи сознательного искажения результатов ОРД, совершаемые, например, из карьерной или иной личной заинтересованности.

Пятым направлением должно стать совершенствование судебных разъяснений относительно цифровой фальсификации.

Следовало бы прямо указать, что изменение электронных данных, метаданных, цифровых изображений, аудио- и видеозаписей либо создание искусственного цифрового объекта может образовывать фальсификацию при наличии остальных признаков состава преступления.

17. Значение Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20

Принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 20 стало важным этапом формирования единообразного подхода к преступлениям против правосудия.

Применительно к ст. 303 УК РФ особое значение имеют три группы разъяснений.

Первая связана с содержанием объективной стороны.

Верховный Суд конкретизировал, что применительно к участникам гражданского, административного производства и ряду участников уголовного судопроизводства фальсификация может выражаться в представлении компетентному органу или суду в качестве доказательств заведомо поддельных предметов и документов.

Это разъяснение позволяет провести границу между предварительным изготовлением подделки и ее использованием непосредственно в доказательственной деятельности.

Вторая группа касается тяжких последствий.

Верховный Суд привел примеры таких последствий и принципиально указал на возможность применения соответствующего квалифицирующего признака независимо от вида судопроизводства.

Третья группа относится к результатам ОРД.

Разъяснение конкретизировало формы их фальсификации, включая внесение заведомо недостоверных сведений в документы и представление поддельных носителей информации или иных предметов.

Значение указанных правовых позиций трудно переоценить.

Вместе с тем судебное толкование по своей природе не должно полностью заменять законодательное определение объективных признаков преступления.

Чем более существенный элемент состава выводится исключительно посредством судебной интерпретации, тем выше риск различий в правоприменительной практике.

Поэтому дальнейшее совершенствование ст. 303 УК РФ должно осуществляться прежде всего на законодательном уровне.

18. Авторский подход к определению фальсификации доказательств

С учетом проведенного исследования представляется возможным предложить следующее уголовно-правовое определение.

Фальсификация доказательств — это умышленное создание заведомо ложной доказательственной информации либо искажение, замена, уничтожение или сокрытие существующей доказательственной информации или ее носителя, а равно представление заведомо подложного объекта в качестве доказательства в целях придания ложным сведениям доказательственного значения или искажения фактической основы процессуального решения.

Преимуществами такого определения являются следующие обстоятельства.

Во-первых, оно исходит не исключительно из материальной формы доказательства, а из его информационного содержания.

Во-вторых, оно применимо как к традиционным документам и вещественным доказательствам, так и к электронным данным.

В-третьих, определение позволяет охватить создание нового ложного доказательства и изменение уже существующего.

В-четвертых, оно проводит границу между простой ложью и уголовно наказуемой фальсификацией: ложная информация должна приобретать либо изменять доказательственное значение в соответствующем производстве.

В-пятых, предложенный подход позволяет более четко определить момент окончания преступления.

При создании нового ложного объекта преступления завершается в момент придания ему доказательственного

значения, тогда как при непосредственном изменении уже существующего доказательства — с момента совершения соответствующего искажения.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что преступление, предусмотренное ст. 303 УК РФ, относится к числу наиболее сложных для уголовно-правового толкования преступлений против правосудия.

Сложность обусловлена прежде всего межотраслевым характером нормы. Для установления содержания понятия доказательства необходимо обращаться к уголовно-процессуальному, гражданскому процессуальному, арбитражному процессуальному, административному и иному законодательству. При этом собственно понятие фальсификации уголовным законом не раскрывается.

Основным непосредственным объектом рассматриваемого преступления следует признавать общественные отношения, обеспечивающие установленный законом порядок формирования и использования достоверной доказательственной информации при осуществлении правосудия и связанных с ним юрисдикционных процедур.

Предмет преступления нельзя сводить исключительно к объекту, уже формально признанному доказательством. В зависимости от способа совершения преступления им может являться как существующее доказательство, так и предмет, документ либо цифровой объект, которому виновный намеренно придает ложное доказательственное значение.

Фальсификацию целесообразно рассматривать прежде всего как умышленное искажение доказательственной реальности. Оно может осуществляться путем изготовления ложного доказательства, изменения существующего доказательства, замены его другим объектом, внесения заведомо ложных сведений, а при определенных условиях — уничтожения или сокрытия доказательственной информации.

Субъективная сторона основных составов характеризуется прямым умыслом. Виновный должен осознавать ложный характер создаваемой или изменяемой доказательственной информации. Поэтому фактическая недостоверность доказательства сама по себе недостаточна для уголовной ответственности.

Одной из проблем действующего законодательства является сложная система специальных субъектов. Законодатель по-разному определяет круг лиц применительно к различным видам судопроизводства, что способно приводить к неодинаковой уголовно-правовой оценке сходных по характеру действий.

Квалифицированный состав, связанный с наступлением тяжких последствий, сохраняет оценочный характер. Разъяснения Верховного Суда РФ существенно конкретизируют его содержание, однако не устраняют полностью проблемы предсказуемости правоприменения.

Самостоятельной разновидностью преступления является фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности. Ее общественная опасность заключается в создании ложной информационной основы для уголовного преследования либо причинения вреда личности и ее репутации. Вместе с тем ограничение состава специальными целями оставляет за пределами ч. 4 ст. 303 УК РФ некоторые общественно опасные случаи сознательной фальсификации результатов ОРД.

Особое значение в современных условиях приобретает проблема цифровой фальсификации. Развитие электронного документооборота, цифровых носителей и технологий искусственного интеллекта свидетельствует о необходимости перехода от преимущественно предметного понимания фальсификации к информационному. Для уголовной ответственности определяющим должно быть не физическое изменение материального носителя, а сознательное создание или искажение доказательственной информации.

В целях совершенствования уголовного законодательства представляется целесообразным: закрепить определение фальсификации доказательств; уточнить момент окончания отдельных форм преступления; провести ревизию круга специальных субъектов; конкретизировать критерии тяжких последствий; пересмотреть роль специальной цели в ч. 4 ст. 303 УК РФ; обеспечить технологически нейтральное регулирование, прямо применимое к электронным и синтетическим доказательствам.

Таким образом, дальнейшее совершенствование ст. 303 УК РФ должно быть направлено на достижение баланса между полнотой уголовно-правовой охраны правосудия и требованиями правовой определенности. Только достаточно ясное законодательное описание предмета, способов и субъектов фальсификации способно обеспечить единообразное применение нормы и одновременно исключить неоправданно расширительное толкование уголовного закона.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ.
6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ.
8. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия».
10. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 декабря 2009 г. № 11-О09-137.
11. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31 января 2005 г. № 69-О05-1.
12. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2006 год.
13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. / под ред. А. В. Бриллиантова. — М.: Проспект.
14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. — М.: Юриспруденция.
15. Комментарий к отдельным положениям Уголовного кодекса Российской Федерации в решениях Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ / Е. В. Хромов.
16. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. ведущих специалистов в области уголовного права. — М.
17. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий / А. В. Гриненко. — М.: Проспект.
18. Фалеев В. И. Проблемы уголовной ответственности за фальсификацию доказательств // Российский судья. — 2026. — № 2.

Объект и объективные характеристики состава террористического акта: анализ и правоприменение

Мамедов Камал Руслан оглы, студент магистратуры
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Настоящее исследование фокусируется на критическом анализе основополагающих элементов состава террористического акта — его объекта и объективных характеристик, — играющих ключевую роль в разграничении преступлений схожей направленности и обеспечении единообразной правоприменительной практики. Учитывая неуклонный рост общественной опасности данного вида противоправных деяний, актуальность работы обусловлена необходимостью глубокого понимания юридической природы террористического акта и его направленности. В статье проводится всесторонний разбор нормативных положений, доктринальных воззрений и материалов судебной практики, направленный на формирование четкого представления о непосредственном объекте посягательства и исчерпывающем перечне объективных признаков, что имеет фундаментальное значение для эффективной борьбы с терроризмом.

Ключевые слова: террористический акт, объект преступления, объективная сторона, состав преступления, общественная безопасность, устрашение населения, общественно опасные последствия.

The object and objective characteristics of a terrorist act: analysis and enforcement

Mamedov Kamal Ruslan oglu, master's student
Tambov State University named after G. R. Derzhavin

This study focuses on a critical analysis of the fundamental elements of a terrorist act—its object and objective characteristics—which play a key role in distinguishing similar crimes and ensuring uniform law enforcement practices. Given the steadily growing public danger of this type of illegal act, the relevance of this work stems from the need for a thorough understanding of the legal nature of a terrorist act and its intent. The article provides a comprehensive analysis of regulatory provisions, doctrinal views, and case law, aimed at developing a clear understanding of the immediate object of the attack and a comprehensive list of objective characteristics, which is fundamental to the effective fight against terrorism.

Keywords: terrorist act, object of the crime, objective aspect, elements of the crime, public safety, intimidation of the population, socially dangerous consequences.

Вопрос об объекте преступления является фундаментальным для уголовно-правовой науки и практики, определяя направленность и общественную опасность противоправного деяния. В контексте террористического акта, данного вида преступления, представляющего исключительную угрозу общественной безопасности, анализ объекта и характеристик его объективной стороны приобретает особое значение. Данная статья посвящена исследованию указанных аспектов состава террористического акта, с акцентом на законодательные положения, доктринальные позиции и правоприменительную практику.

Согласно статье 8 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом. Состав преступления, в свою очередь, включает в себя такие элементы, как объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона [5]. Важность объекта преступления подчеркивается авторами М. М. Галачевой и С. Б. Беликовой: «Анализ состава террористического акта предполагает обстоятельное рассмотрение объекта преступления, т. к. содержание именно этого элемента позволяет определить направленность

преступного деяния и характер его общественной опасности, отграничить сходные между собой преступления и правильно их квалифицировать» [1, с. 134].

«Структура объектов преступления, исходя из иерархического построения Уголовного кодекса РФ, включает:

1. Общий объект: совокупность всех общественных отношений, охраняемых уголовным законом.
2. Родовой объект: группа схожих по своему характеру общественных отношений, объединенных в разделе или главе Особенной части УК РФ.
3. Видовой объект: более узкая группа общественных отношений, выделяемая в пределах родового объекта.
4. Непосредственный объект: конкретные общественные отношения, на которые посягает данное преступление.

По горизонтали, непосредственный объект может подразделяться на основной, дополнительный и факультативный.

В контексте террористического акта, помещенного законодателем в главу 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности», входящую в раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», можно определить следующие объекты:

Родовой объект: общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения общественной безопасности и общественного порядка.

Видовой объект: общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения общественной безопасности» [1, с. 135].

Вопрос определения непосредственного объекта террористического акта остается предметом дискуссий. Преобладающее мнение исследователей склоняется к тому, что «террористический акт представляет собой многообъектное преступное деяние, посягающее на общественную безопасность, нормальное функционирование органов государственной власти, а также на жизнь и здоровье граждан. При этом общественная безопасность рассматривается в качестве основного объекта посягательства, в то время как иные перечисленные блага и интересы выступают в роли дополнительных объектов» [2, с. 115].

В качестве непосредственного объекта террористического акта предлагается рассматривать «отношения, формирующиеся в области обеспечения основ общественной безопасности. В качестве дополнительного объекта выступают отношения, возникающие в сфере гарантирования безопасности жизни и здоровья граждан, защиты собственности, а также обеспечения нормального функционирования органов государственной власти» [2, с. 115]. Под основами общественной безопасности понимается «одна из составляющих общественной безопасности как видового объекта преступлений, предусмотренных главой 24 УК РФ, представляющая собой совокупность общественных отношений, складывающихся в сфере обеспечения условия безопасного существования общества» [4, с. 287].

«Дополнительные объекты террористического акта, в частности, жизнь и здоровье человека, а также иные общественные отношения, в зависимости от характера тяжких последствий (ч. 2, 3 ст. 205 УК РФ), должны быть сопоставимы с жизнью человека» [4, с. 287].

Объективная сторона террористического акта, характеризуется широким спектром альтернативных действий, направленных на дестабилизацию общественной безопасности и оказание воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями. К таковым относятся взрыв, поджог или иные действия,

создающие опасность гибели людей, причинения имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий.

Поскольку законодательное определение не исчерпывает весь перечень действий, Верховный Суд РФ в постановлении Пленума «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» вводит критерии отнесения действий к террористическому акту. Важным признаком объективной стороны является устрашение населения. «Устрашение населения следует рассматривать не в качестве конструктивного элемента объективной стороны террористического акта, а как его обязательную цель, определяющую субъективную направленность деяния» [6].

«Еще один признак объективной стороны — опасность гибели, значительного имущественного ущерба или иных тяжких последствий. Эта опасность должна быть реальной, что определяется с учетом обстоятельств дела» [6].

Подход законодателя и Верховного Суда РФ указывает на то, что «террористический акт может быть совершен только активными действиями. Такое ограничение представляется необоснованным. По мнению В. В. Мальцева, террористическая акция иногда может быть осуществлена и путем бездействия» [3, с. 104].

Террористический акт, являясь сложным по своей конструкции преступлением, характеризуется специфическим объектом и объективными признаками, направленными на подрыв основ конституционного строя и обеспечения безопасности граждан. Основываясь на проведенном анализе, можно констатировать, что непосредственным объектом террористического акта выступают, прежде всего, общественные отношения, обеспечивающие фундаментальные основы общественной безопасности. К дополнительным объектам следует относить жизнь, здоровье граждан, их имущественные права и нормальное функционирование государственных и общественных институтов. Объективная сторона террористического акта отличается многообразием альтернативных форм его совершения с учетом его эволюционирующего характера, остается важнейшей задачей для обеспечения эффективной борьбы с этим особо опасным преступлением.

Литература:

1. Галачиева, М. М. Характеристика объекта террористического акта: дискуссионные аспекты / М. М. Галачиева, С. Б. Беликова // Аграрное и земельное право. — 2023. — № 3. — С. 134–136.
2. Костенков Д. С. Террористический акт в системе преступлений против общественной безопасности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции (памяти доктора юридических наук, Почетного профессора Московской академии СК России Евгения Петровича Кима). — Москва, 2024. — С. 111–115.
3. Мальцев В. В. Терроризм: проблема уголовно-правового урегулирования // Государство и право. — М.: Наука, 1998, № 8. — С. 104–107
4. Мартемьянов, А. В. К вопросу об объекте террористического акта / А. В. Мартемьянов; науч. рук. Т. Г. Черненко // XVI Машеровские чтения: материалы международной научно-практической конференции студентов, аспи-

рантов и молодых ученых, Витебск, 21 октября 2022 г.: в 2 т. — Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2022. — Т. 2. — С. 287–289.

5. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996.- № 25.- Ст. 2954.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 N 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 2012. N 35.

Проблемы доказывания по делам о возмещении вреда по случаю потери кормильца

Мащенко Татьяна Евгеньевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ерохина Татьяна Петровна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена теоретическим и практическим проблемам доказывания по гражданским делам о возмещении вреда, причинённого смертью кормильца. Исследуются вопросы иждивения: для несовершеннолетних детей действует презумпция, в то время как для иных, круг которых определен ст. 1088 ГК РФ, требуется доказывание. В связи с отсутствием закреплённого перечня доказательств в судебной практике наблюдается неоднородность, что свидетельствует о необходимости ее унификации путем формирования единых критериев.

Ключевые слова: возмещение вреда, смерть кормильца, предмет доказывания, иждивение, нетрудоспособность, судебная практика.

Problems of proof in cases of compensation for harm caused by the loss of a breadwinner

This article addresses theoretical and practical issues regarding the burden of proof in civil cases concerning compensation for harm caused by the death of a breadwinner. It examines the concept of dependency: a presumption of dependency applies to minor children, whereas for other categories of persons — defined in Article 1088 of the Civil Code of the Russian Federation — dependency must be proven. Due to the absence of a fixed list of required evidence, judicial practice is inconsistent, highlighting the need for unification through the establishment of uniform criteria.

Keywords: compensation for harm, death of a breadwinner, subject matter of proof, dependency, incapacity for work, judicial practice.

В соответствии с Конституцией РФ в обязанность государства входит защита прав и свобод граждан, в том числе их социальная защита, одним из компонентов которой является право определенного круга лиц на возмещение вреда по случаю потери кормильца. Несмотря на достаточно обширный круг лиц, имеющих право на возмещение вреда при потере кормильца, презумпция иждивения законодательно установлена только в отношении несовершеннолетних. Все остальные лица, претендующие на возмещение обязаны доказывать факт иждивения самостоятельно. В связи с этим многие граждане сталкиваются с различными проблемами системного характера, в частности проблемой доказывания права на возмещение, непосредственно связанного с установлением этого права как юридического факта.

Согласно ст. 1088 ГК РФ к лицам, имеющим право на возмещения относятся нетрудоспособные граждане:

— состоявшие на иждивении умершего, либо имели право на его содержание;

— дети умершего, в том числе родившиеся после его смерти;

— члены семьи, независимо от их трудоспособности, осуществляющие уход за находившимися на иждивении умершего родственниками до достижения ими 14 лет, либо старшего возраста, но нуждающимися на основании медицинского заключения в постороннем уходе;

— члены семьи, состоявшие на иждивении умершего лица, нетрудоспособность которых наступила в течение пяти лет после его смерти, в том числе осуществляющие уход за родственниками умершего;

— члены семьи, нетрудоспособность которых наступила в период ухода за родственником умершего, сохраняют право на дальнейшее получение возмещения;

— несовершеннолетние до достижения 14 лет, либо до 23 лет при условии очного обучения;

— женщины и мужчины (55 и 60 лет соответственно) имеют право на пожизненное возмещение;

— инвалиды (до истечения срока инвалидности) [1].

Неправомерные отказы в возмещении вреда по потере кормильца в большей степени обусловлены двумя ключевыми ошибками правоприменителей: чрезмерно узкое толкование круга получателей и формальный подход к оценке доказательств иждивения.

Так, истица обратилась в суд о возмещении вреда по случаю потери кормильца в результате несчастного случая на производстве к ООО «Камчатское морское пароходство», Государственной инспекции труда в Приморском крае и Отделению СФР по Приморскому краю. Суд первой инстанции удовлетворил требования частично, снизив сумму более, чем в три раза, поскольку: работодателем оказана материальная помощь, а заявленный размер возмещения является несоразмерным утрате. Апелляция не согласилась с доводами суда первой инстанции и полностью удовлетворила исковые требования истца с учетом наличия двоих маленьких несовершеннолетних детей, оставшихся без кормильца [11].

В одном из дел суд первой инстанции отказал пенсионеру в возмещении вреда по потере кормильца, сославшись на то, что истец не состоял с умершей в браке и не являлся ей родственником, несмотря на то, что истцом были представлены все доказательства совместного проживания с умершей на протяжении 20 лет до момента ее смерти, а также предоставлены выписки о размере его пенсии (21 тыс. руб.) и ее пенсии (31 тыс. руб.). Апелляционный суд отменил решение и указал, что суд неверно истолковал нормы закона, поскольку в данном деле необходимо оценивать соотношение доходов, а не родственные отношения [9].

Формальное отношение к родству продемонстрировано и в другом деле, рассмотренном ВС РФ. Мать погибшего военнослужащего подала иск об оспаривании выплат, на которые претендовал отец умершего, поскольку он не принимал участие в его воспитании и не платил алименты. Кроме того, сын сменил его фамилию. Однако суды первой и апелляционной инстанций не дали оценки доводам истицы об отсутствии семейных и родственных отношений между погибшим и его отцом. ВС РФ указал, что суды обязаны были оценить эти обстоятельства, а не формально сослаться на то, что перемена фамилии «могла быть вызвана иными личными причинами» [2].

В настоящее время многие семьи проживают в незарегистрированном официально браке, в связи с чем в суде при заявлении исковых требований о возмещении вреда по потере кормильца они сталкиваются с необходимостью доказывания факта совместного проживания. В качестве доказательств могут служить документы, косвенно подтверждающие общий быт (договоры, чеки, квитанции на покупку имущества, в которых фигурирует совместный адрес проживания), документы, подтверждающие финансовое участие умершего в жизни истца (выписки о переводах, расписки, связанные с содержанием истца), а также свидетельские показания (родственников, соседей, друзей) об их совместном проживании. Несмотря на это, в судебной практике достаточно часто встречаются дела,

когда истцу отказывают в возмещении вреда по потере кормильца в связи с отсутствием доказательств совместного проживания.

Так, Ульяновским областным судом истцу было отказано в возмещении вреда в связи с отсутствием доказательств о совместном проживании и, как следствие, нахождении на иждивении умершего, несмотря на то, что со слов истца и свидетелей они проживали совместно с 2009 г. При этом, истица указывала, что находилась на полном иждивении умершего, основные покупки он осуществлял самостоятельно, в случае необходимости выдавал ей денежные средства наличными, поскольку ее карта долгое время была арестована. В обоснование отказа суд указал на разные адреса регистрации истца и умершего, что является основанием для отказа в возмещении вреда [12].

Восьмой кассационный суд общей юрисдикции отказал истцу в удовлетворении требований о возмещении вреда в связи с потерей кормильца, несмотря на то, что истцом были представлены доказательства ведения общего хозяйства за несколько месяцев до наступления смерти. Суд подчеркнул, что для подтверждения иждивения и доказательства совместного проживания, необходимо подтвердить ведение общего хозяйства не только на момент суда, на дату смерти кормильца, а также предшествующий период [5].

Показательным примером является дело, в котором Геленджикский городской суд отказал в установлении факта иждивения, указав, что совместное проживание само по себе не свидетельствует о нахождении на иждивении. Несмотря на то, что истец проживала совместно с умершим с 2004 г., предоставила фото и видео-материалы, чеки и иные документы, подтверждающие факт совместного проживания и нахождения на иждивении, суд обосновал отказ тем, что совместное проживание само по себе не свидетельствует о нахождении на иждивении. Судебная коллегия по гражданским делам Краснодарского краевого суда не согласилась с отказом, подчеркнув, что суд первой инстанции не выяснил соотношение между объемом помощи и собственными доходами истца. Кроме того, иждивение предполагает как полное содержание, так и получение помощи, являвшейся основным, но не единственным источником средств, и не исключает наличия у лица собственного дохода (пенсии). В связи с этим дело было направлено на новое рассмотрение, поскольку суд первой инстанции не выяснил соотношение между объемом помощи и собственными доходами истца [10].

Таким образом, можно отметить противоречивость судебной практики, когда одни суды при отсутствии регистрации в качестве доказательственной базы о совместном проживании признают свидетельские показания и минимальные доказательства ведения общего быта, в то время как другие суды при тех же основаниях отказывают в возмещении вреда. Особые трудности возникают в ситуациях, когда заработок и распоряжение средствами являются обязанностью мужчины, в связи с чем, он самостоятельно закупает все необходимое для

обеспечения семьи. Кроме того, средства могут передаваться в распоряжение иждивенца наличными, что не позволяет доказать документально ни факт совместного проживания, ни нахождение на иждивении, что, как следствие, нарушает права иждивенца на возмещение вреда при потере кормильца.

Помимо доказывания самого факта совместного проживания и ведения общего хозяйства, истцу необходимо доказать, что помощь кормильца была основным источником, а не просто дополнением к собственным доходам. В связи с этим, суд должен оценить соотношение оказываемой помощи и других доходов нетрудоспособного иждивенца, поскольку ключевая позиция суда заключается в том, наличие собственного дохода (пенсии, пособия) само по себе не исключает иждивения, но создаёт презумпцию достаточности.

Примером вышеуказанной проблемы является дело, рассмотренное Пермским районным судом. Истец обратился в суд, действуя в интересах двоих несовершеннолетних детей, с иском о возмещении вреда в размере 3 млн руб. к ГБУЗ ПК «Пермская центральная районная больница», в связи со смертью кормильца (его жены), которая скончалась в результате оказания ей медицинской процедуры. Ответчик указывал на то, что истец проявляет недобросовестность, пользуясь правом на возмещение, поскольку он намеренно уволился с работы, являясь трудоспособным, и ранее осуществлял трудовую деятельность. Суд удовлетворил иск частично, обязав ответчика выплатить истцу 1,4 млн руб., указав следующее: заработная плата умершей была значительно выше доходов ответчика. Кроме того, с момента ее смерти по настоящее время, а также в ближайший период он не может начать трудовую деятельность, поскольку осуществляет уход за несовершеннолетними детьми, в связи с чем он утратил возможность работать. Ответчик, в свою очередь, не смог предоставить доказательства о наличии оснований для освобождения от ответственности [13]. В данном случае суд признал право истца на возмещение, поскольку ответчиком не были представлены достаточные доказательства обратного, несмотря на попытки обвинить истца в недобросовестности.

Однако в судебной практике установление соотношения доходов часто ведет к отказу в возмещении. Так, суд первой инстанции отказал в возмещении вреда по потери кормильца ввиду отсутствия доказательств доводов истца о наличии у неё самостоятельного стабильного дохода, а размер возмещения вреда был снижен с учётом материального положения причинителя вреда. Фактически суд указал, что если доход не подтвержден документально, он все равно учитывается как препятствие для иждивения. Апелляция с таким подходом не согласилась, указав, что судом не было исследовано, каким образом распределялись средства внутри семьи и какая доля приходилась на помощь кормильца, т. е. суд указал на неверное применение норм материального права. Данное дело наглядно демонстрирует, как отсутствие доказательств соотношения доходов приводит к отказу [8].

В другом деле судом первой инстанции истцу было отказано в иждивении на основании сравнения размера пенсий без выяснения общих доходов и расходов семьи. Апелляционный суд отменил решение и сославшись на Обзор ВС РФ № 4 [14], указала, что иждивение может быть установлено путем определения соотношения между объемом помощи кормильца и собственными доходами иждивенца, а наличие собственного дохода само по себе иждивения не исключает [7].

В апелляционном определении Архангельский областной суд указал, на неправомерный отказ судом первой инстанции в возмещении в связи с ограничением констатацией получения истцом пенсии по старости без оценки того, что пенсия супруга превышала размер пенсии истца более, чем в 2,5 раза и учета общего семейного бюджета. Это послужило основанием для отмены решения нижестоящего суда и признания права истца на возмещение по случаю потери кормильца [6].

Рассмотренные дела свидетельствуют о формальном подходе судов при вынесении отказов в возмещении, поскольку при наличии дохода у истца не выясняются: реальные потребности семьи, а также доля дохода в общем семейном бюджете. Кроме того, суды нередко игнорируют общие расходы семьи: ремонт, лекарственные препараты, коммунальные платежи, питание. Несмотря на последовательную корректировку Верховным Судом РФ такой практики с требованием устанавливать соотношение между объемом помощи и собственными доходами истца, в решениях судов первой инстанции формальный подход к сравнению доходов остается распространенной ошибкой, которая становится основанием для отмены в апелляции.

Неоднородность судебной практики отмечается и при рассмотрении дел о возмещении вреда по потери кормильца, в случаях, когда фактически отношения между истцом и умершим прекращены.

Так, судом первой инстанции истцу было отказано в возмещении вреда по потери кормильца, поскольку несмотря на юридическое сохранение брака, фактически супруги не проживали вместе, не вели общего хозяйства и не поддерживали друг друга более 20 лет. Суд апелляционной и кассационной инстанции отменили решение нижестоящего суда, применив формальный подход — право на возмещение сохраняется, когда супруги состоят в зарегистрированном браке. ВС РФ отменил их акты, оставив в силе решение первой инстанции, указав, что раздельное проживание само по себе не лишает выплат автоматически, однако необходимо выяснить следующие обстоятельства: длительность и причины раздельного проживания, отсутствие общего хозяйства, взаимной поддержки, общения и заботы. В данном случае было установлено фактическое прекращение семейных отношений, что имеет преюдициальное значение [3].

В аналогичном деле ВС ФР указал, что выплаты направлены на компенсацию потерь от утраты близкого человека, а не на вознаграждение за формальный статус.

В случае фактического прекращения семейных отношений задолго до гибели, супруг не считается членом семьи и утрачивает право на выплаты [4].

Таким образом, судебная практика свидетельствует о неоднородности подходов в случае, когда супруги находятся в официальном браке, но не проживают вместе долгое время. Суды руководствуются формальным подходом, не

изучая совокупность доказательств (причина и длительность раздельного проживания, особенности взаимоотношений, наличие общего хозяйства), что ведет к отказам в возмещении в вышестоящих судах. Вышеизложенное свидетельствует о необходимости уточнения разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и формирования единообразных критериев оценки доказательств по данной категории дел.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. От 09.06.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 3.10.2026).
2. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 03.08.2026 № 19-КГ26-17-К5 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 3.10.2026).
3. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19.01.2026 по делу № 16-КГ25-37-К4 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 3.10.2026).
4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.10.2025 по делу № 93-КГ25-2-К9 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 3.10.2026).
5. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15.09.2026 № 88-15958/2026 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 3.10.2026).
6. Апелляционное определение Архангельского областного суда от 16.12.2025 г. № 33-8778/2025 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 3.10.2026).
7. Апелляционное определение Владимирского областного суда от 24.02.2026 г. № 33-789/2026 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 3.10.2026).
8. Апелляционное определение Иркутского областного суда от 21.12.2025 г. № 33-9531/2025 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 3.10.2026).
9. Апелляционное определение Камчатского краевого суда от 28.01.2026 г. № 33-1728/2025 (33-60/2026) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 3.10.2026).
10. Апелляционное определение Приморского краевого суда от 30.03.2026 г. № 33-11408/2026 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 3.10.2026).
11. Апелляционное определение Судебной Коллегии по гражданским делам Приморского краевого суда от 23.12.2025 по делу № 33-10596/2025 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 3.10.2026).
12. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 13.05.2025 г. по делу № 33-1990/2025 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 3.10.2026).
13. Решение Пермского районного суда от 30.03.2025 г. № 2-149/2025 2-149/2025(2-3032/2024);~М-2383/2024 2-3032/2024 М-2383/2024 по делу № 2-149/2025 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 3.10.2026).
14. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2021): утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 февраля 2022 г. // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 3.10.2026).

Проблемы применения статьи 13.15 КоАП РФ к действиям пользователей социальных сетей: лайку, репосту, комментарию

Медведева Дарья Андреевна, курсант
Уральский юридический институт МВД России (г. Екатеринбург)

В статье исследуются проблемы квалификации действий пользователей социальных сетей, такие как лайк, репост, комментарий. Автор анализирует противоречия в доктринальных подходах к установлению форм вины за распространение заведомо недостоверной общественно значимой информации и судебную практику, подтверждающую необ-

ходимость доказывания умысла. Формулируются предложения по уточнению правоприменения на основе универсального понятия «распространение информации» и закрепления критериев оценки сетевого поведения.

Ключевые слова: административная ответственность, дезинформация, социальные сети, лайк, репост, комментарий, умысел, ст. 13.15 КоАП РФ.

Современная тенденция информатизации общества имеет как позитивные, так и негативные проявления. Как отмечает А. В. Токолов, «современные технологии, основанные на технологиях искусственного интеллекта, способны создавать крайне реалистичные видеозаписи, аудиофайлы, рукописные документы, что ставит под сомнение достоверность представленных доказательств» [1, с. 208]. В этих условиях проблема ответственности за распространение недостоверной информации — и, в частности, за такие действия пользователей социальных сетей, как лайк и репост, — приобретает особую остроту, поскольку правоприменитель сталкивается с необходимостью доказывать умысел в среде, где грань между ошибкой и злонамеренной дезинформацией становится всё более размытой.

Масштабы проблемы придают ей не только доктринальный, но и практический характер. Как подчёркивает А. Е. Канакова, «актуальность исследования обусловлена экспоненциальным ростом масштабов фейковизации контента, использованием алгоритмических инструментов манипуляции и отсутствием эффективных механизмов противодействия дезинформации в трансграничном формате» [2]. При этом, как справедливо указывает Е. И. Потапенко, «грань между свободным выражением мнения и уголовно наказуемым деянием в сети Интернет сегодня как никогда размыта. С одной стороны, технологические возможности для выражения мнения стали безграничными, с другой — правовые границы этого выражения оказались более жёсткими и сложными, чем в офлайн-среде» [3]. Это противоречие особенно ярко проявляется при квалификации действий пользователей по ст. 13.15 КоАП РФ.

К негативным проявлениям информатизации можно отнести возникновение новых видов преступности либо приобретение уже знакомыми новыми проявлений [4, с. 50]. То же самое можно сказать и об административных правонарушениях в сети Интернет, которые находятся на грани свободного выражения мнения и противоправной деятельности, нарушающей права и законные интересы граждан, общества и государства. В частности, в последнее время распространённым деструктивным явлением стали фейковые новости, то есть распространение заведомо недостоверной информации (дезинформации) в сети Интернет, на телеканалах и в медийном поле под видом достоверных сообщений. Данные новости направлены на введение в заблуждение населения и пользователей для политической, финансовой или идеологической выгоды.

Одной из норм, ограждающих население от манипулирования его сознанием и причинения вреда охраняемым

общественным отношениям, является ст. 13.15 КоАП РФ «Злоупотребление свободой массовой информации». Основной состав сформулирован в её части 9: распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, создавшее угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, если эти действия лица, распространяющего информацию, не содержат уголовно наказуемого деяния. Последующие части устанавливают повышенную ответственность: часть 10 — за распространение такой информации, повлекшее создание помех функционированию перечисленных объектов, либо за повторное совершение правонарушения, предусмотренного частью 9; части 10.1 и 10.2 — за распространение юридическими лицами заведомо недостоверной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, а в части 10.2 — за распространение, повлекшее смерть человека, причинение вреда здоровью или имуществу и иные тяжкие последствия; часть 11 — за повторное совершение правонарушений, предусмотренных частями 10, 10.1 или 10.2. Таким образом, именно ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ описывает само деяние, а остальные части вводят квалифицированные и специальные составы. При применении данной нормы выявлены неточности, на которые указывают учёные-юристы.

Дискуссионным остаётся и правовое значение действий пользователя — лайка, репоста, комментария. Эти понятия не определены в законодательстве, а их роль при квалификации не имеет единообразного толкования. Лайк и репост сами по себе не образуют состава правонарушения: в качестве доказательств они чаще всего приобщаются к материалам дела как косвенные доказательства умысла. Это создаёт определённый риск: отсутствие самостоятельного правового значения таких действий не всегда учитывается правоприменителем, хотя оснований полагать, что пользователь выразил негативную позицию или умышленно распространил дезинформацию, может не быть. Часто «реакции» в сети являются ошибочными или из большого количества толкований новости пользователь выбрал ту, которая не несёт негативного характера.

В проблематике данной темы можно выделить несколько аспектов. Во-первых, репост и лайк оцениваются

как полноценное распространение информации, и это возлагает на пользователя ответственность за чужой контент. Во-вторых, данные действия занимают промежуточную позицию в праве: они не могут самостоятельно указывать на совершение противоправного деяния, но способны выступать выражением одобрения или поддержки распространяемой информации. В-третьих, широкие (оценочные) формулировки диспозиции ст. 13.15 КоАП РФ создают возможности расширительного толкования как для правоприменителя, так и для пользователя и могут уясняться ими разными способами, что порождает разногласия относительно применения нормы.

По данной теме существует множество противоречивых доктринальных позиций. Один подход исходит из того, что вопрос об ответственности должен решаться в строгом соответствии с установленными формами вины: административное правонарушение может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности (ст. 2.2 КоАП РФ). Так, Д. В. Осинцев, анализируя проблемы юридической техники при описании составов административных правонарушений, отмечает, что в административных и судебных актах «часто встречается расхожая фраза об установлении виновности лица... вследствие пренебрежительного отношения к исполнению требований законодательства», которая носит неопределённый характер и может привести к принятию необоснованных решений [5]. Применительно к распространению заведомо недостоверной информации это означает следующее: признак «заведомо» в ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ указывает на умышленную форму вины, поэтому сам факт непроверенного репоста не освобождает пользователя от ответственности, если по обстоятельствам дела он должен был и мог проверить информацию (ч. 2 ст. 2.2 КоАП РФ); вместе с тем там, где состав требует умысла, привлечению к ответственности должно предшествовать его доказывание.

Примером, подтверждающим необходимость доказывания умысла, служит дело МАУ «ТРК «Пыть-Яхинформ» [6]. Мировой судья признал телерадиокомпанию виновной по ч. 10.1 ст. 13.15 КоАП РФ за распространение видеосюжета о невозможности проведения дезинфекции автотранспорта в условиях пандемии, назначив штраф. Однако суд Ханты-Мансийского автономного округа — Югры отменил постановление мирового судьи и вернул дело на новое рассмотрение, указав, что обязательный признак состава — прямой умысел — не доказан, а сотрудники редакции не сомневались в достоверности информации, полученной непосредственно от работника предприятия. Суд пришёл к выводу, что приведённые обстоятельства в совокупности не позволяют сделать однозначный вывод о наличии в действиях телерадиокомпании состава административного правонарушения [7]. Данный пример судебной практики подтверждает, что даже на уровне региональных судов признаётся необходимость доказывания умысла. В этой связи правоприменителю следует закрепить условия признания деяния

противоправным, не сводя основания ответственности к невнимательности и пренебрежительности.

Уточняющий характер по отношению к позиции Д. В. Осинцева имеет подход А. В. Токолова: репост из сомнительного источника может быть следствием невнимательности, а не умысла, поэтому следует чётко разграничить умышленную дезинформацию, непроверенные данные и оценочные суждения. Сложность доказывания умысла заключается в том, как отличить злонамеренный фейк от ошибки или интерпретации. Если Д. В. Осинцев акцентирует внимание на юридической технике описания составов административных правонарушений, то А. В. Токолов смещает фокус на соотношение мер борьбы с дезинформацией и конституционных прав: борьба с фейками является необходимой задачей государства, но её решение не должно подрывать демократические принципы, а должно опираться на баланс между защитой общественных интересов и соблюдением конституционных прав граждан в цифровой среде [1, с. 210].

С этим подходом согласуется практика по делам о фейках в контексте специальной военной операции: гражданин был привлечён к ответственности за публикацию в комментарии под постом неподтверждённой информации о количестве погибших и объектах, подвергшихся ударам. Суд кассационной инстанции указал, что правонарушитель достоверность приводимых сведений не проверил, а страница пользователя была доступна неограниченному кругу лиц [8]. Иными словами, суды опирались не только на сам факт распространения, но и на отсутствие попытки проверить информацию: заведомость выводилась из совокупности обстоятельств, а не из одного лишь факта публикации.

Приведённые примеры показывают, что суды балансируют между недопустимостью привлечения пользователя за неосторожный репост и необходимостью государства реагировать на реальное распространение дезинформации. Отсутствие чётких критериев на этом балансе сказывается прежде всего: решение в спорных случаях принимается не по установленным правилам, а по усмотрению конкретного судьи. Полное отсутствие регулирования может привести к распространению деструктивной информации в общий доступ, но чрезмерное ограничение приведёт к неоправданному сужению пространства для выражения общественного мнения и дискуссии [6, с. 30].

Ориентиром для правоприменителя может служить и позиция Верховного Суда РФ. Применительно к уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что сами по себе лайки и репосты не могут быть поводом для возбуждения дела: при оценке действий пользователя необходимо исходить из совокупности обстоятельств — формы и содержания размещённой информации, её контекста, наличия комментариев, сведений о деятельности пользователя до и после размещения информации, частоты и продолжительности её размещения [9]. Полагаем, что данный подход, выработанный для уголовно-пра-

новой оценки сетевого поведения, логично распространить и на квалификацию административных правонарушений по ст. 13.15 КоАП РФ.

Для привлечения к ответственности по данной статье необходим комплексный анализ социальной сети пользователя, поиск иных данных, которые прямо или косвенно будут указывать на его противоправный умысел (сохранённые изображения, видеоматериалы, отметки «Нравится», другие репосты, «друзья» и подписчики, находящиеся в той или иной социальной сети и разделяющие противоправные взгляды автора). Единичный «лайк», «репост» или «комментарий» сами по себе, без совокупности иных обстоятельств — осведомлённости лица о характере распространяемой информации, системности однотипных действий, контекста размещения, — не могут служить основанием для возбуждения дела об административном правонарушении.

Предложения по совершенствованию регулирования не должны сводиться к закреплению дефиниций сетевых неологизмов: перечень «лайк», «репост», «комментарий» стремительно устаревает, тогда как новые способы сетевого взаимодействия — реакции, пересылки, контент, размещаемый с использованием систем искусственного интеллекта, — подпадают под те же признаки распространения информации. Универсальным ориентиром служит уже закреплённое в ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» понятие «распространение информации» — действия, направленные на получение информации неопределённым кругом лиц или передачу информации неопределённому кругу лиц: под

него подпадают любые действия пользователя, делающие сведения доступными неограниченному кругу лиц. Соответственно, совершенствование регулирования должно идти не по пути перечисления терминов, а по пути закрепления критериев, применимых к любой форме сетевого поведения: осведомлённости лица о характере распространяемой информации, системности однотипных действий, контекста размещения.

В завершении отметит, что надлежащим уровнем закрепления указанных выше оценочных критериев представляется не КоАП РФ, а разъяснения Пленума Верховного Суда РФ — по аналогии с постановлением от 20 сентября 2018 г. № 32, выработавшим совокупностный подход применительно к экстремистским преступлениям. Для правоприменителей целесообразно установить требования о комплексном анализе профиля пользователя, который подозревается в совершении правонарушения, с выявлением системности совершения однотипных противоправных действий (сохранённые изображения, другие репосты, подписки), что согласуется с подходом о накопительном эффекте правонарушений, обоснованным Д. В. Осинцевым [10]. Ещё одним направлением выступает усовершенствование системы внутреннего контроля на цифровых площадках и уточнение критериев разграничения административной (ст. 13.15 КоАП РФ) и уголовной (ст. 207.1–207.3 УК РФ) ответственности за дезинформацию. Это поспособствует фильтрации вредоносного контента без радикального ограничения прав пользователей и поддержанию баланса между защитой общественных интересов и соблюдением конституционных прав граждан в цифровой среде.

Литература:

1. Токолов А. В. Юридическая ответственность за распространение фейков: границы допустимого регулирования в демократическом обществе // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 208–211.
2. Канакова А. Е. Право на достоверную информацию в сети Интернет: вызовы фейковизации и пути решения // Российско-азиатский правовой журнал. 2025. № 1. С. 43–49.
3. Потапенко Е. И. Правовые границы выражения мнения в цифровой среде: репост, лайк, эмодзи в контексте юридической ответственности // Молодой учёный. 2025. № 50 (601). С. 438–441.
4. Литвин И. И. Особенности противодействия экстремистской идеологии в контексте «электронного государства» // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. № 1 (11). С. 50–54.
5. Осинцев Д. В. Субъективная сторона административного правонарушения: умысел, неосторожность или нечто иное? // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2023. № 4. С. 119–125. DOI: 10.52452/19931778-2023-4-119.
6. Балекина В. М. Соотношение административной ответственности за распространение заведомо недостоверной информации и правовых гарантий свободы слова и массовой информации // Административное и муниципальное право. 2021. № 6. С. 21–31.
7. Решение суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 2 августа 2021 г. по делу № 12-440/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 28 августа 2023 г. № 16-4830/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
9. О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 сентября 2018 г. № 32 (в ред. от 28 октября 2021 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 12.

10. Осинцев Д. В. Административная ответственность за дискредитацию деятельности органов государственной власти // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 4. С. 355–366.

Уголовно-правовая охрана морских участков Государственной границы Российской Федерации

Михайлов Александр Сергеевич, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье рассматривается применение норм главы 32 Уголовного кодекса Российской Федерации к морским участкам государственной границы. Автор исходит из того, что диспозиции ст. 322 и 323 УК РФ сконструированы под сухопутную модель границы и на воде дают сбои. Показано, что право мирного прохода делает сам факт пересечения линии границы на море уголовно нейтральным, вследствие чего разъяснение о моменте окончания преступления, данное Пленумом Верховного Суда РФ, нуждается в корректировке. Обосновывается уголовно-правовое значение требования о некорректируемой передаче судном сведений о своем местоположении, предлагаются критерии определения круга ответственных лиц, а также формулируются дополнения к ст. 322 и 323 УК РФ и к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 18.

Ключевые слова: Государственная граница, территориальное море, мирный проход, незаконное пересечение границы, прилегающая зона, пограничные знаки, безэкипажные аппараты, квалификация преступлений.

Морская составляющая государственной границы России долгие годы оставалась на периферии уголовно-правовых исследований, хотя по протяженности она превосходит сухопутную. Из более чем шестидесяти тысяч километров государственной границы страны около тридцати восьми тысяч приходится на морские участки [11]. Доктрина между тем выстраивалась вокруг сухопутной модели с ее пунктами пропуска и контрольно-следовой полосой. Диспозиция ст. 322 УК РФ сконструирована под ту же модель, и при попытке приложить ее к морю обнаруживается, что привычные конструкции начинают давать сбои. Предлагаемая работа посвящена разбору таких сбоев и поиску решений, которые не потребовали бы перекраивания всей главы 32 УК РФ.

Разговор уместно начать с того, что морской участок границы представляет собой юридически. По ст. 1 Закона РФ «О Государственной границе Российской Федерации» от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 граница есть линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющие пределы государственной территории [4]. На море такая линия совпадает с внешним пределом территориального моря, ширина которого по общему правилу равна двенадцати морским милям, отсчитываемым от исходных линий [5]. За ней располагается прилегающая зона, внешняя граница которой проходит в двадцати четырех милях от исходных линий, далее исключительная экономическая зона и континентальный шельф. Государственной территорией эти пространства уже не являются, а значит, и линия границы по ним не проходит. Разграничение кажется очевидным, однако в правоприменении оно смазывается с завидной регулярностью.

Принципиальное отличие морского рубежа от сухопутного заключается совсем в другом. Пересечение линии границы на море сплошь и рядом остается правомерным даже тогда, когда у пересекающего нет ни визы, ни разрешения пограничного органа. Право мирного прохода через территориальное море закреплено ст. 17 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. [1] и воспроизведено в отечественном законодательстве [5]. Иностранное судно вправе войти в территориальное море России и выйти из него, не обращаясь ни за каким разрешением, при условии, что проход не нарушает безопасности прибрежного государства. На сухопутном участке аналог подобного режима отсутствует полностью, там любое пересечение вне пункта пропуска требует специального разрешения.

Из сказанного вытекает вывод, который в литературе до сих пор не сформулирован достаточно определенно. Криминообразующим на морском участке выступает не сам факт пересечения линии, а нарушение установленного режима пребывания судна в водах России. Пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 18 в редакции от 23 декабря 2025 г. признает преступление оконченным с момента фактического пересечения границы независимо от места и способа ее пересечения [8]. Для суши разъяснение безупречно. На море оно вступает в противоречие с правом мирного прохода, поскольку буквальное прочтение позволяет считать оконченным преступлением вход любого судна в двенадцатимильную полосу, стоит только обнаружить на борту человека без действительных документов.

Обращает на себя внимание еще одно обстоятельство. Ни один из девятнадцати пунктов названного постановления не касается морских участков границы. Высшая

судебная инстанция подробно разбирает признаки действительных документов, момент окончания фиктивной постановки на учет, соотношение ст. 322 и 322.1 УК РФ, а специфика водных пространств не упоминается вовсе. Декабрьская редакция 2025 г. этот пробел не закрыла, хотя вносила в текст весьма существенные дополнения. Молчание высшей инстанции оставляет следователя и суд наедине с нормой, которая на море читается неоднозначно.

Одно из внесенных в 2025 г. дополнений заслуживает отдельного разбора. Абзац второй п. 4 постановления теперь относит к пересечению без надлежащего разрешения умышленное пересечение границы вне установленных международными договорами или решениями Правительства Российской Федерации путей и мест при отсутствии разрешения пограничного органа, причем даже тогда, когда у лица имеются действительные документы на въезд или выезд [8]. Указание на пути и места впервые дает опору для морских дел, ведь применительно к морю такие пути и места как раз установлены. Проблему мирного прохода дополнение, однако, не снимает, поскольку проход через территориальное море к числу нарушений режима не относится по определению.

Автор предлагает следующее решение. Незаконное пересечение государственной границы на море должно признаваться оконченным с момента захода судна во внутренние морские воды вне установленного пункта пропуска либо с момента высадки людей на берег, а при движении в обратном направлении — с момента выхода за внешний предел территориального моря вне установленных путей. Проход через территориальное море без захода во внутренние воды и без высадки состава преступления образовывать не должен, если только само судно не использовалось для доставки людей к берегу иными плавсредствами. Критерий этот привязан к режиму, а не к геометрии линии, и потому пригоден для морской специфики.

Отдельного анализа требует режим, введенный ст. 9.1 Закона о Государственной границе. Норма внесена в Закон Федеральным законом от 29 июля 2018 г. № 270-ФЗ. Она допускает неоднократное пересечение границы на море без прохождения пограничного, таможенного и иных видов контроля судами, убывающими из российских портов с последующим прибытием в российские порты без захода в воды иностранных государств [4]. Пункт 2 той же статьи обусловил такую льготу оснащением судна техническими средствами контроля, обеспечивающими постоянную автоматическую некорректируемую передачу сведений о его местоположении [4]. Порядок уведомления пограничных органов определен постановлением Правительства РФ от 28 марта 2019 г. № 341 [7]. Перечень случаев неоднократного пересечения продолжает расширяться, постановлением Правительства РФ от 23 июня 2026 г. № 780 он дополнен судами, доставляющими людей и грузы на искусственные острова, установки и сооружения в российском секторе Каспийского моря.

Признак некорректируемости принято рассматривать как чисто техническое требование, между тем он имеет

прямое уголовно-правовое значение. Михайлова Л. В., анализируя противодействие незаконному промыслу, обращает внимание на суда, «которые используют специальные программы, изменяющие показатели местонахождения судна» [10, с. 179]. Наблюдение сделано применительно к браконьерству, однако бьет оно точно в рассматриваемую проблему. Если судно идет в режиме ст. 9.1, но передаваемые им координаты искажены умышленно, условие, при котором закон освобождал от прохождения контроля, оказывается невыполненным. Разрешительное основание отпадает, а пересечение границы становится совершенным без надлежащего разрешения, то есть подпадает под ч. 1 ст. 322 УК РФ.

Разграничивать здесь придется по субъективной стороне. Умышленная подмена навигационных данных, отключение аппаратуры либо использование программ-имитаторов свидетельствуют о прямом умысле на уклонение от пограничного контроля, что дает основание для уголовной ответственности. Техническая неисправность средства контроля, о которой капитан незамедлительно сообщил пограничному органу, никакого умысла не образует и должна влечь ответственность по ст. 18.1 КоАП РФ, штрафы по которой с марта 2026 г.кратно повышены. Требование некорректируемости, закрепленное непосредственно в Законе о Государственной границе и детализированное подзаконными актами, приобретает таким путем значение элемента правомерного пересечения границы, а его умышленное преодоление переводит деяние в уголовную плоскость. В опубликованных работах подобная связь до сих пор не проводилась.

Следующий узел проблем связан с фигурой субъекта. Статья 322 УК РФ говорит о лице, пересекающем границу, тогда как на море границу физически пересекает судно с находящимися на борту людьми. Михайлова Л. В. напоминает, что любое судно в открытом море «подчиняется юрисдикции только того государства, под флагом которого оно ходит» [10, с. 177]. Принцип этот определяет режим за пределами территориального моря, а внутри двенадцатимильной полосы уступает юрисдикции прибрежного государства, и именно там встает вопрос о круге ответственных лиц. Отвечает ли капитан единолично либо вместе с ним вся находящаяся на борту команда?

Ответ, по мнению автора, должен строиться на сочетании двух признаков. Первый из них — фактический контроль над движением судна, вследствие чего капитан и лица, принимавшие решение о курсе, отвечают как исполнители. Второй признак — осведомленность о противоправном характере захода. Члены экипажа, выполнявшие обычные служебные обязанности и не посвященные в замысел, субъектами преступления быть не могут ввиду отсутствия прямого умысла, обязательность которого подтверждена п. 6 постановления Пленума № 18 [8]. Пассажиры отвечают самостоятельно лишь при доказанном знании о том, что судно направляется в Россию в обход пограничного контроля. Формулировка эта напрашивается для включения в разъяснения высшей инстанции.

Есть морской вариант и у такого сюжета, как разграбление ст. 322 УК РФ со ст. 283.2 УК РФ. Декабрьская редакция постановления Пленума прямо указала, что выезд из России гражданина, допущенного или ранее допускавшегося к государственной тайне, право которого на выезд заведомо для него ограничено, квалифицируется по ст. 283.2 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 322 УК РФ не требует [8]. Для морских дел разъяснение практически значимо, член экипажа судна заграничного плавания, ранее работавший с секретными сведениями, пересекает границу многократно и на законных основаниях, а ограничение его выездных прав действует независимо от того, идет ли речь о трапе самолета или о выходе судна из порта. Конкуренция норм разрешается в пользу специальной, и вменение ст. 322 УК РФ в подобных случаях избыточно.

Прилегающая зона в уголовно-правовых работах почти не обсуждается, хотя потенциал ее вполне заметен. Российская Федерация осуществляет в этой зоне контроль, необходимый для предотвращения нарушений иммиграционных правил, и вправе принимать меры для задержания виновных, включая преследование по горячим следам и осмотр иностранных судов-нарушителей [5]. Полномочия по своей природе превентивные, рассчитаны они на перехват судна до того, как оно достигнет линии границы. Уголовный закон эту логику не поддерживает.

Пробел выглядит следующим образом. Часть 1 ст. 322 УК РФ относится к преступлениям небольшой тяжести, а приготовление к таким деяниям ненаказуемо в силу ч. 2 ст. 30 УК РФ [3]. Судно с людьми, задержанное в прилегающей зоне до пересечения границы, формально не дает основания для уголовного преследования находящихся на борту. Организатор перевозки при этом отвечает по ст. 322.1 УК РФ, которая считается оконченной с момента создания условий для незаконного въезда независимо от того, состоялся въезд или нет [8]. Возникает асимметрия — организатор наказуем, а непосредственные участники остаются вне уголовной ответственности.

Расширять криминализацию ради устранения асимметрии автор бы не стал. Достаточно последовательно применять институт покушения, которое, в отличие от приготовления, наказуемо при любой категории преступления. Судно, следующее курсом на российский берег в обход пунктов пропуска и остановленное в прилегающей зоне, при доказанности умысла образует покушение на преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 322 УК РФ. Момент начала выполнения объективной стороны здесь связывается с началом движения к берегу вне установленных путей. Соответствующее разъяснение уместно включить в постановление Пленума № 18 отдельным пунктом.

Морская специфика затрагивает и организацию незаконной миграции. Пленум разъяснил, что действия организатора, который сам незаконно пересек границу, выступив, например, проводником, квалифицируются по совокупности ст. 322 и 322.1 УК РФ [8]. На суше проводник — фигура отдельная, ведущая группу через лес

или горный перевал. На море его функцию выполняет капитан либо судовладелец, лично управляющий плавсредством, и совокупность возникает практически всегда, коль скоро сам он тоже оказывается в российских водах. Правоприменителю остается установить, охватывалось ли умыслом капитана именно создание условий для незаконного въезда, а не разовая перевозка по чужой просьбе.

Смещение линии границы с внешним пределом исключительной экономической зоны образует, пожалуй, наиболее распространенную ошибку. Экономическая зона простирается до двухсот миль от исходных линий, однако государственной территорией не является, и никакой линии границы по ее внешнему пределу не проходит. Иностранное судно, ведущее незаконный промысел в двухстах милях от берега, границу России не пересекало и по ст. 322 УК РФ отвечать не может. Содеянное охватывается ст. 253 либо ст. 256 УК РФ в зависимости от предмета посягательства [3]. Совокупность со ст. 322 УК РФ возникает лишь тогда, когда судно заходило в территориальное море или во внутренние воды с нарушением режима.

Доказательственная сторона морских дел заслуживает хотя бы беглого упоминания. Контрольно-следовой полосы в море нет, свидетелей чаще всего тоже, а само место события через несколько часов ничем не отличается от соседних квадратов. Основную нагрузку принимают на себя данные технических средств контроля и записи автоматической идентификационной системы, дополняемые материалами отраслевого мониторинга. Опасность здесь состоит в том, что суд, лишенный привычных материальных следов, склонен придавать электронным данным значение, близкое к заранее установленному. Требование п. 16 постановления Пленума № 18 приводить в приговоре конкретные нарушенные пункты нормативных актов [8] служит хоть какой-то защитой от подобного соскальзывания, и на морских участках соблюдаться оно должно особенно строго.

Совершенно иначе выглядит на море картина применения ст. 323 УК РФ. Предметом этого преступления выступают пограничные знаки, то есть материальные сооружения, обозначающие линию границы на местности. Морская линия обозначается не столбами и пирамидами, а географическими координатами точек, перечень которых утверждается Правительством РФ и публикуется в «Извещениях мореплавателям» [5]. Физического предмета, который можно было бы установить, переместить или уничтожить, в открытых водах попросту нет. Норма, рассчитанная на материальный носитель, применительно к морскому участку зависает.

Догматическую сторону вопроса точно рассмотрела Григорова И.А.: в ст. 323 УК РФ деяние «связано не с фактическим изменением Государственной границы России, а, скорее, с техническим» [9, с. 118], и с такой оценкой трудно не согласиться. Замечание сделано в контексте отграничения от посягательств на территориальную целостность, но из него следует вывод, автором прямо не сделанный. Если законодатель охраняет техническое обозначение гра-

ницы, а на море подобное обозначение отсутствует, то морской участок остается вне охраны ст. 323 УК РФ вовсе. Пробел носит не редакционный, а системный характер.

Та же исследовательница отмечает отсутствие легального толкования понятий делимитации, демаркации и редемаркации, полагая, что «нормативное определение указанных понятий могло бы найти отражение» в Законе о Государственной границе [9, с. 124]. Предложение разумное, и его стоит продолжить применительно к морю. Для морских участков перечисленные процедуры имеют иное содержание, поскольку демаркация в привычном смысле там невозможна: линия существует в виде координат и картографического изображения, а не в виде ряда знаков на грунте. Закрепление морской специфики в тексте закона сняло бы часть трудностей и для уголовно-правовой квалификации.

Отсюда вытекает предложение, которое автор считает одним из основных результатов работы. Статью 323 УК РФ целесообразно дополнить второй формой деяния — внесением заведомо ложных сведений о прохождении Государственной границы в официальные картографические, навигационные или геодезические документы, а равно в электронные картографические системы, используемые для обеспечения судоходства. Противоправное изменение морской границы возможно только информационным путем, и именно эта форма сегодня уголовным законом не охвачена. Общественная опасность подобных действий сопоставима со сносом пограничного столба, а последствия могут оказаться и серьезнее, поскольку искаженные данные распространяются на неопределенный круг судов.

Технологический сюжет замыкает круг проблем. Безэкипажные катера и автономные подводные аппараты пересекают морскую границу без людей на борту, а оператор при этом физически остается за ее пределами. Статья 322 УК РФ здесь бессильна, так как требует пересечения границы лицом. Статья 322.1 УК РФ также неприменима, поскольку рассчитана на иностранных граждан и лиц без гражданства. Возникает вакуум, закрываемый сегодня лишь частично нормами о контрабанде, да и то при наличии перемещаемого предмета соответствующей категории. Разумным видится дополнение ст. 322 УК РФ самостоятельной частью об использовании дистанционно управляемых либо автономных надводных или подводных аппаратов для перемещения через Государственную границу людей или предметов в обход пограничного контроля.

Не всякий заход в российские воды без разрешения заслуживает при этом уголовной оценки. Закон подробно описывает вынужденный заход, вызванный чрезвычайными обстоятельствами вроде аварии или сильного шторма [5]. Правовая природа такого захода совпа-

дает с крайней необходимостью, урегулированной ст. 39 УК РФ, однако прямой отсылки уголовный закон не содержит, а Пленум вопрос не разъясняет. С учетом обязанности оказывать помощь терпящим бедствие на море, закрепленной ст. 98 Конвенции 1982 г. [1], пробел выглядит досадным. Пункт о вынужденном заходе как обстоятельстве, исключающем преступность деяния, напрашивается в тот же перечень предлагаемых разъяснений.

Примечание к ст. 322 УК РФ выводит из-под действия статьи прибытие иностранных граждан и лиц без гражданства для использования права политического убежища [3]. На море оговорка приобретает особую остроту, ведь спасенные в результате морской операции люди нередко заявляют о преследовании уже после доставки на берег. Формулировка примечания охватывает лишь политическое убежище, порядок предоставления которого определен Указом Президента РФ от 21 июля 1997 г. № 746 [6], тогда как ст. 31 Конвенции о статусе беженцев 1951 г. запрещает наказывать за незаконный въезд более широкий круг лиц [2]. Приведение примечания в соответствие с международным обязательством было бы уместным шагом.

Остается подвести итоги. Уголовно-правовая охрана морских участков Государственной границы страдает от того, что нормы главы 32 УК РФ писались под сухопутную модель и на воде работают с искажениями. Право мирного прохода делает сам факт пересечения линии уголовно нейтральным, поэтому момент окончания преступления следует связывать с заходом во внутренние морские воды вне пункта пропуска либо с высадкой людей на берег. Режим неоднократного пересечения, предусмотренный ст. 9.1 Закона о Государственной границе, содержит скрытое уголовно-правовое условие. Умышленное искажение передаваемых судном координат лишает пересечение разрешительного основания и переводит его в разряд совершенных без надлежащего разрешения.

Круг ответственных лиц на морском участке предлагается определять через фактический контроль над движением судна и осведомленность о противоправности захода. Прилежащая зона при доказанном умысле дает основание для квалификации содеянного как покушения, что устраняет асимметрию между ответственностью организатора и участников перевозки. Статья 323 УК РФ применительно к морю нуждается в дополнении информационной формой деяния, а ст. 322 УК РФ — нормой об использовании безэкипажных и автономных аппаратов. Перечисленные соображения удобнее всего реализовать через дополнение постановления Пленума Верховного Суда РФ № 18 самостоятельным разделом о морских участках, а изменения в текст Уголовного кодекса вносить уже после того, как практика проверит предложенные критерии.

Литература:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (заключена в г. Монтего-Бее 10 декабря 1982 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 48. — Ст. 5493.

2. Конвенция о статусе беженцев (заключена в г. Женеве 28 июля 1951 г.) // Бюллетень международных договоров. — 1993. — № 9. — С. 6–28.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 4 августа 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
4. О Государственной границе Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-I (в ред. от 25 мая 2026 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1993. — № 17. — Ст. 594.
5. О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3833.
6. Об утверждении Положения о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища: Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 1997 г. № 746. (в ред. от 19 декабря 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 30. — Ст. 3601.
7. Об особенностях пересечения российскими и иностранными судами государственной границы Российской Федерации на море: постановление Правительства Российской Федерации от 28 марта 2019 г. № 341. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 18 (в ред. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2025 г. № 43). — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Григорова, И. А. Уголовно-правовая охрана территориальной целостности Российской Федерации / И. А. Григорова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2022. — № 2 (94). — С. 114–128.
10. Михайлова, Л. В. Правовое регулирование деятельности оперативных подразделений правоохранительных органов в морских пространствах / Л. В. Михайлова // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16, № 4 (125). — С. 174–183.
11. Пограничная служба ФСБ России: официальный сайт. — URL: <http://ps.fsb.ru> (дата обращения: 13.08.2026).

Унификация правовых оснований применения огнестрельного оружия сотрудниками силовых ведомств как направление совершенствования законодательства

Михеев Артём Алексеевич, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье сопоставляются основания применения огнестрельного оружия, установленные федеральными законами для сотрудников полиции, войск национальной гвардии, уголовно-исполнительной системы и органов принудительного исполнения, и оценивается их согласованность с уголовным законом. Показано, что ведомственные перечни оснований и запретов расходятся по ключевым позициям при единых уголовно-правовых пределах причинения вреда. Обоснованы предложения об унификации оснований по критериям статей 37 и 38 Уголовного кодекса Российской Федерации и о дополнении главы 8 кодекса статьями 39.1.

Ключевые слова: огнестрельное оружие, полиция, войска национальной гвардии, унификация законодательства, необходимая оборона, обстоятельства, исключющие преступность деяния.

Применение огнестрельного оружия остается самой жесткой мерой государственного принуждения. Цена ошибки высока для обеих сторон: неправомерный выстрел способен лишить человека жизни, а сотрудника — свободы, поскольку содеянное квалифицируется по части 3 статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации как тяжкое преступление [1]. Единого акта об основаниях применения оружия в России нет, каждое ведомство подчиняется собственному закону, и содержание этих законов заметно различается.

Поправки вносятся в каждый закон по отдельности. За последние три года появились однотипные нормы о противодействии беспилотным аппаратам, а с 28 января 2026 года действует обновленная редакция правил для уголовно-исполнительной системы. Цель статьи — показать масштаб расхождений и обосновать необходимость их унификации.

Основания применения оружия полицией закреплены в главе 5 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [6], военнослужащими и сотрудниками войск национальной гвардии — в статье 21 Федераль-

ного закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [7]. Для уголовно-исполнительной системы действуют статьи 28.1–31.4 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» [2], для судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов — статьи 15–18 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» [5]. Свои нормы имеют органы федеральной службы безопасности (статья 14.3

Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности») [3] и органы государственной охраны (статьи 24 и 27 Федерального закона от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране») [4].

По наблюдению А. В. Никуленко, законодательство силовых ведомств существенно различается в части средств ограничения прав и свобод, из-за чего «в одних и тех же ситуациях представители, например, ФСБ России, полиции и Росгвардии имеют разные основания для применения оружия» [12, с. 325]. Сопоставление действующих редакций это подтверждает (таблица 1).

Таблица 1. Основания и пределы применения огнестрельного оружия по ведомственным законам

Критерий	Полиция	Войска национальной гвардии	Уголовно-исполнительная система	Органы принудительного исполнения
Защита человека от посягательства	при насилии, опасном для жизни или здоровья	защита граждан и должностных лиц; указания на опасность насилия нет	при насилии, опасном для жизни или здоровья	при насилии, опасном для жизни или здоровья
Задержание застигнутого при преступлении	тяжкое / особо тяжкое против жизни, здоровья или собственности; попытка скрыться	те же деяния; попытка скрыться либо вооруженное сопротивление	только осужденные и заключенные; любое преступление против жизни и здоровья	как у полиции
Освобождение заложников	предусмотрено	предусмотрено, плюс пресечение террористических и иных преступных посягательств	освобождение удерживаемых лиц и объектов по решению начальника органа	основания нет
Остановка транспортного средства	неоднократные требования; попытка скрыться с угрозой жизни и здоровью	достаточно отказа водителя остановиться	только транспорт, на котором совершается побег	основания нет
Запреты по кругу лиц	женщины; лица с признаками инвалидности; несовершеннолетние	женщины с признаками беременности; лица с признаками инвалидности; малолетние	женщины с признаками беременности; лица с признаками инвалидности; несовершеннолетние	как у полиции
Значительное скопление людей	применение запрещено	запрещено, кроме пресечения теракта, освобождения заложников, защиты охраняемых объектов	применение запрещено	применение запрещено

Защита человека от нападения регулируется по-разному. Полицейский вправе стрелять, только когда посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни или здоровья (пункт 1 части 1 статьи 23) [6]. Военнослужащему войск национальной гвардии после поправок 2023 года достаточно самого факта посягательства на гражданина либо должностное лицо, характеристика насилия из пункта 1 части 1 статьи 21 исключена [7].

Похожая картина с остановкой транспорта. Полицейский обязан предъявить неоднократные требования об остановке и убедиться, что водитель, пытаясь скрыться,

создает угрозу жизни и здоровью граждан [6]. Военнослужащему войск национальной гвардии для повреждения машины хватает отказа водителя подчиниться [7], в уголовно-исполнительной системе стрелять по транспорту допустимо лишь при побеге [2]. Судебному приставу подобных оснований закон не дает [5].

Расходятся и запреты по кругу лиц. Федеральный закон «О полиции» ограждает от выстрела на поражение любую женщину, Федеральный закон «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» — только женщину с видимыми признаками беременности. Не-

совершеннолетний защищен полицейской нормой до семнадцати лет, а у войск национальной гвардии — лишь пока остается малолетним [6; 7]. При значительном скоплении людей полицейскому применять оружие запрещено без изъятий, тогда как военнослужащий вправе стрелять в такой обстановке, в частности, ради пресечения террористического акта [7]. Интенсивность защиты третьих лиц зависит, выходит, от шеврона стреляющего, что сомнительно с позиций принципа равенства.

За пределами четырех рассмотренных законов картина не лучше, военнослужащие Главного управления специальных программ Президента Российской Федерации при охране специальных объектов лишены права применить оружие для освобождения заложников, зато, как отмечают В. А. Гусев, В. И. Сургутсков и О. Ю. Филиппов, «имеют существенный приоритет в правах на применение полицейской силы» перед полицейскими по кругу лиц, в отношении которых допустим выстрел [11, с. 171–172].

Пестрота перечней была бы терпимой, будь ведомственной и уголовно-правовая оценка причиненного вреда. Уголовный кодекс Российской Федерации, однако, един. Условия правомерности необходимой обороны и причинения вреда при задержании (статьи 37 и 38) не зависят от места службы обороняющегося [1]. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 28 постановления от 27 сентября 2012 г. № 19, действующего в редакции от 9 декабря 2025 г., связал освобождение сотрудников от ответственности с соблюдением оснований и порядка применения оружия, предусмотренных специальным законодательством [10]. Правомерность выстрела тем самым производна от ведомственного закона, а эти законы между собой не согласованы.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 к превышению полномочий отнесено совершение действий, допустимых только при особых обстоятельствах, указанных в законе, — например, применение оружия против несовершеннолетнего, не создававшего реальной опасности [9]. Нарушение ведомственного перечня, стало быть, чревато обвинением по части 3 статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации даже при безупречной с позиций статьи 37 обороне. Согласно опросу А. В. Никуленко и М. А. Смирнова (154 сотрудника полиции и 128 сотрудников войск национальной гвардии), 61 % респондентов полагают, что соблюдение «специального законодательства» делает правомерным любой причиненный вред, и лишь 33 % связывают пределы допустимого со статьей 37 Уголовного кодекса Российской Федерации [13, с. 5]. Единого понимания соотношения этих массивов у практиков нет.

Накопленные расхождения выглядят не осмысленным выбором законодателя, а следом разновременных ведомственных инициатив, и устранять их логично системной унификацией.

Отправным шагом видится приведение материальных оснований применения оружия во всех ведом-

ственных законах к критериям статей 37 и 38 Уголовного кодекса Российской Федерации. «Защитное» основание должно охватывать посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни или здоровья, либо с непосредственной угрозой его применения, а условия задержания вместо привязки к попытке скрыться — опираться на невозможность задержать лицо иными средствами. Детальная регламентация процедуры при этом сохраняется, алгоритм в стрессовой ситуации необходим.

Единого подхода требует и стандарт ограничений, разницу между запретом стрелять в «женщину», «женщину с видимыми признаками беременности», «несовершеннолетнего» и «малолетнего» невозможно объяснить служебной спецификой. Ориентиром способна служить полицейская модель как наиболее сбалансированная.

Приведения к единому знаменателю ждут и нормы об освобождении от ответственности за причиненный вред. Образцом является часть 9 статьи 18 Федерального закона «О полиции», связывающая освобождение с соблюдением оснований и порядка, установленных актами уровня федерального закона [6]. Часть 3 статьи 24 Федерального закона «О государственной охране» до сих пор отсылает еще и к «иным нормативным правовым актам Российской Федерации» [4], то есть ставит условия уголовной ответственности в зависимости от подзаконных предписаний вопреки части 1 статьи 1 и части 1 статьи 3 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Одним из возможных решений видится закрепление связи двух массивов непосредственно в Уголовном кодексе Российской Федерации — дополнение главы 8 статьей 39.1 следующего содержания: не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, уполномоченным федеральным законом на применение физической силы, специальных средств или оружия, если оно действовало в соответствии с установленными федеральным законом основаниями и порядком, а равно если при отступлении от установленного порядка промедление в применении указанных мер создавало непосредственную опасность для жизни людей либо угрозу наступления иных тяжких последствий. Норма переносит на уровень закона правило, выработанное практикой, и защищает сотрудника, вынужденного отступить от процедуры ради спасения жизни.

Реализовать унификацию можно рамочным законом об основах применения мер принуждения либо синхронными поправками в ведомственные акты. Второй путь законодателю знаком: Федеральным законом от 4 августа 2023 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» основание о беспилотных аппаратах включено сразу в несколько законов в почти совпадающих редакциях [8], а поправки 2024 года сблизили «защитное» основание у судебных приставов с полицейской формулой [5].

Действующее регулирование фрагментировано без держательных причин, одинаковая ситуация получает

разное правовое разрешение в зависимости от ведомства. Унификация материальных оснований по критериям статей 37 и 38 Уголовного кодекса Российской Федерации вместе с дополнением его главы 8 специальным обстоя-

тельством, исключающим преступность деяния, способна снять накопившиеся противоречия, защитив сотрудника от необоснованного обвинения, а гражданина — от неправомерного выстрела.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. — 19.08.1993. — № 33. — Ст. 1316.
3. О федеральной службе безопасности: Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 10.04.1995. — № 15. — Ст. 1269.
4. О государственной охране: Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 27.05.1996. — № 22. — Ст. 2594.
5. Об органах принудительного исполнения Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 28.07.1997. — № 30. — Ст. 3590.
6. О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 14.02.2011. — № 7. — Ст. 900.
7. О войсках национальной гвардии Российской Федерации: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 04.07.2016. — № 27. — Ст. 4159.
8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 440-ФЗ. // Собрание законодательства РФ. — 07.08.2023. — № 32. — Ст. 6172.
9. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 — Российская газета. — 30.10.2009. — № 207.
10. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 (в ред. от 9 декабря 2025 г.). — Российская газета. — 03.10.2012. — № 227.
11. Гусев В. А. Правовое регулирование применения полицейской силы военнослужащими Главного управления специальных программ Российской Федерации: существующий подход и его усовершенствование / В. А. Гусев, В. И. Сургутсков, О. Ю. Филиппов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2023. — № 4 (53). — С. 166–173.
12. Никуленко А. В. Полицейская девиантность: причины и возможности преодоления / А. В. Никуленко // Российский девиантологический журнал. — 2022. — Т. 2, № 3. — С. 325–331.
13. Никуленко А. В. Имеются ли пределы допустимого причинения вреда в деятельности сотрудников полиции и Росгвардии / А. В. Никуленко, М. А. Смирнов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. — 2023. — № 3. — С. 4–12.

Представительство в арбитражном суде: актуальные проблемы и пути совершенствования

Мокин Дмитрий Яковлевич, студент магистратуры
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты правового института представительства в арбитражном судопроизводстве Российской Федерации, исследуются виды представительства, права и обязанности представителей, проблемы, возникающие во время представления интересов участников процесса, а также актуальные вопросы определения размера, распределения и доказывания судебных издержек, понесённых участниками процесса, на оплату услуг представителя. Подробно анализируются методы расчета гонорара представителя. Рассматриваются пробелы в законодательном регулировании и предлагаются меры по изменению в целях совершенствования норм арбитражного процессуального права.

Ключевые слова: представительство, арбитражный суд, арбитражный процесс, представитель, полномочия, доверенность, судебные издержки, гонорар, риски неоплаты.

Представительство в арбитражном суде — один из ведущих институтов арбитражного процессуального права, обеспечивающий права участников на справедливое и полное судебное разбирательство в соответствии действующему законодательству и надлежащую защиту интересов сторон — участников процесса [1]. Рост как предпринимательской активности, так и иных субъектов экономической деятельности, а также усложнение экономических отношений, обусловленных разнообразием видов взаимодействия субъектов, многократно увеличивают потребность в квалифицированной юридической помощи при подготовке и рассмотрении дел в арбитражном суде. От качества представительства зависят многие факторы: своевременность совершения процессуальных действий, выстраивание поведенческой линии участников процесса, правильность составления документов в соответствии с требованиями действующему законодательству, полнота и правильность представления документов и иных доказательств, доказывающих обоснованность позиций участников арбитражного процесса [3].

Достойное, квалифицированное и как результат эффективное представительство интересов доверителей в арбитражном процессе определяется наличием у представителя необходимых полномочий, что обуславливает его возможности правильно и своевременно реагировать на требования суда и на реакционные действия второй стороны процесса. Даёт возможность надлежащим образом оформлять необходимые процессуальные документы и обеспечивать защиту интересов доверителя на каждой стадии, как на стадии подготовки к рассмотрению дела в арбитражном процессе, так и во время самого разбирательства. Также предоставляет возможное участие представителя на этапе исполнительного производства, возбужденного в отношении доверителя представителя. Усиление контроля со стороны судебных инстанций за правильностью и полнотой оформления полномочий представителя, достоверностью документов, определяющих полноту полномочий представителя, исключает возможность двоякого понимания сути формулировок, указанных в доверенности, что предопределяет строгое соответствие действий представителя объёму предоставленных ему полномочий [2].

Представительство в арбитражном процессе регулируется Арбитражным процессуальным кодексом РФ, Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подзаконными нормативными актами и разъяснениями высших судебных инстанций [1]. В арбитражном процессе представителями имеют право выступать адвокаты, лица с высшим юридическим образованием, действующие, как правило, на основании доверенности, а также иные лица, которым закон предоставляет такое право [4].

Права и обязанности представителя зависят от его статуса и объёма полномочий, указанных в доверенности. Из точного толкования текста доверенности должно быть однозначно понятно, какие действия представитель вправе совершать. Также должно чётко определяться какие процессуальные действия, требующие специальных полномочий, имеет право совершать представитель, и каковы пределы его компетенции на каждой стадии процесса [5].

Одна из ключевых проблем — полное и правильное определение и указание доверителем полномочий представителя. В судебной практике просматривается, что из-за неясных формулировок, указанных в доверенности, суды могут отказать представителю в совершении процессуальных действий. Например, неопределённое указание на «ведение дел во всех судебных инстанциях» без перечисления конкретных названий. Поводом к отказу представителю в совершении процессуальных действий может послужить несоответствие объёма предоставленных полномочий действиям, которые представитель совершил или намеревался совершить. Недостаточное разграничение общих и специальных полномочий, наличие сомнений в подлинности или достоверности доверенности, а также отсутствие документов, подтверждающих право и компетентность представителя на совершение отдельных действий в узконаправленных процессах — это всё может послужить достаточным поводом к отказу судами в участии представителя в процессе. [3].

Такие полномочия представителя, как признание иска, заключение мирового соглашения и передачу спора на рассмотрение третейского суда АПК РФ относит к действиям, для совершения которых представителю необходимо специальное полномочие. В случае отсутствия в тексте доверенности данных полномочий, суд может счесть, что представитель выходит за рамки своих полномочий. В данной ситуации судом может быть принято решение об отказе в принятии к рассмотрению произведённых действий представителем, либо данные действия не будут приняты судом во внимание при рассмотрении спора в судебном процессе. Как следствие, рассмотрение дела будет произведено без всестороннего, объективного анализа предоставленных доказательств и документов. Не будут приняты ходатайства представителя о проведении каких — либо действий, заявленных представителем в интересах защиты нарушенных прав доверителя. В итоге сам ход рассмотрения дела и мотивировочная часть судебных актов и как следствие вынесенное решение суда, может быть не в пользу доверителя [1]. Точные указания в доверенности на круг полномочий представителя в доверенности позволяют представителю беспрепятственно совершать разрешенные процессуальные действия на любой из стадий арбитражного процесса и за его пределами в интересах доверителя.

Необходимо, чтобы содержание доверенности точно отражало круг полномочий представителя и его действия на всех этапах разбирательства чётко соответствовали производимым действиям: подачей ходатайств, заявлений, подписанием документов и совершением иных действий. Доверителю, необходимо точно определить полноту и границы полномочий представителя, чётко сформулировать их и отразить в доверенности. Также доверителю в его интересах надлежит контролировать полноту применения и использования представителем предоставленных полномочий при осуществлении действий при оказании услуг по представительству [14].

При определении размера вознаграждения за оказание услуг по представительству используются различные методики расчёта суммы оплаты услуг (гонорара). Сумма вознаграждения и методика его расчёта должны быть оговорены в условиях соглашения или договора, заключаемом между доверителем и представителем.

Методики расчёта гонорара:

- Почасовая. Сумма рассчитывается учитывая следующие составляющие: время, затраченное на подготовку документов, сбор и анализ доказательств, консультирование доверителя о перспективах дела, избрание и утверждение поведенческой линии на различных стадиях процесса, непосредственное участие представителя в судебных заседаниях. Данный метод учитывает фактический объём работы представителя и позволяет в лёгкой форме рассчитывать и контролировать обеим сторонам размер оплаты. Сложность метода в том, что требуется точный учёт затраченного времени и оформление актов или отчётов, подтверждающих исполнение представителем и принятие доверителем выполненной работы [12].

- Фиксированный гонорар (Паушальная модель) Сумма оплаты устанавливается за весь согласованный в договоре объём услуг, куда могут быть включены такие виды работ, как: подготовка искового заявления, составления отзывов и возражений, а также участие в судебных заседаниях до вынесения решения судом. Данная методика расчёта позволяет доверителю заранее планировать расходы на оплату услуг представителя и упрощает расчёт размера вознаграждения. При применении данной методики расчёта суммы вознаграждения возможен риск возникновения разногласий между доверителем и представителем в случае изменения объёма работ. С целью исключения возможности возникновения подобной ситуации в договоре следует зафиксировать, какие этапы оказания услуги входят в состав суммы вознаграждения (гонорара) [11].

- Смешанная модель расчёта вознаграждения. Включает в себя фиксированную и переменную части вознаграждения. Изначально устанавливается фиксированная часть. Переменная часть оговаривается с доверителем на этапе заключения договора, которая может зависеть от дополнительной нагрузки за отдельные этапы работы или от достижения определённого согласованного результата. Например, за выработку правовой позиции, обжа-

лования решения или заключения мирового соглашения. Применение данной методики позволяет соблюсти равновесие интересов сторон в случае изменения объёма работ по оказанию услуг представителем, но может привести к разногласиям, в случае если критерии оценки результата объёма трудозатрат для его достижения сформулированы недостаточно чётко [12].

- Методика с оплатой «За успех» (success fee или contingency). По договорённости между доверителем и представителем устанавливается переменный размер вознаграждения в зависимости от вынесенного решения суда по рассматриваемому делу или зависит от размера взысканной суммы. На практике условия такой модели оплаты важно формулировать особенно тщательно, чтобы избежать споров о характере обязательств и исключить возможность двоякого толкования условий о достижении результата [8].

- Методика при оплате по прайс — листу. Размер вознаграждения устанавливается за конкретные действия по оказанию юридических услуг: подготовку процессуальных документов, участие в судебном заседании, составление апелляционной или кассационной жалобы, составление и согласование мирового соглашения и иные возможные действия [11].

- При корпоративном формате сотрудничества — по внутригрупповому договору или договору абонентского сопровождения — постоянный клиент вносит абонентскую плату за регулярное необходимое оказание юридических услуг. При наличии намерения у доверителя взыскать данные расходы в судебном порядке, должна присутствовать возможность подтверждения понесённых расходов на оплату услуг представителя в связи с рассмотрением данного конкретного дела [7, 12].

Практическое применение любой из приведённых методик расчёта суммы оплаты услуг заключается в том, что они позволяют с высокой долей вероятности подтвердить в суде размер фактически понесённых расходов на оказание юридических услуг и увеличивают шансы взыскать судебные издержки с другой стороны в порядке, предусмотренном АПК РФ [7, 10].

Одним из наиболее сложных и спорных вопросов остаётся оценка судом разумности и достаточности суммы расходов на оплату услуг представителя, заявленных к взысканию стороной, в пользу которой принят судебный акт. При рассмотрении требования о взыскании расходов на оплату услуг представителя, суды стараются учитывать соразмерность заявленных стороной процесса расходов объёму оказанных услуг и сложности дела. Принимают во внимание документальные доказательства, подтверждающие несения затрат в связи с рассмотрением конкретного спора, а также фактический объём участия представителя в процессе по данному спору [9].

В судебной практике при определении разумности и достаточности величины издержек стороны процесса судами применяются различные подходы и различные оценки значимости доказательств в виду отсутствия единой методики по данному вопросу. Одни суды отдают

приоритет предоставленным документам, другие выше оценивают сложность и продолжительность разбирательства. В итоге даже согласованный сторонами рыночный размер вознаграждения может быть снижен судом исходя из собственной оценки, что приводит к частичному возмещению понесённых доверителем расходов, несмотря на надлежащее исполнение договора [10]. В случае если договор, либо соглашение и документы, подтверждающие фактическое оказание услуг, не раскрывают их содержания — например, не отражают полного перечня выполняемого объёма и этапов работ, сведений об оплате их результатов и участии представителя в конкретных судебных заседаниях, — суд может признать расходы завышенными или недоказанными.

Из-за отсутствия чётких критериев для оценки сложности дела, данная составляющая зависит от усмотрения суда. Дело может быть признано простым, вне зависимости от значительного объёма составленных представителем документов или может быть рассмотрено, как сложное из-за высокой процессуальной активности сторон, либо длительности судебного разбирательства по делу. Сложности возникают в судах при определении принадлежности части расходов к конкретному делу при абонентском сопровождении и оказании услуг по смешанным договорам. При этом увеличивается риск отказа во взыскании издержек. Кроме того, различные судебные составы могут по-разному подходить к снижению расходов и определению их достаточности и пределов, поэтому любой стороне процесса сложно заранее оценить сумму, которая может быть взыскана судом в виде судебных издержек на оплату услуг представителя.

Для снижения возможного риска уменьшения судом понесённых расходов, подлежащих взысканию, следует кропотливо собирать доказательства объёма оказанных услуг и их стоимости. На этапе заключения договора на оказание услуг по представительству в нём необходимо подробно описать предмет спора, по которому планируется оказание услуг, их объём и этапы, которые подлежат оплате. В актах и отчётах необходимо чётко отражать выполненные представителем этапы, их результаты и факты принятия данных работ доверителем. Непосредственное участие представителя в заседаниях и подготовку конкретных процессуальных документов лучше подтверждать отдельно. Это уменьшит возможный риск снижения судом размера расходов, понесённых доверителем на оплату услуг по представительству. При применении почасовой или смешанной модели оплаты услуг представителя необходимо представлять расчёты за каждый временной промежуток (месяц, квартал, год) или заранее оговоренный этап работы [11].

Один из ключевых рисков, который может возникнуть как в ходе оказания услуг, так и после завершения дела — неоплата доверителем услуг представителя. Даже в случае если суд взыщет в полном объёме расходы на представителя с проигравшей стороны, это не гарантирует, что представитель получит деньги за оказанные услуги. Оплата услуг по

представительству — это добрая воля доверителя и никак не связана с фактическим взысканием присужденной судом задолженности со второй стороны процесса. Кроме вышеизложенного, возможны ещё два сценария развития ситуации в арбитражном процессе, где принимает участие представитель. Первый — в результате оказанных представителем услуг по представительству процесс выигран, но взыскать присужденные судом средства с проигравшей стороны не представляется возможным, в виду отсутствия таковых. Второй — если в результате работы представителя процесс всё же не удалось выиграть. В любом случае оплата услуг представителя подлежит оплате, что необходимо заранее оговорить при заключении договора между представителем и доверителем. В любом случае доверитель может попросту не перечислить поручителю полученные средства, то есть не заплатить за оказанные услуги. В данном случае представитель будет вынужден обращаться в суд за защитой собственных интересов с отдельным гражданским иском к доверителю, о взыскании оплаты за оказанные услуги. Данная ситуация влечёт дополнительные временные и материальные расходы со стороны представителя. При этом велика вероятность того, что при получении оплаты, присуждённой судом при благоприятном исходе дела, неустойка, судебные издержки и проценты суд может взыскать не в полном объёме.

Недостаточное и некорректное документальное оформление оказанных услуг — отсутствие актов, отчётов и иных подтверждений — позволяет доверителю оспаривать как саму обязанность по оплате, так и её размер, ссылаясь на то, что услуги фактически не были оказаны, либо оказаны в меньшем объёме, чем предполагалось. Также факт оказания услуг по представительству может быть оспорен при ненадлежащем оформлении документов за оказание услуг. Если договор не определяет объём работ, этапы их выполнения, критерии приёмки и оценки, стоимость каждого этапа услуг, сторонам сложно установить, исполнен ли он надлежащим образом. Также сложно установить факт надлежащего исполнения условий договора судом, в случае если разногласия между доверителем и поручителем приведут к судебному разбирательству. При условии полной постоплаты услуг, представитель, фактически, финансирует работу за свой счёт, что увеличивает риск финансовых потерь. Таким образом, без регулярного и чёткого оформления актов и отчётов, подтверждающих оказание услуги, доверитель имеет возможность затягивать расчёт, объясняя это необходимостью согласовать объём выполненных работ [11]. Резюмируя вышеизложенное, очевидно, что на этапе заключения договора между представителем и доверителем, необходимо очень кропотливо подходить к каждому пункту договора, с целью исключения возможности доверителем отказать в оплате оказанных представителем услуг.

Помимо прямых финансовых потерь, неоплата услуг может задержать работу представителя по оказанию юридических услуг, нарушить регулярность документооборота и привести к дополнительным затратам на претен-

зионную и судебную работу. Снизить названные риски может помочь:

- поэтапная оплата — аванс, промежуточные платежи и окончательный расчёт;
- подробное описание услуг и ожидаемых результатов каждого этапа;
- регулярное оформление актов, отчётов и перечней подготовленных документов;
- закрепление в договоре порядка приёмки услуг, сроков оплаты, неустойки и процентов за просрочку проведения оплаты услуг представителю.
- — сохранение документальных подтверждений выполненной работы и участия в процессе (протоколы судебных заседаний, копии поданных документов, подтверждения их отправки и другие материалы) [7, 12].

Выводы

Для повышения эффективности представительства и снижения риска неприятия во внимание судами дей-

ствий, совершаемых представителем, целесообразно уточнить требования к содержанию доверенностей. Соблюдать точность при указании общих и специальных полномочий представителя [13].

Для снижения неопределённости при оценке судебных издержек необходимо выработать единую методику подтверждения размера фактически понесённых расходов. Оценивать их в непосредственной связи с рассмотрением конкретного дела. Учитывать трудозатраты представителя при выполнении всех этапов и корректность оформления отчётов и актов.

Необходимо усилить защиту представителей от риска неоплаты оказанных услуг. Для этого сформировать судебную практику по взысканию задолженности с недобросовестных доверителей при надлежащем документальном подтверждении оказанных услуг [10].

Целесообразно усилить ответственность представителя за ненадлежащее ведение дела, согласовав дисциплинарные и гражданско-правовые меры реагирования на допущенные нарушения [13, 14].

Литература:

1. Российская Федерация. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.
2. Российская Федерация. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 23. — Ст. 2102.
3. Коршунов, Н. М. Представительство в арбитражном процессе: теория и практика / Н. М. Коршунов // Журнал российского права. — 2021. — № 4. — С. 89–103.
4. Викторова, И. Л. Правовой статус представителя в арбитражном суде / И. Л. Викторова // Вестник Московского государственного университета. Серия 11: Право. — 2020. — № 6. — С. 124–141.
5. Петровский, В. А. Полномочия представителя в арбитражном судопроизводстве / В. А. Петровский // Законодательство и экономика. — 2021. — № 3. — С. 56–72.
6. Сафина, Т. Р. Проблемы защиты прав и интересов сторон при ненадлежащем представлении их интересов в суде / Т. Р. Сафина // Российский журнал правовых исследований. — 2020. — № 2. — С. 178–195.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении судебных расходов...».
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I ГК РФ...».
9. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.08.2004 № 82 «О некоторых вопросах практики применения АПК РФ».
10. Кузнецов А. А. Судебные расходы в арбитражном процессе: разумность и пределы взыскания / А. А. Кузнецов // Арбитражная практика. — 2022. — № 6. — С. 12–20.
11. Иванова Е. В. Договор возмездного оказания услуг и порядок приёмки работ (оказания услуг) / Е. В. Иванова // Хозяйство и право. — 2019. — № 10. — С. 45–57.
12. Соловьев С. Л. Судебная оценка расходов на представителя: критерии доказанности и относимости / С. Л. Соловьев // Вестник арбитражной практики. — 2021. — № 4. — С. 33–41.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 «О некоторых вопросах применения судами законодательства при рассмотрении дел в арбитражном суде».
14. Белов В. А. Представительство в арбитражном процессе: полномочия, доверенность, последствия превышения / В. А. Белов // Российский юридический журнал. — 2020. — № 2. — С. 90–106.

Сущность и проблемы предварительного исследования материальных следов на месте дорожно-транспортного происшествия

Монгуш Чаяна Родамировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ефремов Дмитрий Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье раскрывается сущность предварительного исследования материальных следов на месте дорожно-транспортного происшествия и показано, что место проведения такого исследования его правовую природу не определяет. Рассмотрены четыре проблемы: отсутствие регламентации в уголовно-процессуальном законе, несогласованность ведомственного регулирования, неопределенность круга субъектов и формы закрепления результата. Внесены предложения по дополнению ведомственного регулирования.

Ключевые слова: предварительное исследование, материальные следы, дорожно-транспортное происшествие, специальные знания, специалист, осмотр места происшествия, справка специалиста.

Дорожно-транспортные происшествия остаются одной из основных причин гибели людей: по данным Госавтоинспекции, в 2025 г. в России зарегистрировано 128 793 происшествия с пострадавшими, в которых погибли 13 943 человека [1]. Место такого происшествия отличается от большинства других скоростью, с которой разрушается следовая картина: движение транспорта по соседним полосам, осадки, работа медиков и спасателей, эвакуация поврежденных машин меняют обстановку уже в первые часы. По материалам уголовных дел, изученных Т. А. Моховой, обстановка места происшествия в 89 % случаев значительно отличалась от той, в которой развивалось преступное событие, в 27 % дел виновный устранял следы, в 18 % скрывался с места [2, с. 16].

Судебная экспертиза задачу первых часов не решает: она требует вынесения постановления, направления объектов эксперту и времени на производство, тогда как сведения о скрывшемся автомобиле нужны немедленно. Эту потребность закрывает предварительное исследование материальных следов. Его положение остается неопределенным: уголовно-процессуальный закон такой деятельности не регулирует, регламентация сосредоточена в ведомственных актах МВД России, а в науке нет согласия ни в понятии, ни в круге субъектов, ни в методических пределах исследования.

Сущность предварительного исследования раскрывается через понятие специальных знаний, которое законодатель не определяет, хотя постоянно им оперирует. Устойчивым в доктрине остается подход Е. Р. Россинской: специальные знания — это «система теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки либо техники, искусства, ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки и профессионального опыта» [3, с. 11–12]. Место дорожно-транспортного происшествия требует сразу нескольких их видов — автотехнических, трасологических, материаловедческих, медицинских.

Реализуются специальные знания в процессуальной и непроцессуальной формах, и критерий разграничения — правовое значение результата. Предварительное

исследование относится ко второй группе: специалисты при проверке сообщения о преступлении «также проводят исследования, но эти исследования называются предварительными и полученные результаты не имеют доказательственного значения» [3, с. 14]. Открытым остается статус исследования, которое проводится не до возбуждения дела и не в лаборатории, а при осмотре места происшествия, то есть внутри следственного действия. Для дорожно-транспортных происшествий такой случай основной.

Терминология не устоялась: В. Д. Корма насчитывает не менее восьми обозначений одного явления — оперативное, внеэкспертное, доэкспертное, досудебное, первичное, интегрированное, диагностическое, внеэкспертное технико-криминалистическое исследование [4, с. 141]. Главная линия спора проходит по вопросу о месте проведения. Т. Д. Телегина сводит предварительное исследование к лабораторной работе экспертных учреждений и исключает из него работу специалиста на месте: «предварительными исследованиями не является экспресс-изучение объектов, явлений, осуществляемое специалистом в ходе его участия в следственных действиях, поскольку подобная деятельность полностью охватывается его процессуальными полномочиями» [5, с. 19]. Л. Б. Сыромля заняла обратную позицию: «считаем, что предварительные исследования, могут осуществляться только в полевых условиях», а лабораторную работу отнесла к научно-техническим исследованиям [6, с. 90]. В. Д. Корма охватывает оба варианта: это «непроцессуальные исследования материальных объектов, осуществляемые на основе специальных знаний, соответствующих технико-криминалистическим средств и методов, информационного обеспечения, как в лабораторных, так и внелабораторных (полевых) условиях» [4, с. 142].

Первые две позиции зеркальны и обе делают место проведения определяющим признаком. Место, однако, определяет технические возможности исследования, но не его природу. Признаков, отличающих предварительное исследование от других форм использования специальных знаний, три: оно предшествует экспертизе, его

результат не является доказательством, его цель состоит в получении ориентирующей информации. О. А. Барина и О. А. Харламова верно отмечают условность названия, под которым «следует понимать исследование, предшествующее экспертному» [7, с. 120]. Небесспорен и довод о том, что экспресс-изучение на месте охватывается полномочиями специалиста: часть 1 статьи 58 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) говорит о содействии в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и о применении технических средств [8], но вывод о том, что осколок рассеивателя принадлежит фаре автомобиля определенной марки, к содействию не сводится.

Предварительное исследование материальных следов на месте дорожно-транспортного происшествия можно определить как непроцессуальное исследование, которое проводится лицом, обладающим специальными знаниями, в ходе осмотра места происшествия либо иного неотложного следственного действия с применением неразрушающих технико-криминалистических средств и методов и направлено на оперативное получение ориентирующей информации о механизме происшествия, причастных к нему транспортных средствах и лицах. В системе форм использования специальных знаний оно занимает промежуточное положение: по методам близко к экспертизе, по правовому значению результата — к консультационной помощи специалиста.

Назначение такого исследования обычно сводят к розыску, но оно решает и вторую задачу — проверку относимости следов к событию, зарегистрированному как дорожно-транспортное происшествие. В июле 2025 г. в Свердловской области мужчина задушил жену, поместил тело в автомобиль и врезался в столб, рассчитывая выдать убийство за аварию; экспертиза установила механическую асфиксию и следы сопротивления на теле [9]. Несовпадения между повреждениями на теле, повреждениями автомобиля и следовой картиной на дороге заметны уже при осмотре, если следы сопоставляются между собой.

Первая проблема — отсутствие регламентации в уголовно-процессуальном законе. Проанализировав статьи 164, 176–179, 182 и пункт 19 статьи 5 УПК РФ, В. Д. Корма заключает, что закон не упоминает о проведении каких-либо исследований при производстве следственных действий, а потому исследование следов при осмотре «будет носить непроцессуальный характер» [4, с. 144]. Процессуальную рамку закон все же создает: часть 6 статьи 164 допускает применение технических средств обнаружения, фиксации и изъятия следов, часть 2 статьи 176 разрешает осмотр до возбуждения уголовного дела, часть 2 статьи 177 требует осматривать обнаруженные предметы на месте. Значит, наблюдения специалиста и описание признаков объекта должны попасть в протокол осмотра, а выводы о происхождении объекта остаются за его пределами.

Вторая проблема — несогласованность ведомственного регулирования. Федеральный закон «О полиции»

обязывает полицию обеспечивать сохранность следов на месте происшествия (пункт 2 части 1 статьи 12) и проводить исследования при проверке заявлений и сообщений о преступлениях (пункт 18 части 1 статьи 12) [10], а основная регламентация сосредоточена в Наставлении по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России [11], которое читают по-разному. О. А. Барина и О. А. Харламова находят в нем проведение экспертно-криминалистическими подразделениями предварительных исследований (пункт 39) и письменное поручение следователя как их основание (пункт 53) [7, с. 121]. В. Д. Корма утверждает обратное: термин «предварительные исследования» в ведомственных актах не употребляется, а лишь подразумевается [4, с. 144]. Регулирование, которое специалисты излагают взаимоисключающим образом, достаточным признать нельзя.

Внешнюю границу исследования очерчивает судебная практика. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 требует назначать экспертизу всегда, когда разрешение вопроса нуждается в исследовании с использованием специальных знаний (пункт 1), и прямо указывает, что «справки, акты, заключения и иные формы фиксации результатов ведомственного или другого исследования, полученные по запросу органов предварительного следствия или суда, не могут рассматриваться как заключение эксперта и служить основанием к отказу в проведении судебной экспертизы» (пункт 6) [12]. В литературе до сих пор воспроизводится формула прежней редакции, по которой специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы. Пункты 20–23, где она содержалась, исключены постановлением Пленума от 29 июня 2021 г. № 22, и правило выражено теперь через потребность в исследовании, а не через запрет специалисту что-либо исследовать.

Третья проблема — субъектный состав, который обычно определяют перечислением лиц, из-за чего теряется различие ролей. Т. Д. Телегина развела субъектов применения и субъектов использования специальных знаний, отметив, что «субъектом использования специальных знаний является только следователь (судья), поскольку именно он определяет ход и направление расследования уголовного дела» [5, с. 15–16]. Д. А. Кудряшов переносит это различие на предварительное исследование: субъектом назначения выступает следователь либо руководитель следственно-оперативной группы, субъектом проведения — специалист [13, с. 116], а В. Д. Корма заключает, что единственным компетентным исполнителем и в лабораторных, и в полевых условиях сегодня является специалист [4, с. 144].

Замерить длину следа торможения или зафиксировать расположение осыпи стекла следователь в состоянии сам, но вывод о том, каким колесом и какой оси оставлен след, требует знаний, которыми юрист обычно не располагает, а ошибка меняет исход дела: В. А. Городокин приводит

случай, когда неверное установление колеса, оставившего след торможения, дало противоположный вывод о месте столкновения [14, с. 17]. Практика между тем расходится с этой моделью: в Челябинске 97 % осмотров мест дорожно-транспортных происшествий проводились без участия специалиста, а при причинении тяжкого вреда здоровью в 72 % случаев осмотр проводили инспекторы Госавтоинспекции, а не следователи [14, с. 4]. Т. Д. Телегина писала о стремлении следователей ограничиваться «стандартным набором» специалистов, причем 44 % опрошенных ею следователей указали на трудности с вызовом нужного специалиста [5, с. 20].

В сентябре 2026 г. на трассе М-8 «Холмогоры» в Ярославской области был обнаружен пешеход с тяжелыми травмами, позднее скончавшийся; сотрудники полиции нашли на месте осколки стекла и фрагменты автомобиля марки «Хонда», после чего виновник был установлен и задержан, хотя успел заменить поврежденные элементы кузова и лобовое стекло [15]. Найти и зафиксировать фрагменты может любой подготовленный участник осмотра, а установить по слоям лакокрасочного покрытия, перекрашивался ли автомобиль, способен только специалист. Отсюда трехуровневое построение субъектного состава: следователь решает вопрос о проведении исследования и распоряжается результатом; специалист выполняет исследование и отвечает за выбор методов; сотрудники Госавтоинспекции и оперативных подразделений участвуют в обнаружении и фиксации следов, но вывод о свойствах слеодообразующего объекта в их компетенцию не входит.

Четвертая проблема — методические пределы и форма закрепления результата. О. А. Барина и О. А. Харламова, перечислив доступные специалисту методы, указывают: «Также недопустимо применять методы химического анализа и подвергать объект исследования механическому воздействию», но, описывая капельные реакции на кровь, оговаривают, что «недопустимо обрабатывать целиком все пятно, поскольку это сделает невозможным дальнейшее проведение экспертного исследования» [7, с. 123–126]. Противоречие кажущееся: запрет касается не химии как таковой, а уничтожения свойств, которые понадобятся эксперту. По пункту 63 Наставления на месте происшествия применяются только неразрушающие методы, а исследование с изменением свойств объекта допускается после письменного согласования с инициатором [4, с. 145]. Для дорожно-транспортных происшествий это существенно: микрочастицы краски на одежде пострадавшего и следы крови на бампере почти всегда существуют

в малых количествах, а при таких количествах исследование, по замечанию Е. Р. Россинской, «безусловно, будет разрушающим и не должно проводиться ни в коем случае до вынесения постановления о назначении экспертизы» [3, с. 64–65].

Результат исследования Л. Б. Сыромля предлагает отражать в справке специалиста в вероятной форме [6, с. 90]. Д. А. Кудряшов допускает признание такой справки иным документом по статье 84 УПК РФ, отмечая, что на практике это встречается редко [13, с. 117]. С последним согласиться трудно: иной документ удостоверяет обстоятельства, зафиксированные составившим его лицом, а не выводы, полученные путем исследования объекта, и использование справки для их подтверждения означало бы обход требования о назначении экспертизы. Последовательнее позиция В. Д. Кормы, по которой такая справка должна иметь статус непроцессуального документа и храниться в материалах дела по аналогии с планом расследования [4, с. 146–147].

Таким образом, предварительное исследование материальных следов на месте дорожно-транспортного происшествия является самостоятельной непроцессуальной формой использования специальных знаний. Место его проведения природу исследования не определяет; определяющими признаками выступают предшествование экспертизе, отсутствие у результата доказательственного значения и ориентирующая цель. Помимо розыскной задачи оно решает задачу относимости следов к зарегистрированному событию, а система его субъектов трехуровневая.

Для устранения выявленных проблем предлагается дополнить Наставление по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России нормой о предварительном исследовании следов в полевых условиях с отдельным перечнем задач применительно к месту дорожно-транспортного происшествия, закрепить обязанность отражать ход и результаты такого исследования в протоколе осмотра и ввести типовую форму справки специалиста, приобщаемой к материалам дела как непроцессуальный документ. Состав следственно-оперативной группы, выезжающей на происшествие с тяжкими последствиями, целесообразно определять по характеру события: при сомнении в личности водителя привлекать специалиста по работе с биологическими следами, при неясном механизме столкновения — автотехника, при подозрении на техническую неисправность — специалиста по эксплуатации транспортных средств.

Литература:

1. ДТП в цифрах и графиках // Ведомости: сетевое издание. — URL: <https://clck.ru/3VyuFM> (дата обращения: 01.09.2026).
2. Моховая Т. А. Методика расследования преступлений против безопасности дорожного движения: автореф. дис.... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2016. — 27 с.
3. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2026. — 576 с.

4. Корма В. Д. Понятие и виды предварительных исследований материальных следов, их правовые и криминалистические аспекты // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17, № 6 (139). — С. 140–152.
5. Телегина Т. Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений: автореф. дис.... канд. юрид. наук. — М., 2008. — 26 с.
6. Сыромля Л. Б. О толковании предварительного исследования следов в криминалистике и уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. — 2018. — № 7. — С. 89–91.
7. Баринова О. А., Харламова О. А. Обнаружение, фиксация, изъятие и предварительное исследование следов на месте происшествия: учебное пособие. — М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2021. — 134 с.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921; 2026. — № 30. — Ст. 4097.
9. Каратист задушил жену-тренера и инсценировал ДТП, чтобы скрыть убийство // АвтоВзгляд: сетевое издание. — URL: <https://www.avtovzglyad.ru/gai/ugon/66567-2025-08-06-karatist-zadushil-zhenutrenera-iinstseniroval-dtp-ch-tobyi-skryit-ubiystvo/> (дата обращения: 01.09.2026).
10. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 7. — Ст. 900; 2026. — № 32. — Ст. 4527.
11. Приказ МВД России от 11 января 2009 г. № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — URL: <https://clck.ru/3VxQFX> (дата обращения: 01.09.2026).
12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (ред. от 29.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2011. — № 2; Российская газета. — 2021. — № 159.
13. Кудряшов Д. А. О возможности проведения предварительных исследований в ходе осмотра места происшествия // Судебная экспертиза и исследования. — 2024. — № 4. — С. 114–118.
14. Городокин В. А. Использование специальных автотехнических знаний при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: автореф. дис.... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2009. — 26 с.
15. Прокофьева О. В Ярославской области задержали водителя, скрывшегося с места смертельного ДТП // Ярославский регион. — URL: <https://clck.ru/3VzCDT> (дата обращения: 01.09.2026).

Особенности договора поставки оборудования

Насартинова Дина Раиловна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье рассмотрено понятие договора поставки, понятие и особенности оборудования, выявлены проблемы в данной сфере и приведены пути решения.

Ключевые слова: договор поставки, оборудование, сроки, особенности.

В современной экономике договор поставки выступает в качестве ключевого документа, регулирующего отношения между поставщиками и покупателями товаров и услуг. Этот договор лежит в основе большинства коммерческих операций, обеспечивая правовую определённость и предсказуемость взаимодействий между участниками рынка.

Развитая рыночная экономика невозможна без современного оборудования и новых технологий. В связи с этим востребованность договора как правового инструмента, а именно договора поставки оборудования, который обеспечивает модернизацию современных предприятий, существенно возрастает. Поставщиками по договору поставки могут быть индивидуальные предпри-

ниматели, коммерческие и некоммерческие юридические лица. Физические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без государственной регистрации на основании закона, вправе осуществлять только предусмотренные Налоговым кодексом РФ или актами субъектов РФ услуги, т. е. поставщиками по договору поставки оборудования быть не могут.

В 506 статье ГК РФ приводится законодательное определение договора поставки, по которому поставщик-продавец, который осуществляет предпринимательскую деятельность, обязуется продать товар покупателю в определенной срок и по определенной цене, который покупатель будет использовать для иных целей, не связанных с семейными, личными, домашними или схожими

с ними. Субъектами данного договора, как со стороны покупателя, так и со стороны продавца должно быть юридическое лицо или физическое лицо, которое осуществляет предпринимательскую деятельность. Иными словами, 2 продавец производит или покупает товар для его дальнейшей реализации, а покупатель использует полученный им товар для использования его в предпринимательской деятельности. Объектом договора поставки может быть любой товар, который пригоден для предпринимательских целей. Определенных условий для данного вида договора купли-продажи не предусмотрено и все остается на согласовании сторон. Однако в статье 507 ГК РФ предусмотрен особый порядок урегулирования разногласий при заключении договора поставки. На рассмотрение предложений, по которым у сторон возникли разногласия, стороне предложившей заключить договор отводится 30 дней. Если сторона уклоняется от согласования условий, то она обязана возместить убытки, вызванные ее действиями.

Оборудование в договоре поставки — это особый сложный составной объект — товар, представляющий собой необходимые технические средства для обеспечения изготовления изделий, в т. ч. измерительные приборы. Указание в наименовании и в содержании договора такого объекта поставки как оборудование означает, что стороны хотят специально выделить особый вид товара, требующий дополнительных обязательств сторон в договоре. Как правило, договор поставки оборудования сопровождается условиями о его монтаже, т. е. предполагается, что поставляемое оборудование должно быть исправным или годным к эксплуатации. На сегодняшний день не имеет четкой законодательной регламентации вопрос, имеющий огромное практическое значение для разрешения разногласий сторон по качеству оборудования путем проведения экспертизы. Для договора поставки оборудования необходима правовая регламентация урегулирования разногласий по поводу качества оборудования с обязательным назначением экспертизы и указанием в договоре перечня экспертных учреждений, с участием которых такая экспертиза должна быть прове-

дена в случае возникновения споров по качеству оборудования.

Характерным для данного договора являются условия о сроках и порядке поставке товара. Под периодами поставки в гражданском законодательстве понимаются такие временные промежутки, в которые стороны должны должным образом осуществить передачу партии товара. Как правило, сторонами согласуется определенный график поставки, в котором указана конкретная дата, в которую должна быть произведена отгрузка или выборка товара. Досрочная доставка возможна лишь в случае согласия покупателя и засчитывается в следующую партию. При заключении исполнения договора поставки путем отгрузки товара получателю, не являющемуся покупателем, на данного получателя не переходят обязанности самого покупателя. При отгрузочной разнарядке поставщик должен быть извещен не позднее 30 дней, если иной срок не предусмотрен в договоре. Договор поставки считается исполненным в момент передачи товара.

Исходя из специфики такого товара как оборудование, считаем необходимым дополнить статью 128 ГК РФ, включив в качестве самостоятельного объекта гражданских прав — товар и оборудование, и соответственно законодательно закрепить понятие оборудование в связи с отсутствием единого подхода к определению данной категории.

Исполнение договора поставки оборудования предполагало несколько этапов с очередностью оплаты в зависимости от их реализации. Комплектность поставки не позволяла обеспечить монтаж оборудования даже сторонней организацией, исходя из этого покупатель сделал обоснованный вывод о невозможности последующего исполнения договора до восполнения комплектности товаров. Наиболее обоснованным решением проблем, связанных с регулированием поставки оборудования, было бы признание единым обязательством достижения поставщиком оговоренного результата, включающего поставку оборудования как товара, его монтаж и иные необходимые действия, поскольку именно этим определяется возможность использования оборудования по назначению.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Российская газета. 21 янв. 2009. № 7.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. № 238–239. 08.12.1994.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 года № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
4. Аванесян Б. В., Степанов Д. В. Доставка поставки // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 110–8. С. 12–15.
5. Бакулин А. Ф. Договор поставки в деятельности корпоративного юриста / А. Ф. Бакулин // Марийский юридический вестник. 2021. № 1 (12). — С. 122–127.
6. Морозова Н. С. Договор поставки: особенности заключения и согласование существенных условий // Молодой ученый. 2025. № 22 (573). С. 446–44.

7. Мунаваров, Ш. Ш. Особенности договора поставки / Ш. Ш. Мунаваров. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 5 (556). — С. 266–270.

К вопросу о проблемах квалификации уголовной ответственности по статье 166 УК РФ

Нуруллин Эльмир Рамилевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Артеменко Наталья Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

В статье обобщены проблемы квалификации уголовной ответственности по статье 166 УК РФ. Автор систематизировал классификацию базовых проблем квалификации уголовной ответственности за угон, которые отличаются терминологическим, объектным, статусным содержанием, и разграничительных проблем отграничения угона от схожих составов преступлений, установленных статьями 158, 161, 162, 165, 330 УК РФ. С учетом содержания представленных базовых и разграничительных проблем обоснованы пути их решения.

Ключевые слова: угон, транспортное средство, понятие автомобиля, объект угона, статусный признак, проблемы квалификации угона.

Важность исследования вопросов квалификации уголовной ответственности по статье 166 УК РФ [1] предопределена объективной необходимостью сбалансированного регулирования диспозиции, санкции указанной статьи и отдельными пробелами в соответствующих нормах УК РФ.

Также следует обратить внимание на высокий процент (21 %) кассационных обжалований, результат которых связан с изменением приговора суда первой инстанции по статье 166 УК РФ: из более 15800 приговоров, вынесенных за угон автотранспорта, после обжалования изменены более 3300 [14]. Указанные фактические данные характеризуют наличие соответствующих проблем квалификации ответственности за угон автотранспорта.

Проблемы квалификации уголовной ответственности по ст. 166 УК РФ определяются недостатками уголовно-правовой характеристики неправомерного завладения автомобилем без цели хищения (угона), которая включает анализ объективных, субъективных и квалифицирующих признаков этого преступного деяния [8, с. 73].

Уголовно-правовая характеристика угона, обозначенная автором [9, с. 127], позволяет выделить базовые и разграничительные проблемы квалификации уголовной ответственности по статье 166 УК РФ.

Базовые проблемы уголовно-правовой квалификации угона определяются отсутствием в нормах УК РФ, судебной практике четких признаков, понятия автомобиля и отдельных признаков состава рассматриваемого преступления, которые включают признаки объекта преступления и технологическо-статусного признака угонщика, обусловленного объективной невозможностью привлечения к ответственности за угон лица, которое не обладает специальными навыками управления транспортом.

То есть, базовые проблемы уголовно-правовой квалификации угона отличаются терминологическим, объектным и статусным характером.

С учетом содержания легитимных определений транспортных средств, которые приводятся в пункте 11 статьи 1 Федерального закона «О транспортной безопасности» [3], статье 4 Федерального закона «О государственной регистрации транспортных средств...» [4], пункте 6 Технического регламента союзной сферы транспортной безопасности [5], пункте 1.2 Правил дорожного движения [6], пункте 21 Постановления Пленума ВС РФ № 25 от 2008 года [7] предлагается авторское определение: «Автомобиль, за угон которого в статье 166 УК РФ установлена уголовная ответственность, представляет собой обособленную категорию транспортного средства, которое: может исполнять задачи перевозки грузов, пассажиров, оборудования по автомобильным (безрельсовым) дорогам с применением электрического или иного двигателя; может управляться при наличии определенного законом удостоверения; не относится к предметам угона, установленным статьей 211 УК РФ и к простейшим механизмам гужевого транспорта, велосипедов и пр.».

Для решения терминологической базовой проблемы отсутствия в законодательстве, судебной практике четких признаков, понятия автомобиля рекомендуется включить указанное авторское определение в пункте 21 Постановления ВС РФ № 25 от 2008 года [7].

Базовая объектная проблема квалификации угона характеризуется неопределенностью его объекта, поскольку в наименовании и диспозиции статьи 166 УК РФ обозначен непосредственный объект угона только в виде нарушения права владения транспортным средством, без отражения нарушения права его использованием. Хотя угон транспортного средства включает непосред-

ственное посягательство на два вида права собственника транспортного средства в совокупности: на право владения, отмеченное законодателем в корне слова «завладение», и на право пользования, которое охватывает возможность использования угонщиком технологических, грузопассажирских и пр. свойств транспортного средства [9, с. 128].

По данному поводу в абзаце 2 пункта 20 Постановления Пленума ВС РФ № 25 от 2008 года [7] разъясняется условие окончания угонщиком преступления после начала перемещения, движения транспортного средства, которое характеризует обязательное нарушение права владельца пользования своим транспортом путем использования угонщиком его свойств без получения разрешения от законного владельца.

То есть, решения объектной проблемы обусловлено внесением непосредственного объекта угона, определяемого совокупностью права владения и права пользования транспортным средством, в нормы статьи 166 УК РФ. Для этого рекомендуется дополнить: наименование статьи 166 УК РФ после слова «завладение» словами «с использованием» и часть 1 статьи 166 УК РФ после слова «завладение» словами «с использованием».

С целью устранения базовой статусной проблемы отсутствия в законодательстве, судебной практике обязательных требований к статусному признаку виновного, предполагающему обязательное наличие у угонщика навыков вождения угоняемым транспортом.

Проведенный в этой связи анализ судебной практики показал на отсутствие в приговорах сведений о наличии у угонщика навыков вождения. В приговорах обычно указываются аргументы противоправного завладения транспортом без разрешения его владельца с перемещением от места исходного нахождения [10], [11], [12].

Вместе с этим, в приговорах за попытку угона отмечается, что транспорт не передвигался с места преступления по независящим от угонщика причинам. Среди указанных причин не завершения угона суды не рассматривают обстоятельства отсутствия у виновного первичных знаний, навыков о приведении в движение угоняемого транспортного средства.

Такое упущение нарушает принцип защиты подсудимого от необоснованного обвинения, обозначенный в пункте 2 части 1 статьи 6 УПК РФ [2], поскольку угон транспортного средства объективно не может быть исполнен лицом, которое не знает и не понимает обязательных технологических условий для начала движения угоняемого транспорта.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. 26.07.2026) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
3. Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О транспортной безопасности» // СЗ РФ. 2007. № 7. Ст. 837.

Показательным примером негативного результата подобного упущения представляется в приговоре Шадринского районного суда № 1–110/2025 [13], в котором суд установил, что А. не смог до конца довести действия по угону транспортного средства (асфальтоукладчика), поскольку не обладал навыками его управления. Но объективная невозможность совершения угона А. из-за отсутствия у него необходимых знаний, навыков вождения судом не рассматривалась и содеянное было квалифицировано как попытка угона.

Для решения указанной статусной проблемы предлагается дополнить пункт 20 Постановления ВС РФ № 25 абзацем четвертым следующего содержания: «Лицо, которое непосредственно осуществляет угон транспортного средства должно обладать навыками управления этим транспортным средством».

Разграничительные проблемы уголовно-правовой квалификации угона и соответствующие пути их решения с учетом содержания схожих составов преступлений включают:

1) проблему отграничения угона от кражи, грабежа, разбоя (статьи 158, 161, 162 УК РФ) с хищением транспортного средства, которая устраняется доказательствами отсутствия у угонщика цели хищения, что предусмотрено диспозицией части 1 статьи 166 УК РФ;

2) проблему отграничения угона от нанесения имущественного ущерба (статья 165 УК РФ), которая решается доказательством двух обстоятельств: наличия у виновного в нанесении имущественного ущерба легитимных прав на пользование транспортным средством, которых не может быть у угонщика; применения обмана (злоупотребления доверием) в рамках нанесения имущественного ущерба;

3) проблема отграничения угона от самоуправства (статья 330 УК РФ), которая устраняется доказательством двух обстоятельств: наличия у виновного в самоуправстве оспариваемых прав на транспортное средство, которых не может быть у угонщика; нанесение в рамках самоуправства существенного ущерба заявителю, признак которого отражен в одном квалифицированном составе угона (часть 3 статьи 166 УК РФ).

На основании вышеизложенного можно представить классификацию обозначенных проблем квалификации уголовной ответственности по статье 166 УК РФ, которая включает базовые проблемы терминологического, объектного, статусного содержания и разграничительные проблемы отграничения угона от схожих составов преступлений, установленных статьями 158, 161, 162, 165, 330 УК РФ.

4. Федеральный закон от 03.08.2018 № 283-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 32 (часть I). Ст. 5076.
5. Решение Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 № 877 (ред. от 13.03.2026) «О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» (вместе с «ТР ТС 018/2011. Технический регламент Таможенного союза. О безопасности колесных транспортных средств»). — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.10.2026).
6. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 28.08.2026) «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СЗ РФ. 1993. № 47. Ст. 4531.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 25.06.2024) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. февраль, 2009.
8. Артеменко Н. Н., Преступления против собственности: учебное пособие / Н. Н. Артеменко. — Москва: РГУП, 2024. — С. 72–74.
9. Нуруллин Э. Р., Установление признаков неправомерного завладения автомобильным транспортом без цели хищения // Молодой ученый. — 2026. — № 34 (637). — С. 127–129.
10. Приговор № 1–339/2025 от 18.08.2025 Железнодорожного районного суда города Барнаула. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/yxoDYwDFbOLJ/> (дата обращения: 09.10.2026).
11. Приговор № 1–271/2025 от 23.11.2025 Ленинского районного суда города Воронежа. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wyV4jej5FmQj/> (дата обращения: 09.10.2026).
12. Приговор № 1–343/2025 от 23.11.2025 Сормовского районного суда города Нижнего Новгорода. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/T9nu9tUyXTWJ/> (дата обращения: 09.10.2026).
13. Приговор Шадринского районного суда Курганской области № 1–110/2025 от 16.04.2025 — URL: https://sudact.ru/regular/doc/5DWlAljqmnnx/?regular-txt=®ular-case_doc=1-110%2F2025®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=Шадринский+районный+суд+%28Курганская+область%29®ular-judge=&_=1791484030511 (дата обращения: 04.04.2026).
14. Сведения сайта СПС «КонсультантПлюс». — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 09.10.2026).

Договор купли-продажи и договор аренды: трансформация обязательств

Овсянникова Дана Андреевна, студент магистратуры;
Черкесова Камила Сергеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В настоящем исследовании проводится системный анализ правовой природы и механизмов трансформации обязательственных правоотношений в контексте конвергенции договорных конструкций купли-продажи и аренды, а также реверсивного перехода. Объектом изучения выступают институты новации обязательства, перенайма (субаренды), а также принцип сохранения арендных обременений (прав арендатора) при смене титульного собственника (ст. 617 ГК РФ). Особое внимание в работе уделяется исследованию имплементации новых федеральных стандартов бухгалтерского учета в систему гражданско-правового регулирования, в частности, их деформирующему воздействию на правовую квалификацию обязательств сторон, балансовый учет актива в форме права пользования и корреспондирующего обязательства по аренде. Проведенный анализ позволяет идентифицировать и систематизировать юридические риски, возникающие вследствие асинхронности и несогласованного прекращения (преклюзии) вещных и обязательственных титулов, а также коллизии между титульным владением и фактическим владением при досрочном расторжении договоров. Выявлена тенденция правоприменителя к субстантивному подходу при квалификации фактического выбытия объекта из имущественной сферы титульного владельца.

Ключевые слова: *купля-продажа, аренда, перенайм, трансформация обязательств, сингулярное правопреемство, новации, сохранение аренды, право следования.*

Sale and purchase agreements and lease agreements: transformation of obligations

Ovsyannikova Dana Andreevna, master's student;
Cherkesova Kamila Sergeevna, master's student
Moscow University of Finance and Law

This study provides a systematic analysis of the legal nature and mechanisms for the transformation of obligatory legal relations within the context of the convergence of sale and lease contractual structures, as well as reverse transition. The objects of study include the institutions of obligation novation, lease re-granting (sublease), and the principle of preserving lease encumbrances (tenant's rights) upon the change of the title holder (Article 617 of the Civil Code of the Russian Federation). Special attention in the work is paid to the implementation of new federal accounting standards into the system of civil law regulation, specifically their distorting impact on the legal qualification of the parties' obligations, the balance sheet accounting of the asset in the form of the right-of-use, and the corresponding lease liability. The conducted analysis allows for the identification and systematization of legal risks arising from the asynchrony and inconsistent termination (preclusion) of real and obligatory titles, as well as the conflict between title possession and actual possession in the event of early contract termination. A trend has been identified among law enforcement practitioners towards a substantive approach when qualifying the actual disposal of an object from the property sphere of the title holder.

Keywords: sale and purchase, lease, re-granting of lease, transformation of obligations, singular succession, novation, lease preservation, right of pursuit.

Для сохранения логики исследования, в первую очередь необходимо выявить и обозначить системную связь договоров. Договор купли-продажи (ст. 454 ГК РФ) и договор аренды (ст. 606 ГК РФ) традиционно классифицируются в доктрине гражданского права в качестве самостоятельных типов гражданско-правовых обязательств [6]. Тем не менее, в условиях современного коммерческого оборота наблюдается их системная интеграция, при которой указанные договорные конструкции функционируют в качестве элементов единой производственно-хозяйственной цепочки. В данном правовом контексте трансформация обязательств представляет собой не простую субституцию (замену) одного договорного типа другим, а качественное изменение правовой связи между субъектами и объектом правоотношения. Данный процесс характеризуется сменой правового режима: переходом от абсолютного вещного права собственности к относительному обязательственному праву пользования и извлечения полезных свойств, либо в обратном направлении. Указанная трансформация влечет за собой модификацию объема правомочий титульного владельца, а также трансформацию характера юридической ответственности контрагентов.

Далее рассмотрим трансформацию «продажи в аренду» в рамках института новации. Рассматриваемая трансформация правоотношений реализуется посредством диспозитивного механизма (по волеизъявлению контрагентов, оформленному соглашением) либо императивно (в силу закона, в частности, при сингулярном правопреемстве в титуле собственника). Юридическая конструкция подобной трансформации предполагает строгую дифференциацию вещно-правовых и обязательственно-правовых последствий.

Доминирующей моделью в хозяйственном обороте выступает возвратный лизинг или транзакция продажи с обратной арендой. Экономическая детерминанта данной

сделки заключается в мобилизации ликвидности, имобилизованной в активах хозяйствующего субъекта, при инвариантности фактического контроля над объектом и сохранении его эксплуатационного профиля.

В случае заключения контрагентами соглашения, направленного на прекращение обязательства покупателя по оплате товара (либо обязательства продавца по его передаче) путем субституции на обязательство по внесению арендных платежей, имеет место юридический факт новации. В соответствии со ст. 818 ГК РФ, субституция долгового обязательства заемным или иным долговым обязательством (включая обязательства по уплате арендной платы) осуществляется при строгом соблюдении нормативов, регламентирующих новацию.

Происходит дереликция первоначального обязательства (из договора купли-продажи) в полном объеме. У контрагентов утрачивается право требования исполнения первоначальных условий (в частности, передачи титула или оплаты объекта, уже ставшего предметом арендных правоотношений). Генерируется новое обязательство, к которому применяются императивные и диспозитивные нормы об аренде.

При отсутствии прямо выраженной воли сторон на новацию и квалификации правоотношений как двух самостоятельных договоров (купли-продажи и аренды), правоприменительная практика (судебная квалификация) относит их к категории дискретных сделок. В данном правовом режиме неисполнение обязательств по договору аренды не влечет автоматического расторжения договора купли-продажи и реверсии титула собственника к прежнему владельцу. Для реализации данного сценария необходимо наличие дополнительных правовых инструментов, например, опциона на обратный выкуп или иных отлагательных условий.

Рассмотрим также выкуп (или же «аренда в собственность»). В рассматриваемой правовой конструкции транс-

формация обязательственных отношений характеризуется отложенным (дискретным) характером. Договор аренды может предусматривать условие о переходе права собственности (выкупе) в соответствии со ст. 624 ГК РФ.

В подобном случае возникает риск возникновения проблематики квалификации правоотношения. До момента полного внесения выкупной цены обязательство сохраняет арендную природу. Тем не менее, с момента заключения договора, содержащего опцион на выкуп, у арендатора возникает охраняемый законом интерес, а внесенные средства приобретают обеспечительный характер.

В рамках данной правовой модели периодические арендные платежи зачастую подлежат квалификации в качестве коммерческого кредита (ст. 823 ГК РФ), предоставленного арендодателем арендатору в целях финансирования приобретения объекта имущества. Момент трансформации наступает при переходе права собственности: обязательство по предоставлению имущества во временное владение и пользование (договор аренды) прекращается в силу совпадения должника и кредитора в одном лице (ст. 413 ГК РФ) либо надлежащего исполнения, в то время как денежное обязательство претерпевает новацию, трансформируясь в обязательство по передаче титула собственника.

Также следует рассмотреть трансформацию обязательств при сингулярном правопреемстве (смена собственника). Ключевым фактором, осложняющим процесс правопреемства при отчуждении объекта недвижимости, выступает необходимость сохранения арендных обязательств при переходе права собственности к третьему лицу (ст. 617 ГК РФ). Смена титульного собственника сданного в аренду имущества не выступает легитимным основанием для модификации или прекращения договора аренды.

В соответствии с актуальной правоприменительной практикой, сингулярное правопреемство не влечет за собой трансформации обязательств по договору аренды, возникших до момента заключения договора купли-продажи. Тем не менее, возникает фундаментальная проблема распределения дебиторской задолженности. В случае на-

личия на момент отчуждения объекта неисполненных обязательств со стороны арендатора (просроченная арендная плата, компенсация убытков), данные требования в силу закона переходят к новому арендодателю.

Также прежний собственник несет риск утраты права требования по обязательствам, возникшим до отчуждения, в случае отсутствия в договоре купли-продажи положений, регламентирующих статус дебиторской задолженности, обеспечительных платежей и компенсации ущерба. В целях минимизации правовых рисков и обеспечения имущественной безопасности продавца, в договоры купли-продажи объектов с обременением арендой целесообразно включать приложения (акты сверки), детерминирующие и фиксирующие состояние взаиморасчетов на дату государственной регистрации перехода права собственности.

Анализ правоприменения показывает несколько типовых моделей трансформации [19; 8; 9; 12; 16; 18; 10; 7]:

1) Продажа одного объекта недвижимости с одновременным обязательством продавца предоставить покупателю этот же или иной объект в долгосрочную аренду. Здесь обязательство по передаче товара в натуре трансформируется в обязательство по предоставлению права пользования.

2) В коммерческих контрактах (например, поставка оптических волокон или сложного оборудования) обязательство по оплате товара часто заменяется заемным обязательством или арендой с правом выкупа для оптимизации налогообложения.

3) Судебная практика подтверждает, что если стороны заключили договор аренды на то же имущество, которое ранее было предметом купли-продажи, и параметры (длина участка, состав оборудования) совпадают, суды могут признать обязательства из купли-продажи прекращенными новацией [14].

Далее приведен сравнительный анализ механизмов трансформации обязательств: представлена таблица, детализирующая различия между новацией, перенаймом и сохранением аренды при смене собственника.

Таблица 1. Сравнительная таблица механизмов трансформации обязательств в арендных и продажных отношений (составлено автором по [20; 15; 1])

Критерий сравнения	Новация (по ст. 414 ГК РФ)	Перенаем (п. 2 ст. 615 ГК РФ)	Сохранение аренды при смене собственника (п. 1 ст. 617 ГК РФ)
Правовая природа	Прекращение существующего обязательства и возникновение нового между теми же лицами.	Передача всех прав и обязанностей по договору третьему лицу (перемена лиц в обязательстве).	Смена активной стороны (кредитора) в обязательстве в силу закона (сингулярное правопреемство).
Основание возникновения	Соглашение сторон о замене первоначального обязательства другим (например, долга по купле-продаже на обязательство по аренде).	Двусторонняя сделка: соглашение между прежним арендатором и новым (сублизинг/перенаем) при обязательном согласии арендодателя.	Переход титула собственника по сделке (купля-продажа, дарение) или в порядке правопреемства. Согласие арендатора не требуется.

Таблица 1 (продолжение)

Критерий сравнения	Новация (по ст. 414 ГК РФ)	Перенаем (п. 2 ст. 615 ГК РФ)	Сохранение аренды при смене собственника (п. 1 ст. 617 ГК РФ)
Субъектный состав	Лица остаются прежними, но меняется их правовая связь (статус). Например, Продавец и Покупатель становятся Арендодателем и Арендатором.	Полная замена арендатора: из правоотношения выходит старый арендатор, входит новый. Арендодатель остается прежним.	Замена арендодателя: из правоотношения выходит старый собственник, входит новый. Арендатор остается прежним.
Судьба первоначального договора	Первоначальный договор (например, купли-продажи) прекращается полностью и не подлежит исполнению.	Первоначальный договор аренды продолжает действовать в неизменном виде, меняется только личность арендатора.	Первоначальный договор аренды продолжает действовать в неизменном виде, меняется только личность арендодателя.
Условия объекта		Объект может измениться. Новация позволяет заменить предмет обязательства (например, вместо передачи товара — предоставление права пользования).	Объект аренды остается строго идентичным. Передаются права на тот же самый предмет в оставшийся срок.
Необходимость согласия третьих лиц	Требуется только согласие сторон первоначального обязательства.	Требуется обязательное согласие арендодателя (кредитора по обязательству пользования).	Согласие арендатора не требуется. Новый собственник становится стороной договора автоматически с момента регистрации перехода права.
Риски и ответственность	Первоначальное обязательство и связанные с ним долги (штрафы, пени) прекращаются, если иное не предусмотрено соглашением о новации.	Старый арендатор обычно освобождается от ответственности, если иное не предусмотрено договором. Ответственность переходит к новому арендатору.	Долги по арендной плате, накопленные до перехода права, по общему правилу переходят к новому собственнику. Старый собственник не вправе требовать плату за период после утраты титула.
Влияние на обеспечительные платежи	Обеспечительный платеж по купле-продаже (задаток) прекращается, если стороны не договорились зачесть его в счет аренды.	Обеспечительный платеж переходит к арендодателю вместе с договором (часто через допсоглашение или зачет).	Обеспечительный платеж (депозит) должен быть передан от старого собственника новому или зачтен в счет расчетов между ними.

На основе анализа данной таблицы можно сделать следующие выводы [4; 13]:

1) Новация выступает радикальным инструментом, позволяющим полностью обнулить историю предыдущих нарушений (штрафов, просрочек) по первичному договору, так как само обязательство перестает существовать.

2) Перенаем — наиболее контролируемый арендодателем инструмент смены арендатора, так как требует его прямого волеизъявления и позволяет проверить платежеспособность нового контрагента.

3) Сохранение аренды по ст. 617 ГК РФ является основой защиты оборота и арендатора. Титул собственника отделен от обязательственных связей: покупатель приобретает вещь «с нагрузкой», и его права распоряжения ограничены существующим договором аренды до конца его срока.

Выбор правовой конструкции трансформации обязательственных отношений (новация, перенаем или син-

гулярное правопреемство в рамках сохранения договора аренды) детерминирует формирование налогооблагаемой базы по налогу на добавленную стоимость (НДС) и налогу на прибыль организаций, а также корректирует временную структуру признания доходов и расходов в налоговом учете.

Прекращение первоначального обязательства путем замены его новым порождает в налогово-правовой плоскости два дискретных факта хозяйственной жизни (составлено по [5; 3; 2; 4]):

— Замена дебиторской задолженности по договору купли-продажи на обязательство по уплате арендных платежей влечет прекращение признания выручки от реализации и возникновение внереализационного дохода в форме периодических арендных поступлений. При квалификации трансформированного обязательства в качестве коммерческого кредита (ст. 823 ГК РФ) возникает

обязанность ежемесячного признания процентного дохода в налоговом учете по методу начисления, вне зависимости от фактического движения денежных средств.

— На дату подписания соглашения о новации у поставщика возникает объект налогообложения НДС, поскольку первоначальное обязательство по поставке товаров квалифицируется как исполненное (или прекращенное иным способом). Последующая передача актива в пользование квалифицируется как самостоятельная операция по реализации услуг, подлежащая налогообложению по ставке 20 %. В случае трансформации долга по оплате товара в заемное обязательство (ст. 809 ГК РФ) операция освобождается от НДС на основании пп. 15 п. 3 ст. 149 НК РФ, однако последующая сдача имущества в аренду подлежит налогообложению в полном объеме.

Квалификация перенайма как возмездной уступки имущественного права влечет специфические фискальные последствия для первоначального арендатора (составлено по [3; 2])

— Передача имущественного права на аренду за плату подпадает под регулирование п. 5 ст. 155 НК РФ. Первоначальный арендатор обязан исчислить НДС с полной стоимости передаваемых прав (включая полученную компенсацию). Субъект, принимающий права (новый арендатор), наделен правом на налоговый вычет при наличии надлежащим образом оформленного счета-фактуры. Зачет авансовых платежей, полученных от арендодателя, в счет обязательств нового арендатора требует реализации сложного алгоритма налогового администрирования, включающего выставление авансовых счетов-фактур.

— Экономическая выгода, полученная первоначальным арендатором в виде платы за выход из договора (положительная разница между стоимостью уступаемых прав и остатком неисполненных обязательств), подлежит включению в состав налогооблагаемых доходов. Компенсация за неотделимые улучшения, переданная новому арендатору, для прежнего квалифицируется как выручка от реализации прочего имущества. Для нового арендатора сумма данной компенсации может быть одновременно отнесена на расходы в периоде перехода прав (при соблюдении критериев ст. 252 НК РФ), однако право на их последующую амортизацию утрачивается в связи с отсутствием факта несения капитальных затрат.

— Первоначальный арендатор, осуществивший капитальные вложения, формирует их первоначальную стоимость. Новый арендатор, получивший объект с подобными улучшениями на условиях компенсации затрат, не вправе амортизировать их балансовую стоимость, поскольку амортизируемым имуществом признаются вложения, осуществленные непосредственно самим налогоплательщиком.

Рассмотрим правопреемство при смене собственника объекта по ст. 617 ГК РФ. Данная правовая модель характеризуется максимальной фискальной нейтральностью, поскольку не модифицирует существо обязательства, а изменяет исключительно личность кредитора:

— Для арендатора (выступающего в роли налогового агента при аренде публичного имущества или плательщика в коммерческой аренде) происходит лишь смена реквизитов получателя платежа. Обязанность по исчислению НДС сохраняется в неизменном виде. В случае ошибочного перечисления налога в составе арендной платы прежнему собственнику (при отсутствии надлежащего уведомления о переходе права), новый собственник приобретает право требования взыскания суммы неосновательного обогащения (самого налога), однако для обеспечения права на вычет арендатору необходимо получение от нового правообладателя корректно сформированной первичной документации.

— Хронология признания расходов арендатором и доходов арендодателем остается инвариантной. Передача права требования к накопленному, но не выплаченному обеспечительному платежу от прежнего собственника к новому квалифицируется как реализация имущественного права. Прежний собственник обязан исчислить НДС и налог на прибыль с данной операции, за исключением случаев оформления указанной передачи в качестве зачета встречных однородных требований в рамках договора купли-продажи актива.

— Перечисление арендных платежей прежнему собственнику после государственной регистрации перехода титула создает для арендатора риск отказа в вычете НДС по платежам, совершенным в адрес лица, утратившего право на получение дохода. Новый собственник наделен правом регрессного взыскания данных сумм с прежнего владельца как неосновательного обогащения.

С позиции налогового администрирования и фискального анализа новация договорных обязательств характеризуется как методология, сопряженная с максимальным уровнем фискальных рисков. Данный статус обусловлен необходимостью ретроспективной корректировки (аннулирования) ранее сформированных налоговых баз и начислений, а также возникновением объекта налогообложения по налогу на добавленную стоимость (НДС) в отношении новой операции, что влечет за собой повторное налогообложение.

Механизм же перенайма (уступки прав и обязанностей по договору аренды) генерирует пиковую фискальную нагрузку на первоначального арендатора (цедента). Данная нагрузка детерминирована возникновением объекта налогообложения по НДС в момент возмездной передачи имущественных прав на договорную позицию.

Выводы:

Трансформация обязательственных правоотношений в рамках перехода от договоров купли-продажи к договорам аренды представляет собой динамический процесс, характеризующийся перманентной интерференцией вещных и обязательственных прав. В целях минимизации правовых рисков и обеспечения правовой определенности для субъектов гражданского оборота рекомендуется имплементация следующих превентивных мер:

1) Четкая дифференциация института новации (полное прекращение первоначального обязательства в соответствии со ст. 414 ГК РФ) и режима сосуществования двух параллельных договорных конструкций. При наличии волеизъявления на прекращение обязательства из договора купли-продажи посредством новации, данный юридический факт подлежит императивной фиксации в тексте соглашения с прямой реквизитной ссылкой на ст. 414 ГК РФ.

2) Детальная фиксация в передаточном акте или приложении к договору купли-продажи актуального состояния взаиморасчетов с арендатором при отчуждении обремененного имущества. Данная мера направлена на нивелирование рисков возложения на приобретателя солидарной ответственности по предшествующим долговым обязательствам.

3) Учет императивных требований ФСБУ «Бухгалтерский учет аренды» при проведении оценки финансовой устойчивости контрагента. Ввиду того, что арендные обязательства в современной парадигме учета квалифицируются как полноценное долговое бремя, они оказывают прямое влияние на показатели кредитоспособности и коэффициенты долговой нагрузки субъекта.

4) При структурировании сделок учет риска перекалфикации правоотношений фискальными органами. В случае установления символического размера выкупной цены существует высокая вероятность перекалфикации сделки из договора аренды в скрытую продажу в рассрочку, что влечет за собой существенные фискальные последствия.

5) Трансформация правоотношений в форме сохранения арендного договора при смене титульного собственника актива (переход права собственности на сданное в аренду имущество) представляет собой оптимальную с точки зрения налоговой безопасности модель. Ее реализация требует исключительно строгого соблюдения регламента документального подтверждения, включая безупречность оформления правопреемства в части уступки прав требования (цессии) дебиторской задолженности и корректной передачи обеспечительных платежей.

Резюмируя, адекватная юридическая квалификация темпорального аспекта и механизма трансформации обязательств обеспечивает субъектам правоотношений возможность эффективного управления активами, оптимизации фискальной нагрузки и превентивного контроля рисков, сопряженных с несостоятельностью (банкротством).

Литература:

1. Айтбаев М. Всегда ли арендатор остается арендатором после смены собственника имущества. // Экономика и жизни. — 2016. — № 14 (9630). — URL: <https://www.eg-online.ru/article/312115/> (дата обращения: 13.10.2026).
2. Андреев Ю. Н. Договор в гражданском праве России: сравнительно-правовое исследование: монография. — М.: Норма: ИНФРА-М. — 2023. — 272 с.
3. Аренда: комментарий к статьям 606–625 и 650–655 Гражданского кодекса РФ / Отв. ред. А. Г. Карапетов. — М.: М-Логос. — 2023. — 816 с.
4. Вершинина К. Д. Стороны договора аренды: права и обязанности // National Science. — 2022. — № 3. — С. 23–29.
5. Выборнова Е. С., Александрова Н. С. Договорное право. Предмет гражданско правового договора: учебное пособие для вузов — 2-е изд. — М.: — Юрайт, 2025. — 136 с.
6. Гражданское право. Особенная часть: учебник / коллектив авторов, под ред. М. В. Карпычева, О. Б. Сиземовой, А. М. Хужина. — М.: Проспект. — 2023. — 848 с.
7. Грунин А. В., Шоргина Е. В. Правовое регулирование замены арендатора в договоре аренды // Аграрное и земельное право. — 2023. — № 3 (219). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-zameny-arendatora-v-dogovore-arendy> (дата обращения: 13.10.2026).
8. Дадаян Е. В. К вопросу о способах (порядке) расчетов по договору купли-продажи недвижимости // Евразийский юридический журнал. — 2024. — № 8 (195). — С. 143–144.
9. Елизаров А. И. Актуальные проблемы заключения договора купли-продажи недвижимости // Закон. Право. Государство. — 2024. — № 4. — С. 173–175.
10. Кириллова Е. В. Понятие договора аренды в российском гражданском праве // Молодой ученый. — 2025. — № 5 (556). — С. 252–254.
11. Михайленко Е. М. Гражданское право. Общая часть. — М.: Юрайт. — 2023. — 391 с.
12. Нестерчук И. С. Договор купли-продажи недвижимости: проблемы теории и практики // Социально-экономические и гуманитарные исследования в современном мире: сборник статей научной конференции. — Санкт-Петербург. — 2024. — С. 60–61.
13. Соменков С. А. Некоторые аспекты расторжения и изменения договора по соглашению сторон // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2016. — № 10 (26). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-rastorzeniya-i-izmeneniya-dogovora-po-soglasheniyu-storon> (дата обращения: 13.10.2026).
14. Судебная практика: новация договора купли-продажи // КонсультантПлюс — URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/novaciya_dogovora_kupli-prodazhi/ (дата обращения: 13.10.2026).

15. Сухова А. Новый долевого собственник получает и обременения, и порядок пользования имуществом // Экономика и жизни. — 2016. — № 17 (9633). — URL: <https://www.eg-online.ru/article/313681/> (дата обращения: 13.10.2026).
16. Талапкерев Е. М., Ондасынов А. К. Понятие договора купли-продажи недвижимости // Молодой исследователь: вызовы и перспективы. Сборник статей научно-практической конференции. — М. — 2024. — С. 302–304.
17. Учебник гражданского права. Том 2 / Под общей ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. — 2-е изд. — М.: Проспект. — 2025. — 844 с.
18. Хайрудинова Н. Т. Правовое регулирование договора купли-продажи недвижимости // Инноватика в современном мире: опыт, проблемы и перспективы развития. Сборник статей научно-практической конференции. — Уфа. — 2024. — С. 21–24.
19. Чиликина В. В. Существенные условия договора продажи недвижимости в РФ // Вестник магистратуры. 2025. № 8 (167). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschestvennye-usloviya-dogovora-prodazhi-nedvizhimosti-v-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 13.10.2026).
20. Энциклопедия судебной практики. Аренда. Сохранение договора аренды в силе при изменении сторон (ст. 617 ГК РФ). // Электронная база «Гарант». — URL: <https://www.base.garant.ru/57589596/> (дата обращения: 13.10.2026).

Трансформация подходов к определению правовой природы договора купли-продажи

Овсянникова Дана Андреевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуется эволюция теоретических и практических подходов к определению правовой природы договора купли-продажи — от классических цивилистических концепций до современных доктринальных позиций.

Ключевые слова: договор купли-продажи, правовая природа договора купли-продажи, цивилистика, гражданское право, квалификация сделок.

Transformation of approaches to determining the legal nature of a sale and purchase agreement

Ovsyannikova Dana Andreevna, master's student
Moscow University of Finance and Law

The article examines the evolution of theoretical and practical approaches to determining the legal nature of a sale and purchase agreement — from classical civil law concepts to modern doctrinal positions.

Keywords: purchase and sale agreement, legal nature of the purchase and sale agreement, civil law, civil law, qualification of transactions.

Значение юридических сделок в современном обществе продолжает оставаться крайне важным аспектом гражданского взаимодействия, охватывая интересы как отдельных людей, так и организаций. Сделки играют ведущую роль в формировании, изменении и прекращении правовых связей между субъектами права. Последние годы демонстрируют увеличение числа судебных разбирательств относительно признания недействительными тех или иных договоров, подчеркивая серьезность последствий таких споров для правового поля.

Одной из приоритетных задач сегодня является защита законных интересов добросовестных сторон от возможных рисков, связанных с признанием сделок ничтожными. Подобные риски возникают либо вследствие

недостаточной осведомленности участников о нюансах законодательства, либо благодаря неправомерному поведению третьих лиц.

В современных реалиях договор купли-продажи остается наиболее распространенной формой юридического соглашения. С развитием цифровых технологий и электронной коммерции возникает необходимость адаптации нормативной базы под новые условия рынка, чтобы гарантировать полноценную защиту прав всех участников процесса.

Для изучения этой проблематики применялись различные исследовательские подходы — такие как системный анализ, сравнительное правоведение, формальная логика, функциональная структура и формально-юридический метод.

С теоретической точки зрения результаты данного исследования способствуют дальнейшему изучению проблем, возникающих в связи с нарушением границ свободы договора. Практическое применение полученных выводов возможно в образовательном процессе студентов при изучении курса гражданского права.

Договор купли-продажи недвижимости играет ключевую роль в гражданских правоотношениях, поскольку касается передачи права собственности на объекты, имеющие большое экономическое и социальное значение. Учитывая быстро меняющийся рынок недвижимости и повышение стандартов правовой чистоты сделок, особое внимание уделяется определению значимых условий такого договора [1]. От правильности формулировки и согласования этих условий напрямую зависят законность сделки, защита интересов сторон и снижение риска возникновения судебных разбирательств. Хотя законодательство детально регулирует эту сферу (Гражданский кодекс РФ), правоприменительная практика часто сталкивается с трудностями, вызванными двусмысленностью трактовки некоторых положений — таких как описание предмета договора, стоимость недвижимости, её качество, а также особые правила проведения сделок с жильём. Поэтому всесторонний анализ ключевых условий договоров купли-продажи недвижимости, охватывающий доктринальные концепции, недостатки правового регулирования и судебную практику, имеет высокую ценность как с научной, так и с прикладной точек зрения. Исследование актуально ещё и потому, что оно направлено на улучшение законодательства в области торговли недвижимым имуществом, уточняя критерии оценки качества объектов и механизмы защиты прав потребителей.

Прежде чем переходить к другим важным аспектам договора купли-продажи недвижимости, важно разобраться с самим понятием «существенных условий». Термин «существенный» происходит от латинского слова, означающего «основной», «корневой». По сути, это ключевые элементы, без которых сделка теряет смысл. Именно поэтому закон строго определяет, что договор будет считаться заключённым лишь тогда, когда стороны достигнут соглашения обо всех существенных условиях (ч. 1 ст. 432 Гражданского кодекса РФ).

По смыслу пункта 1 статьи 549 ГК РФ [2], договор купли-продажи недвижимости предусматривает обязанность продавца передать объект недвижимости (земельный участок, дом, квартира и пр.) в собственность покупателя. Важнейшей особенностью сделки является конкретный характер передаваемого объекта и необходимость соблюдения специальных процедур регистрации прав на недвижимость.

Российское законодательство обязует включать в договор купли-продажи недвижимости подробную характеристику продаваемого объекта, достаточную для точной идентификации недвижимости. Отсутствие необходимых характеристик делает договор недействительным. Для упрощения процедуры сейчас чаще всего используется

кадастровый номер, позволяющий однозначно идентифицировать объект и избежать возможных конфликтов. Впрочем, юристы подчеркивают, что даже если договор содержит недостаточные сведения для полной индивидуализации объекта, но эти детали присутствуют в сопутствующих документах (например, передаточном акте), сам договор нельзя признать незаключённым.

Таким образом, субъекты правоотношений обладают правомочием заблаговременно заключить соглашение относительно приобретения объекта недвижимого имущества до момента окончания строительных работ и формального присвоения указанному объекту кадастрового номера [3]. Центральным элементом любого договора купли-продажи выступает предмет договора, точное описание которого подлежит строгому нормативному регулированию. В случае отсутствия детальной фиксации характеристик предмета сделки признаётся недействительной ввиду несоблюдения требований законодательства. Анализ судебной и договорной практики выявляет ряд общепринятых признаков, позволяющих идентифицировать объекты недвижимости, среди которых выделяются тип строения, адрес расположения, этажность и иные значимые признаки. Нестандартные подходы используются главным образом применительно к объектам незавершённого строительства либо будущим объектам недвижимости, предполагающим необходимость определения участка застройки, примерной площади и иных индивидуальных свойств будущего сооружения.

Кроме того, существенным условием любой сделки купли-продажи недвижимости служит стоимость объекта, определяемая двумя основными методами: путем установления твердой денежной суммы или посредством расчета исходя из величины удельной стоимости единицы площади (иных измеримых показателей) [4]. Допускается также фиксация цены в рублях, эквивалентных сумме, выраженной в иностранной валюте или условных денежных единицах, с осуществлением пересчета по установленному официальному курсу соответствующей валюты или расчетной единицы на дату исполнения обязательства, если сторонами не предусмотрен иной порядок определения стоимости. Состав и структура существенных условий договора зависят от специфики передаваемого объекта недвижимости. Например, в ситуации передачи жилого помещения, занимаемого гражданами, обладающими правом проживания независимо от смены собственника, обязательна детализированная информация о зарегистрированных лицах и четкое закрепление объема их прав на пользование указанным объектом недвижимости в силу пункта 1 статьи 558 Гражданского кодекса Российской Федерации [5].

Помимо основного существенного элемента любого юридического акта — предмета договора, значительное внимание уделяется прочим юридически обязательным элементам, прямо обозначенным в нормативной документации федерального уровня или инициированным

сторонами сделки. В частности, законодательство устанавливает обязательное закрепление стоимостных характеристик объектов недвижимого имущества, охватывая цену земельного участка вместе с возведенными строениями (зданиями и сооружениями), если иное специально не предусмотрено законом или договором [7]. Данный порядок обусловлен принципом юридической нераздельности земельных участков и расположенных на них недвижимых объектов, который предусматривает единый правовой режим указанных компонентов.

Кроме того, обязательно раскрытию подлежат такие важные условия сделок, как информация о лицах, обладающих правом постоянного пользования жильем даже после отчуждения последнего собственником, включая несовершеннолетних членов семьи продавца¹. Подобные аспекты требуют предварительного одобрения компетентными государственными учреждениями, такими как органы опеки и попечительства, когда речь идет о правах малолетних. Отдельную категорию представляют собой требования относительно оценки технического состояния недвижимости, где необходима четкая дифференциация между дефектами существенными и несущественными, с определением критериев первых в целях обеспечения надлежащего правового регулирования соответствующих договоренностей.

Особо следует отметить актуальность научного осмысления вопроса и перспективность дальнейших исследований в сфере формирования эффективных методов регламентации сделок с куплей-продажей, направленных на улучшение защиты прав и законных интересов участников сделки.

Практическая реализация сделок купли-продажи сопряжена с множественными нюансами и потенциальными сложностями, характерными для субъектов данного правоотношения. Каждая подобная транзакция отличается индивидуальной специфичностью и требует детального анализа особенностей, позволяющего предупредить возможные конфликты и коллизии правоприменительной практики в будущем. Частые затруднения обусловлены рассогласованностью ожиданий контрагентов, недостаточной степенью правовой компетентности составленных документов, отсутствием должной предконтрактной координации действий и верификационных процедур.

Ключевое значение приобретает проблема недостаточности осведомленности покупателей касательно фактического состояния предмета приобретения [7; 8]. Часто субъекты сделки пренебрегают проведением объективного мониторинга характеристик объекта, что ведёт к выявлению латентных недостатков, потребностям в срочном ремонте, наличию обременений правового характера либо ареста имущества. Учитывая значительную финансовую емкость данной категории операций, настоятельно

рекомендуется проведение комплексной юридической экспертизы, включающей тщательное изучение всей сопутствующей объекту документации.

Отдельное внимание заслуживает ситуация, возникающая вследствие отсутствия ясности формулировок прав и обязанностей участников сделки. Это создаёт условия для двусмысленного толкования положений договора и последующих судебных разбирательств. Примером служит неясность в установлении сроков исполнения обязательств по передаче предмета новому собственнику либо уточнении порядка эксплуатации объекта после заключения сделки. С целью минимизации рисков участникам необходимо заблаговременно достичь согласия по вопросам фиксации момента перехода права собственности, порядку осуществления расчетов и другим существенным условиям договора, выступающим источниками возможных претензий.

Не менее важной представляется детализация порядка совершения финансовых расчетов между сторонами. Современная практика предлагает различные способы оплаты (единовременный платеж, поэтапная оплата и пр.), отличающиеся индивидуальными характеристиками преимуществ и угроз [9]. Рациональным решением будет заранее установленная форма расчета, обеспечивающая прозрачность взаимоотношений и исключение возможности разночтений [10].

Резюмируем, что успешность завершения сделки купли-продажи определяется уровнем учета значимых обстоятельств и аспектов юридического сопровождения процедуры, качеством разработки контрактных условий и подготовкой нормативных документов. Такой подход позволяет эффективно минимизировать риски возникновения юридических конфликтов и обеспечивает продуктивную коммуникацию между участниками сделки, необходимую для успешного достижения цели.

Подводя итог, целесообразно акцентировать внимание на значимости исследования особенностей правового регулирования процесса заключения договора купли-продажи в Российской Федерации, поскольку оно позволяет углубленно осмыслить специфику национального правового порядка, принципы функционирования гражданской сферы обращения имущества и социокультурные детерминанты, влияющие на оформление юридических актов внутри страны. Хотя базовые положения данного института внешне выглядят универсальными, каждая юрисдикция обладает уникальными правовыми традициями и локально обусловленными особенностями, учет которых необходим при осуществлении трансграничной коммерческой деятельности.

На территории Российской Федерации правоотношения сторон, возникающие вследствие реализации договоров купли-продажи, регламентируются нормами Гражданского кодекса Российской Федерации. Согласно

¹ Применимо в случае заключения купли-продажи недвижимости.

действующему законодательству, допускается автономия воли участников в выборе формализованной структуры соглашения, однако установлена обязательность письменной формы применительно к сделкам, предметом которых является недвижимость, и договорам на сумму, превышающую законодательно установленный лимит. К характерным чертам отечественной модели контрактного права относится требование четкого закрепления цены объекта продажи или алгоритма её дальнейшего исчисления исходя из оговоренных сторонами условий.

Помимо классического способа разрешения конфликтных ситуаций посредством судебных инстанций, широкое распространение получила практика внесудебного примирительного производства — заключение мирового соглашения между участниками спора. Возможность гибкой адаптации содержания контракта к конкретным обстоятельствам хозяйственной деятельности создает предпосылки для упрощения коммерческого взаимодействия субъектов рынка и ускорения ведения предпринимательской деятельности.

Литература:

1. Чиликина В.В. Существенные условия договора продажи недвижимости в РФ // Вестник магистратуры. 2025. №8 (167). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschestvennyye-usloviya-dogovora-prodazhi-nedvizhimosti-v-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 06.04.2026).
2. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Сацкевич Т.К. Права человека и принцип разделения государственной власти в РФ: теоретические вопросы взаимосвязи: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — С. 95.
4. Дадаян Е.В. К вопросу о способах (порядке) расчетов по договору купли-продажи недвижимости // Евразийский юридический журнал. — 2024. — № 8 (195). — С. 143-144.
5. Хайрудинова Н.Т. Правовое регулирование договора купли-продажи недвижимости // Инноватика в современном мире: опыт, проблемы и перспективы развития. Сборник статей научно-практической конференции. — Уфа. — 2024. — С. 21-24
6. Талапкерев Е.М., Ондасынов А.К. Понятие договора купли-продажи недвижимости // Молодой исследователь: вызовы и перспективы. Сборник статей научно-практической конференции. — М. — 2024. — С. 302-304
7. Елизаров А.И. Актуальные проблемы заключения договора купли-продажи недвижимости // Закон. Право. Государство. — 2024. — № 4. — С. 173-175;
8. Нестерчук И.С. Договор купли-продажи недвижимости: проблемы теории и практики // Социально-экономические и гуманитарные исследования в современном мире: сборник статей научной конференции. — Санкт-Петербург. — 2024. — С. 60-61
9. Михайленко Е.М. Гражданское право. Общая часть. — М.: Юрайт. — 2023. — 391 с.
10. Сацкевич Т.К. О понятии и сущности прав человека в контексте взаимосвязи права объективного и субъективного // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. 2007. №3. — С.18-19.

Признание права как самостоятельный способ защиты: проблемы теории и судебной практики

Осипова Ольга Сергеевна, студент магистратуры
Сочинский государственный университет (Краснодарский край)

В статье рассматривается признание права в системе способов защиты гражданских прав, предусмотренных ст. 12 ГК РФ. Обосновывается самостоятельный характер признания права, разграничиваются констатационные, преобразовательные и исполнительные требования, анализируются проблемы выбора надлежащего способа защиты, определения ответчика, соотношения судебного признания права и государственной регистрации, применения исковой давности и исполнимости судебных актов. На основе положений ГК РФ, АПК РФ, ГПК РФ и разъяснений высших судов формулируются выводы о пределах самостоятельности признания права и направлениях совершенствования законодательства.

Ключевые слова: признание права, способы защиты гражданских прав, иск о признании, судебная защита, государственная регистрация прав, судебная практика.

В ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) признание права названо первым среди способов защиты гражданских прав [1]. Это под-

чёркивает его большое значение для правопорядка. В доктрине нет единства в понимании того, является ли признание права самостоятельным способом защиты или оно

представляет собой лишь общую предпосылку для применения иных способов, например восстановления положения, существовавшего до нарушения права, или присуждения к исполнению обязанности в натуре.

Сторонники широкого подхода рассматривают признание права как универсальное охранительное притязание, которое сопутствует любому спору о праве [6, с. 78]. Сторонники узкого подхода полагают, что признание права имеет самостоятельное значение лишь тогда, когда целью истца является устранение неопределённости в праве, а не принудительное изменение состояния [8, с. 112]. Представляется, что признание права следует рассматривать как самостоятельный способ защиты, обладающий собственным предметом, основанием и юридическим эффектом. Однако его самостоятельность не абсолютна: в ряде случаев признание права выступает необходимой предпосылкой для последующей регистрации права, восстановления владения или устранения препятствий.

Стоит сказать, что признание права как охранительное требование направлено на подтверждение судом существования или отсутствия субъективного права либо

юридического отношения. Решение суда по такому требованию носит подтверждающий характер: оно не создаёт нового права, а лишь устраняет сомнения и неопределённость, имеющие юридическое значение. По этой причине признание права не требует принудительного исполнения в обычном смысле, поскольку ответчик не присуждается к совершению каких-либо действий или к воздержанию от них.

Но это не означает, что признание права лишено практического эффекта. Напротив, судебное решение о признании права может служить основанием для государственной регистрации права, для внесения изменений в реестр, для последующего истребования имущества или для защиты против необоснованных притязаний третьих лиц. В этом выражается двойственная природа признания права: с одной стороны, оно самостоятельно как способ защиты, с другой — нередко выполняет служебную функцию по отношению к иным способам.

Наиболее трудным в теории и практике является разграничение признания права, виндикационного и негаторного исков, что отражено в таблице 1.

Таблица 1. Критерии разграничения признания права и смежных способов защиты

Критерий	Признание права	Виндикационный иск	Негаторный иск
Цель	Устранение неопределённости в праве	Возврат владения	Устранение препятствий в пользовании
Владение истца	Сохраняется	Утрачено	Сохраняется
Ответчик	Лицо, оспаривающее право	Незаконный владелец	Нарушитель права
Исполнение	Не требует принудительного исполнения	Требует принудительного исполнения	Требует принудительного исполнения
Регистрация	Служит основанием для регистрации	Может служить основанием	Может служить основанием
Исковая давность	К требованию о признании не применяется	Применяется	Применяется

Если истец владеет имуществом, но право на него зарегистрировано за ответчиком, надлежащим способом защиты является иск о признании права. Если же истец утратил владение, то он должен предъявлять виндикационный иск, поскольку признание права само по себе не возвращает вещь. Если истец владеет имуществом, но ответчик создаёт препятствия в пользовании, применяется негаторный иск.

Эти правила закреплены в п. 58 и 59 постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» [4]. Согласно этим разъяснениям, иск о признании права подлежит удовлетворению, если истец докажет наличие у него соответствующего права, а ответчик это право оспаривает. При этом регистрирующий орган не является надлежащим ответчиком по такому иску, если только требование не связано с обжалованием его действий.

Первая проблема связана с выбором ненадлежащего способа защиты. Истцы нередко скрывают виндикационные или негаторные требования под иски о признании права, что влечёт отказ в удовлетворении заявленных требований. Суды в таких случаях указывают, что признание права не может подменять собой требование о возврате имущества или об устранении препятствий.

Вторая проблема касается определения ответчика. Если право истца никем не оспаривается, а имеется лишь неопределённость в реестре, требуется не исковое, а иное производство, например определение факта, имеющего юридическое значение. Если же спор о праве отсутствует, но истец пытается получить судебное подтверждение права для упрощения регистрации, суд может оставить заявление без рассмотрения или отказать в иске.

Третья проблема — соотношение признания права и государственной регистрации. Согласно ст. 8.1 ГК РФ, государственная регистрация права не создаёт право, а лишь подтверждает его существование [1]. Поэтому за-

пись в реестре сама по себе не является бесспорным доказательством права, а решение суда о признании права выступает основанием для внесения записи. Тем не менее на практике возникают трудности, когда ответчик уже распорядился имуществом в пользу третьего лица; тогда признание права может затрагивать права добросовестного приобретателя и требовать применения специальных правил о виндикации [4].

Четвёртая проблема — применение исковой давности. По общему правилу требование о признании права не ограничивается исковой давностью, поскольку оно направлено на подтверждение существующего права, а не на восстановление нарушенного. Однако если признание права соединено с требованием о возврате имущества или о взыскании убытков, исковая давность применяется к соответствующим исполнительным требованиям.

Пятая проблема — исполнимость судебных решений о признании права. Такие решения не подлежат принудительному исполнению, но могут требовать совершения регистрационных действий. Если регистрирующий орган отказывает во внесении записи на основании решения суда, заинтересованное лицо вправе обжаловать отказ в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством [2; 3].

Шестая проблема — злоупотребление правом на признание. Недобросовестные участники оборота иногда используют иски о признании для пересмотра давностных споров, обхода правил о виндикации или создания видимости законного владения. Судебная практика вырабатывает критерии разграничения добросовестного и недобросовестного поведения, однако единый подход ещё не сформирован [5].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о признании права как способе защиты в корпоративных, обязательственных и исключительных правоотношениях. В корпоративных спорах признание права на долю в уставном капитале, на акции или на участие в управлении может быть самостоятельным требованием, если

ответчик оспаривает принадлежность корпоративного права.

В обязательственных отношениях признание права требования используется для подтверждения существования договорного права, например права на получение имущества по предварительному договору.

В сфере интеллектуальной собственности признание исключительного права позволяет устранить неопределённость в отношении автора или правообладателя. Во всех этих случаях признание права сохраняет подтверждающий характер, но его юридические последствия могут быть различными: от регистрации права до возможности предъявления последующих исполнительных требований.

При этом признание права является самостоятельным способом защиты гражданских прав, поскольку имеет собственный предмет — устранение юридической неопределённости, собственное основание — оспаривание или нарушение права, и собственный юридический эффект — подтверждение права судом. Самостоятельность признания права не исключает его связи с иными способами защиты: в одних случаях оно выступает единственным достаточным средством защиты, в других — необходимой предпосылкой для регистрации или последующего восстановления владения.

Основными проблемами теории и практики, таким образом, остаются разграничение признания права с виндикационными и негаторными требованиями, определение надлежащего ответчика, соотношение судебного акта и государственной регистрации, применение исковой давности и предотвращение злоупотреблений.

Для совершенствования правового регулирования целесообразно уточнить в ГК РФ критерии самостоятельности признания права, закрепить процессуальные особенности рассмотрения таких дел и определить пределы обязательности судебного признания для регистрирующих органов. Это позволит повысить эффективность судебной защиты и снизить риск подмены одних способов защиты другими.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2010. — № 7.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2015. — № 8.
6. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. — Москва: Статут, 2001. — 410 с.
7. Гражданское право: учебник: в 4 т. / под ред. Е. А. Суханова. — Москва: Статут, 2019. — Т. 1. — 576 с.

8. Иоффе, О. С. Советское гражданское право / О. С. Иоффе. — Москва: Статут, 1967. — 494 с.
9. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. — Москва: Статут, 2005. — 461 с.

Самозащита гражданских прав: пределы допустимого воздействия на нарушителя в условиях цифровой среды

Осипова Ольга Сергеевна, студент магистратуры
Сочинский государственный университет (Краснодарский край)

В статье исследуются пределы самостоятельного воздействия на нарушителя гражданских прав в цифровой среде. Автор анализирует нормы ГК РФ, законодательства об информации, персональных данных, связи и практику судов. Разграничены меры, направленные на прекращение нарушения, и меры, которые затрагивают имущество, личность или данные нарушителя. Обосновано, что правомерность зависит от факта нарушения, его опасности, выбранного способа, тяжести последствий и наличия менее обременительных средств. Рассмотрены риски: ограничение законного контента, раскрытие персональных данных, нарушение тайны связи, повреждение устройств, ущемление прав третьих лиц. Предложены правила оценки самозащиты в онлайн-среде и направления развития законодательства.

Ключевые слова: самозащита, гражданские права, цифровая среда, нарушитель, пределы воздействия, соразмерность, добросовестность, злоупотребление правом, персональные данные, информационная безопасность.

Самозащита гражданских прав является одним из способов защиты, предусмотренных ст. 12 и 14 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1]. Она предполагает совершение управомоченным лицом действий реального или юридического характера, направленных на пресечение нарушения или восстановление нарушенного права, без обращения к суду или иному органу. В цифровой среде такие действия приобретают новые формы: ограничение доступа к сайту, удаление противоправного контента, блокировка аккаунта, фильтрация сообщений, применение антифрода, ответные технические меры, публикация опровержений [2; 3; 4].

В цифровой среде нарушитель может находиться в другом государстве, действовать анонимно, использовать цепочку посредников. Поэтому потерпевший нередко прибегает к самостоятельным мерам: направляет жалобу провайдеру, администратору домена, оператору связи, требует удаления данных, ограничивает доступ к ресурсу, применяет программные средства блокировки [2; 7, с. 125–127]. Такие меры способны быть эффективными, однако они же создают опасность самосуда и внеправового воздействия.

Пределы допустимого воздействия можно разделить на несколько групп. Первая — правовые пределы. Они вытекают из ст. 10 и 14 ГК РФ, специальных законов и заповестей уголовного закона [1; 5; 6; 7, с. 120–123]. Недопустимы самовольное проникновение в чужую информационную систему, блокирование сервиса, уничтожение или изменение данных, если эти действия не основаны на законе. Ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) предусматривает ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации, ст. 273 — за создание вредоносных программ, ст. 274 — за нарушение правил эксплуатации средств хранения, обра-

ботки или передачи информации [6]. Поэтому техническая ответная мера не должна превращаться в кибератаку.

Вторая — это содержательные пределы. Воздействие допустимо лишь при наличии нарушения либо реальной угрозы. Потерпевший не вправе ограничивать доступ к информации, если она является законной, но неудобной, критической или невыгодной. Публичная критика, отзыв, негативная оценка сами по себе не дают основания для блокировки. Нельзя использовать самозащиту для подавления конкуренции, расправы с оппонентом, сведения счетов [5]. Судебная практика исходит из того, что реализация права не должна причинять вред другим лицам сверх того, что необходимо для защиты.

Третья — процедурные пределы. Даже при наличии нарушения желательно сначала использовать официальные механизмы: уведомление нарушителя, обращение к платформе, подача жалобы в Роскомнадзор, судебный иск [2; 4; 7, с. 130–132]. Самостоятельные меры допустимы, когда промедление способно сделать защиту неэффективной. Например, при распространении персональных данных, вредоносного кода, мошеннических объявлений потерпевший может потребовать удаления контента. Тем не менее он не должен подменять орган власти и самостоятельно наказывать нарушителя [2; 3].

Четвертая группа является техническими пределами. Программные фильтры, блокировщики, антивирусы, средства мониторинга должны работать в рамках закона и не нарушать права третьих лиц. Массовая рассылка ответных сообщений, перегрузка канала связи, эксплуатация уязвимостей чужого сервера не могут считаться самозащитой. Они образуют самостоятельное правонарушение [6]. Кроме того, цифровые следы легко подделать, поэтому потерпевший обязан сохранять доказательства:

скриншоты, логи, уведомления, переписку, заключения специалистов [7, с. 135–137].

Пятая группа — это этические пределы. Воздействие не должно унижать человеческое достоинство, раскрывать лишние сведения, создавать угрозу безопасности. Публичное обвинение нарушителя до решения суда может обернуться клеветой. Поэтому необходимо соблюдать нейтральный тон, не превращать защиту в травлю [5].

Стоит отметить, что отдельную проблему составляет анонимность. Потерпевший не всегда знает, кто нарушил право. Воздействие на посредника, платформу или хостинг может затронуть добросовестных пользователей. Требование соразмерности требует, чтобы выбранная мера была наименее обременительной из доступных. Если возможна блокировка отдельного материала, нельзя блокировать весь ресурс. Если достаточно опровержения, нельзя удалять весь аккаунт [2; 5].

Судебная практика по спорам о самозащите в цифровой среде пока не отличается единообразием. Суды оценивают:

1. Имело ли место нарушение;
2. Какие меры принял потерпевший;
3. Были ли они необходимыми и достаточными;
4. Не превысил ли он пределы;
5. Не пострадали ли третьи лица [5; 7, с. 140–142].

Если лицо использует самозащиту для ограничения доступа к законной информации, его действия могут быть

признаны злоупотреблением правом. В таком случае возможны требования о возмещении убытков, компенсации морального вреда, опровержении сведений [1; 5].

Тем самым совершенствование механизмов самозащиты связано с несколькими направлениями. Нужны ясные правила для платформ: сроки рассмотрения жалоб, мотивированные решения, возможность обжалования. Из этого можно сделать вывод, что целесообразно развивать внесудебные процедуры: медиацию, арбитраж онлайн, уведомления о нарушении. Следует также закрепить в законе критерии соразмерности технических мер. Полезны разъяснения и высших судов о допустимых формах воздействия на нарушителя. И кроме того, необходимо повышать цифровую грамотность граждан, чтобы они не становились ни жертвами, ни нарушителями [2; 4].

Таким образом, самозащита гражданских прав в цифровой среде остается необходимым, но рискованным инструментом. Ее пределы определяются законом, существом нарушения, соразмерностью, добросовестностью и уважением к правам других лиц. Допустимое воздействие на нарушителя не должно превращаться в произвольную расправу, кибератаку или ограничение законной информации. Баланс между защитой права и недопустимостью злоупотребления достигается через ясные процедуры, судебный контроль и ответственное поведение платформ.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. I). — Ст. 3448.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. I). — Ст. 3451.
1. Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» // Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 28. — Ст. 2895.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2015. — № 8.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
4. Сергеев, Ю. Д. Медицинское право: учебник / Ю. Д. Сергеев, С. В. Ерофеев. — Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2018. — 784 с.

Современные правовые подходы к пониманию предпринимательской деятельности

Папсуев Дмитрий Митрофанович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Данная публикация посвящена изучению сущности предпринимательской деятельности исходя из эволюции развития самого предпринимательства во времена становления Российской Федерации.

Ключевые слова: научные концепции истории права, сущность предпринимательства, цивилистическая концепция, хозяйственно-правовая концепция, концепция предпринимательского права.

Становление предпринимательской деятельности представляет собой многогранный и противоречивый процесс. В текущих социально-экономических реалиях предпринимательство выступает ключевым институтом, определяющим развитие не только рыночной системы, но и гражданского общества, оказывая комплексное влияние на все аспекты его функционирования. Длительный запрет на предпринимательскую деятельность в советский период привело к исключению понятия «предпринимательство» из научного оборота и хозяйственной практики в нашей стране. Однако с переходом России к рыночной экономике данный термин закономерно переместился в фокус внимания академического сообщества, бизнес-структур и медиапространства. На деятельность предпринимателя возлагаются ожидания, связанные с восстановлением промышленного потенциала, корректировкой внешнеполитического курса, внедрением стандартов деловой этики и формированием институтов, обеспечивающих общественную стабильность. Столетний опыт эволюции хозяйственно-правовой доктрины свидетельствует о том, что вопросы нормативного обеспечения предпринимательства остаются фундаментальным вектором современной юридической науки.

В современной юридической литературе можно выделить три основные теории (научные концепции) предпринимательского права. Согласно господствующей теории, предпринимательское право рассматривается как составная часть гражданского права, что подтверждается трудами таких ученых, как Е. А. Суханов, М. И. Брагинский, В. В. Витрянский, В. П. Мозолин и В. А. Белов. В цивилистическом подходе преобладает позиция, согласно которой предпринимательское право лишено собственной специфики в части предмета, метода и фундаментальных принципов правового регулирования, отличных от общегражданских. Сторонники данной научной школы придерживаются позиции, согласно которой коммерческое право является неотъемлемой частью гражданского права. В качестве предмета регулирования ими выделяется коммерческая деятельность, в связи с чем нормативные дефиниции, закрепленные в Гражданском кодексе РФ, признаются исчерпывающими и не требующими дополнений [5]. Так, согласно ГК РФ, «предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг» [1].

Концепция предпринимательского права как обособленной правовой отрасли находит свое отражение в трудах представителей хозяйственно-правовой школы, в частности В. В. Лаптева, В. К. Мамутова, В. С. Мартемьянова, Г. М. Свердлова, В. С. Тадевосяна и других ученых. В. В. Лаптев отмечает, что при переходе

к рыночной экономике ощутимо повышается роль хозяйственного права, которое становится правом предпринимательской деятельности [6]. Выходит, что понятия «хозяйственное право» и «предпринимательское право» — синонимы со всеми вытекающими отсюда научными выводами. Представители теории предпринимательского права традиционно выделяют предмет и особый метод правового регулирования единых предпринимательских отношений.

Данный подход вызывает возражения не только у представителей цивилистической школы, зачастую апеллирующих к классическим аргументам прошлых лет, но и внутри самого сообщества сторонников теории хозяйственного права. В частности, В. К. Мамутов занимает более широкую позицию, включая в предмет хозяйственного права не только предпринимательство, но и иные виды хозяйственной деятельности [8].

Ряд современных ученых также придерживаются аналогичной точки зрения, рассматривая предпринимательское право в качестве самостоятельной отрасли права. Так, в учебнике по предпринимательскому праву прямо отмечается, что предпринимательское право есть отрасль права и в этом качестве оно (право) представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих однородные общественные отношения [3].

Согласно данной теории, предпринимательская деятельность — «это разновидность хозяйственной деятельности, обладающая дополнительным признаком — направленностью на систематическое получение прибыли» [5, с. 87]. То есть хозяйственная деятельность первична и шире предпринимательской, хозяйственная деятельность может быть представлена деятельностью некоммерческих и социально-культурных организаций.

Третья теория «предпринимательское право как комплексная отрасль (образование)» базируется на исходных взглядах ученых, которые наряду с первичными структурами права (такими как конституционное, административное, гражданское, процессуальное и др.) указывают на существование вторичных, третичных правовых образований. О комплексном (межотраслевом) характере предпринимательского права пишут В. С. Белых, Е. П. Губин, П. Г. Лахно и др. [4]. Будучи комплексной отраслью, предпринимательское право регулирует особого рода отношения в сфере предпринимательства. Данные отношения образуют так называемое «предметное единство». Эти отношения весьма специфичны, взаимосвязаны, выступают в единстве, составляя предмет комплексной интегрированной отрасли предпринимательского права [7].

Сторонники данной теории принимают легальное определение ст. 2 ГК РФ, но трактуют его в контексте комплексного регулирования: «Предпринимательская деятельность — это самостоятельная, осуществляемая на

свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в установленном законом порядке — деятельность, порождающая потребность в комплексном (частноправовом и публично-правовом) регулировании» [2].

Анализ различных подходов к определению предпринимательского права и самой предпринимательской деятельности выявляет существенные расхождения между научными школами. Эти различия касаются не только концептуального понимания природы предпринимательства, но и интерпретации его ключевых квалифицирующих признаков.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/. — Текст: электронный.
2. Гаджиева Х. И. Предпринимательское право. Учебное пособие (Курс лекций) для направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция, профиля «Гражданское право». Махачкала: ДГУНХ, 2019. 358 с.
3. Предпринимательское право. Правовое сопровождение бизнеса = Правовое сопровождение бизнеса: учебник для магистров / [Ершова И. В., Аганина Р. Н., Андреев В. К. и др.]; ответственный редактор И. В. Ершова; Министерство образования и науки Российской Федерации, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Москва: Проспект, 2018. 848 с.
4. Предпринимательское право: учебник / [В. С. Белых и др.]; отв. ред. В. С. Белых; Уральская гос. юридическая акад. Москва: Проспект, 2009. 649 с.
5. Предпринимательское право: учебное пособие в схемах, таблицах и определениях. В 2 ч. Ч. 1 / А. И. Фролов. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. 180 с.
6. Предпринимательское (хозяйственное) право: учебник / [Вознесенская Н. Н. и др.]; под ред. В. В. Лаптева и С. С. Занковского. Москва: Волтерс Клувер, 2006. 538 с.
7. Российское предпринимательское право. Учебник / В. С. Белых. Проспект, 2022 284 с.
8. Хозяйственное право: Учебник / В. К. Мамутов, К. С. Хахулина, Г. Л. Знаменский и др.; Предисл. Послеслов. В. К. Мамутов]; Под ред. Мамутова В. К.; М-во науки и образования Украины. Ин-т экономико-правовых НАН Украины. Киев: Юринком Интер, 2002. 910 с.

Правовые механизмы стимулирования работодателей к трудоустройству граждан, нуждающихся в особой социальной защите: проблемы и направления совершенствования

Пасевич Елизавета Алексеевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Исследовано соотношение квотирования и финансовых стимулов трудоустройства граждан, которые испытывают трудности в поиске работы. На базе федерального и саратовского законодательства, а также научной литературы и судебной практики выявлены проблемы согласованности мер и предложены способы поддержки занятости в работе обосновывается необходимость перехода от учета факта приема на работу к оценке устойчивости трудовых отношений, дифференциации компенсационных мер и согласования федеральных и региональных инструментов, а также предлагаются направления совершенствования правового регулирования, учитывающие интересы работников, работодателей и публичной власти.

Ключевые слова: занятость населения, трудовое право, стимулирование работодателей, квотирование, субсидия, инвалиды, устойчивость занятости, социальная защита, субсидирование найма.

Legal mechanisms for encouraging employers to hire persons requiring special social protection: problems and directions for improvement

The relationship between quotas and financial incentives for employing citizens who have difficulty finding work has been examined. Based on federal and Saratov legislation, as well as scientific literature and judicial practice, problems with the consistency of

measures have been identified, and ways to support employment have been proposed. The necessity of moving from merely recording the fact of employment to assessing the stability of labor relations, differentiating compensation measures, and harmonizing federal and regional instruments is substantiated. In addition, directions for improving legal regulation that take into account the interests of employees, employers, and public authorities are proposed.

Keywords: *employment, labor law, employer incentives, quota, subsidy, people with disabilities, employment stability, social protection, hiring subsidies.*

Государственное содействие занятости граждан, нуждающихся в особой социальной защите, традиционно рассматривается через гарантии лица, ищущего работу: доступ к услугам службы занятости, профессиональному обучению и содействию в трудоустройстве. Однако в первую очередь от решения работодателя зависит эффективность гарантий, которые дает государство, ведь если есть подготовленный соискатель, и свободная вакансия это не устраняет экономические, правовые и организационные риски, связанные с приемом и профессиональной адаптацией такого соискателя. Поэтому исследование законодательства о занятости требует постановки самостоятельного вопроса: какие способы публично-правового воздействия делают трудоустройство граждан, испытывающих трудности в поиске работы, не только формальной обязанностью, но и обоснованным кадровым решением работодателя?

Обозначенная проблема приобрела новое содержание после принятия Федерального закона от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации», данный закон выделяет граждан, испытывающих трудности в поиске работы: в частности, инвалидов, несовершеннолетних, граждан предпенсионного возраста, освобожденных из учреждений, исполняющих наказание, отдельных выпускников и родителей с семейными обязанностями [1]. При этом законодательная принадлежность к такой категории не создает автоматического права работодателя на получение любой меры финансовой поддержки. Условия квотирования, возмещения расходов и субсидирования определяются самостоятельными нормативными актами. Следовательно, для правовой оценки существенна не только социальная характеристика гражданина, но и юридическая конструкция конкретного инструмента содействия его занятости.

В научной литературе также отсутствует основание сводить механизм содействия занятости к одному квотированию. Т. В. Ерохина показывает значение региональных различий в регулировании квоты и обращает внимание на необходимость упорядочения соответствующих норм [13]. А. В. Серова и А. В. Калёных, анализируя новеллы законодательства, обосновывают целесообразность усиления профессионального обучения и повышения квалификации инвалидов наряду с квотированием [14]. Сопоставление этих позиций позволяет сделать вывод, что проблема имеет два уровня: согласованность обязанностей работодателя и фактическое устранение препятствий, затрудняющих трудоустройство конкретного лица. Наличие квоты решает лишь часть второй задачи.

Представляется необходимым разграничивать стимулирование работодателя в узком и широком смысле. В узком смысле речь идет о положительном юридически обусловленном преимуществе, предоставляемом за социально значимое действие: субсидии, компенсации расходов, организационной поддержке, в широком смысле система воздействия включает также обязывающие правила квотирования и меры юридической ответственности. Последние не являются поощрением по своей правовой природе, однако способны влиять на кадровую политику работодателя. Такое разграничение исключает распространенную логическую ошибку, при которой квоту и субсидию относят к однородным «стимулам», не учитывая различий между обязанностью и правом на получение финансовой поддержки.

Федеральный механизм квотирования для инвалидов закреплен статьей 38 Закона № 565-ФЗ и конкретизирован постановлением Правительства Российской Федерации от 30 мая 2024 г. № 709 [1; 2]. Правила предусматривают расчет количества работников, подлежащих трудоустройству в счет квоты, а также различные юридически допустимые способы ее выполнения, наряду с заключением трудового договора непосредственно у обязанного работодателя допускается исполнение предусмотренных законом условий через соглашение с иной организацией или индивидуальным предпринимателем. Тем самым законодатель стремится учитывать неодинаковые возможности работодателей по созданию специальных условий труда. Однако оценка исполнения квоты не должна подменять оценку того, действительно ли инвалид получил доступ к устойчивому и подходящему труду.

Экономическое стимулирование строится на иной правовой основе. Приказом Социального фонда России от 29 декабря 2024 г. № 2714 утвержден порядок предоставления субсидии на государственную поддержку стимулирования найма отдельных категорий граждан [3]. В данном случае объектом компенсации выступают затраты на оплату труда работника, соответствующего условиям программы, а получение средств зависит от соблюдения работодателем специальных требований. Выплаты, распределенные по контрольным периодам после трудоустройства, связывают финансовую выгоду не только с самим заключением трудового договора, но и с сохранением занятости в течение предусмотренного времени. При этом условия программы нельзя переносить на все категории граждан, перечисленные в Законе № 565-ФЗ: круг субсидируемых работников определяется специальным актом.

Другую задачу решает приказ СФР от 29 декабря 2024 г. № 2712, предусматривающий возмещение затрат на создание и оборудование рабочих мест для трудоустройства инвалидов [4]. Здесь публичная поддержка направлена не на стоимость труда как такового, а на устранение материальных препятствий к его осуществлению. Оборудование, специальная мебель, технические приспособления и приспособление рабочего места к индивидуальным потребностям могут потребовать расходов еще до получения работодателем практического результата от нового найма. Различная экономическая природа субсидий подтверждает необходимость индивидуального подхода к определению объема и условий предоставления компенсации. Универсальная денежная выплата не заменяет компенсацию фактически необходимых адаптационных затрат.

Региональное законодательство позволяет проследить взаимодействие обязательных и поощрительных моделей. В Саратовской области действуют Закон от 28 февраля 2005 г. № 20-ЗСО об установлении квоты для приема инвалидов и Закон от 3 декабря 2014 г. № 143-ЗСО о квотировании рабочих мест для отдельных категорий граждан [5; 6]. После изменений, внесенных Законом от 24 декабря 2025 г. № 102-ЗСО и вступивших в силу с 1 сентября 2026 г., в круг адресатов второй квоты включены ветераны боевых действий; законодатель одновременно уточнил положение о молодых выпускниках и периодичность представления сведений [7]. Эти два региональных режима различаются по адресатам и юридическим основаниям. Поэтому их нельзя анализировать как одну квоту, хотя оба регулируют кадровое поведение работодателя.

Согласно Закону № 143-ЗСО работодателям с численностью работников свыше ста человек установлена квота в размере двух процентов для предусмотренных областным законом категорий граждан. В указанной редакции она имеет общий характер: не создается отдельный двухпроцентный норматив для каждой категории. В результате прием на работу гражданина из одной группы может способствовать выполнению общей обязанности без трудоустройства лиц из других групп. Такое регулирование само по себе не противоречит задаче содействия занятости, но выявляет ограниченность одного количественного показателя для оценки доступности работы каждой группе. В частности, необходимо различать выполненную квоту и распределение фактически занятых мест между категориями.

Финансовая составляющая региональной модели выражена, в частности, постановлением Правительства Саратовской области от 7 июля 2021 г. № 529-П, предусматривающим субсидирование затрат работодателей на трудовую интеграцию отдельных граждан и молодых специалистов [9]. Этот порядок следует рассматривать отдельно от федеральных программ СФР: различаются источники финансирования, нормативные основания и процедуры получения средств. Наличие регионального положения не тождественно доказательству того, что отбор проводится непрерывно и что каждый работодатель может получить компенсацию в произвольный мо-

мент. Возможность ее предоставления зависит от действующей редакции нормативного акта, бюджетных лимитов и предусмотренных процедур. Поэтому необходим анализ не только формального наличия льготы, но и предсказуемости условий ее практического использования.

Официальная информация отделения СФР по Саратовской области от 21 сентября 2026 г. сообщает о перечислении работодателям региона 2,7 млн рублей по мерам поддержки трудоустройства ветеранов боевых действий и граждан с инвалидностью [10]. Приведенное сообщение подтверждает применение отдельных финансовых инструментов, однако не содержит полного набора сведений, необходимого для вывода об эффективности регионального квотирования. В частности, общий объем выплат не показывает, сколько трудовых отношений продолжилось после завершения периода субсидирования и как расходы соотносятся с устойчивостью занятости. Следовательно, отсутствие детализированных открытых данных следует квалифицировать как ограничение эмпирической оценки, а не как доказательство неэффективности государственной поддержки.

Пределы обязанностей работодателя раскрываются и в судебной практике. В определении Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2022 г. № 5-КАД22-46-К2, включенном в Обзор судебной практики № 2 (2023), рассмотрены обстоятельства, при которых работодатель создал рабочие места и предпринимал меры к трудоустройству, но подходящих кандидатов не оказалось [11]. Суд указал на недопустимость возложения обязанности обеспечить результат, зависящий также от волеизъявления соискателей. Данная позиция сформулирована при ранее действовавшем регулировании; использовать ее как прямое толкование Правил 2024 года было бы методологически неверно. Вместе с тем она сохраняет значение для анализа принципов исполнимости публичных обязанностей и оценки добросовестности действий работодателя.

В свою очередь, Верховный Суд Российской Федерации при рассмотрении споров об отказе в заключении трудового договора неоднократно обращал внимание на реальность правовой защиты соискателя. В определении № 2-КГ24-8-К3, отраженном в Обзоре судебной практики № 3 (2025), рассмотрен вопрос о допустимости понуждения к заключению договора при признании отказа незаконным [12]. Хотя дело непосредственно не касалось исполнения квоты или получения субсидии, подход суда существенен для понимания гарантии судебного восстановления нарушенного права на труд. Для нашей темы он показывает, что юридическая обязанность работодателя и контроль за ней должны сопровождаться действенными средствами защиты конкретного работника, а не исчерпываться административной отчетностью.

О. В. Беляковская (Ерофеева), исследуя споры о дискриминации по признаку инвалидности, справедливо отмечает процессуальные трудности доказывания обоснованности отказа в трудоустройстве и предлагает обсуждать изменение распределения бремени доказывания

[15]. Для стимулирования работодателей такая постановка вопроса важна не только с позиции защиты соискателя. От предсказуемости критериев правомерного поведения зависит и возможность работодателя заранее оценить свои обязанности. При этом облегчение доказывания для уязвимой категории не должно означать автоматического признания любого отказа дискриминационным: необходима проверка деловых качеств кандидата, характера вакансии и объективных ограничений конкретной трудовой функции.

Предлагается закрепить на уровне программ поддержки трехэтапную модель оценки результата: подтверждение законного трудоустройства; завершение первоначального периода адаптации; сохранение трудовых отношений после окончания основной субсидии. Такая модель не предполагает введения общей обязанности работодателя сохранять трудовой договор вопреки предусмотренным Трудовым кодексом основаниям его прекращения. Речь идет о выборе условий получения дополнительного публичного поощрения. С учетом различий между категориями граждан может применяться дифференцированная продолжительность контрольных периодов, а результаты следует оценивать в агрегированном виде, исключая раскрытие избыточных персональных сведений о работниках.

Третьим направлением необходимо признать согласование федерального и регионального регулирования. Работодатель должен иметь возможность по одной понятной информационной схеме установить применимые

квоты, доступные субсидии, порядок взаимодействия со службой занятости и основания предоставления либо возврата средств. Такое «единое окно» не требует устранения самостоятельности субъектов Российской Федерации: оно предполагает согласованное информирование при сохранении собственных бюджетных и правовых оснований каждой меры. Для публичной власти целесообразно регулярно обобщать обезличенные данные о занятости по защищаемым категориям и периодам ее сохранения. Именно сопоставимость таких показателей позволит отличать результативные меры от формально предусмотренных, но малоиспользуемых инструментов.

В заключение следует отметить, что стимулирование работодателей к трудоустройству граждан, нуждающихся в особой социальной защите, не образует единого правового института, сводимого к субсидии либо квоте. Оно представляет собой комплекс мер разной юридической природы, действующих на разных этапах возникновения и развития трудового отношения. Проведенный анализ позволяет обосновать необходимость перехода от преимущественного учета факта выделения рабочего места или первоначального найма к оценке устойчивой занятости, новизна предлагаемого подхода состоит в разграничении правовых механизмов по их функции в процессе трудовой интеграции и в предложении согласованной модели поощрения, адаптации и оценки результата. Ее реализация способна повысить определенность обязанностей работодателя и адресность государственных расходов, не снижая уровня защиты прав граждан.

Литература:

1. О занятости населения в Российской Федерации: Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // СЗ РФ. 2023. № 51. Ст. 9138.
2. О порядке выполнения работодателями квоты для приема на работу инвалидов: постановление Правительства РФ от 30.05.2024 № 709 (ред. от 21.05.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Об утверждении Решения о порядке предоставления субсидии на государственную поддержку стимулирования найма отдельных категорий граждан: приказ СФР от 29.12.2024 № 2714 (ред. от 26.05.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении Решения о порядке предоставления субсидий в целях создания (оборудования) рабочих мест для трудоустройства инвалидов: приказ СФР от 29.12.2024 № 2712 (ред. от 17.09.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Об установлении квоты для приема на работу инвалидов: Закон Саратовской области от 28.02.2005 № 20-ЗСО // СПС «КонсультантПлюс».
6. О квотировании рабочих мест для трудоустройства отдельных категорий граждан в Саратовской области: Закон Саратовской области от 03.12.2014 № 143-ЗСО (с изм. от 24.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
7. О внесении изменений в Закон Саратовской области «О квотировании рабочих мест для трудоустройства отдельных категорий несовершеннолетних и молодежи в Саратовской области»: Закон Саратовской области от 24.12.2025 № 102-ЗСО // СПС «КонсультантПлюс».
8. О порядке выполнения квоты для трудоустройства отдельных категорий несовершеннолетних и молодежи в Саратовской области и представления информации о выполнении квоты: постановление Правительства Саратовской области от 07.02.2023 № 83-П // СПС «КонсультантПлюс».
9. Об утверждении Положения о порядке предоставления субсидии из областного бюджета на возмещение затрат работодателей по созданию условий для интеграции в трудовую деятельность граждан, испытывающих трудности в поиске работы, и молодых специалистов: постановление Правительства Саратовской области от 07.07.2021 № 529-П (ред. от 08.04.2026) // СПС «КонсультантПлюс».

10. 2,7 млн рублей получили работодатели региона за найм ветеранов боевых действий и людей с инвалидностью // Отделение СФР по Саратовской области. 21.09.2026. URL: <https://sfr.gov.ru/branches/saratov/news/~2026/09/21/284885> (дата обращения: 09.10.2026).
11. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 21.12.2022 № 5-КАД22-46-К2 // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2023) (утв. 19.07.2023). П. 31.
12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 2-КГ24-8-К3 // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2025) (утв. 08.10.2025). П. 17.
13. Ерохина Т. В. Особенности и проблемы регионального нормотворчества по вопросам квотирования рабочих мест для лиц с инвалидностью // Трудовое право в России и за рубежом. 2025. № 3. С. 23–25.
14. Серова А. В., Калёных А. В. Квотирование рабочих мест для инвалидов: наследие и новеллы законодательства о занятости населения // Вопросы трудового права. 2024. № 6. DOI: 10.33920/pol-2-2406-03.
15. Беляковская (Ерофеева) О. В. Особенности распределения обязанностей по доказыванию по трудовым спорам о дискриминации по признаку инвалидности // Социальное и пенсионное право. 2021. № 2.

Фактические брачные отношения в российском и зарубежном праве

Патрина Карина Руслановна, студент магистратуры
Московский гуманитарно-экономический университет

Данная статья посвящена анализу правового статуса фактических брачных отношений в современном отечественном и зарубежном законодательстве. Автором определены значения фактических брачных отношений в современных правовых реалиях. Проведен анализ законодательных норм и материалов судебной практики, рассмотрены системные проблемы, с которыми сталкиваются фактические супруги.

Ключевые слова: брак, брачно-семейные правоотношения, фактические брачные отношения, правовая природа брачных отношений, имущественные правоотношения, модели правового регулирования фактических брачных отношений.

De factous marriage relations in Russian and foreign law

This article is devoted to the analysis of the legal status of de facto marital relations in modern domestic and foreign legislation. The author defines the significance of de facto marital relations in modern legal realities. An analysis of legislative norms and judicial practice materials has been carried out, and systemic problems faced by de facto spouses have been examined.

Keywords: marriage, marital and family legal relations, de facto marital relations, the legal nature of marital relations, property legal relations, models of legal regulation of de facto marital relations.

Современная семья перестала быть монолитной правовой конструкцией. Правовая история фактических брачных отношений уходит корнями в римское право, где существовал институт конкубината — допускаемое законом внебрачное сожительство мужчины и женщины, не порождавшее супружеских прав, но дававшее детям определенные права на алименты и ограниченное наследование после отца. «Одной из наиболее распространенных причин конкубината являлось желание иметь мужское потомство» [6, с. 19]. На Руси ситуация долгое время оставалась неопределенной. До принятия христианства форма брака не отличалась устойчивостью: исследователи отмечают, что «способы заключения брака на Руси в языческое время не отличались прочностью и правильностью», а разграничение законных и незаконных детей представляло серьезную сложность. С распространением христианства церковь начала торжественно осуждать фактические

брачные отношения, утвердила понятие законнорожденности и установила формальные правила заключения брака. «Фактический брак следует рассматривать как неофициальный союз двух людей, проживающих совместно, имеющих совместный быт и общее хозяйство, которые осуществляющих по отношению друг к другу права и обязанности супругов, которые входят в сферу гражданского законодательства, а не семейного» [5, с. 54].

Действующее российское законодательство вернулось к жесткому регистрационному формализму. Согласно п. 2 ст. 1 Семейного кодекса РФ [1], признается брак, заключенный только в органах записи актов гражданского состояния. Конституционный Суд РФ в своих правовых позициях неоднократно подтверждал, что сожительство мужчины и женщины не может быть признано браком после 1944 года, когда был восстановлен принцип обязательной государственной регистрации.

Последствия этого подхода носят системный характер. Фактические супруги лишены взаимных алиментных обязательств, не имеют права наследования по закону друг после друга, не пользуются режимом общей совместной собственности — их имущественные отношения регулируются нормами гражданского законодательства об общей долевой собственности, что предполагает необходимость доказывания вклада каждого в приобретение имущества. «Защита имущественных прав сожителей находится на достаточно низком уровне. Набор правовых средств, которыми они располагают для защиты своих законных интересов, крайне узок, а правовые конструкции, которыми предлагается оформить отношения фактических супругов, не отвечают целям и потребностям таких лиц» [7, с. 145].

Анализ материалов судебной практики Магаданского городского суда от 5 марта 2025 года по делу № 2–535/2025 [2] подтверждает отсутствие правовой определенности в вопросе о том, с какого момента имущественные отношения фактических супругов перестают регулироваться семейным законодательством и переходят в плоскость гражданско-правового регулирования. В случае рождения ребенка в незарегистрированном браке гражданский муж матери не признается отцом автоматически, что влечет необходимость установления отцовства в добровольном или судебном порядке. Анализ материалов судебной практики Советского районного суда г. Махачкалы от 8 июня 2023 года по делу № 2–4279/2023 [3] позволяет отметить, что в случае рождения ребенка в незарегистрированном браке гражданский муж матери не

признается отцом автоматически. Данное судебное решение служит наглядным примером того, что российское право не связывает факт совместного проживания и ведения общего хозяйства с возникновением родительских прав и обязанностей. Юридически значимым является лишь формальное волеизъявление, выраженное в предусмотренной законом процедуре.

«В российском обществе все чаще поднимается вопрос о необходимости правового признания фактических брачных отношений. Сторонники признания фактических брачных отношений утверждают, что это позволит защитить права и законные интересы лиц, состоящих в таких отношениях, а также их детей, и обеспечит социальную справедливость» [9, с. 310].

Для квалификации отношений в качестве фактического брака применяют следующую классификацию:

- отсутствие состояния лиц в зарегистрированном браке и иных фактических брачных отношениях;
- длительное совместное проживание мужчины и женщины;
- совместное проживание с целью создания семьи;
- ведение лицами, состоящими в фактических брачных отношениях, общего хозяйства;
- отсутствие предусмотренных семейным законодательством препятствий для вступления в брак.

Зарубежные правовые порядки демонстрируют значительно более широкую палитру подходов, которую можно условно расположить между двумя полюсами: полным игнорированием незарегистрированных союзов и их почти полным уравниванием с браком (таблица 1).

Таблица 1. Модели правового регулирования фактических брачных отношений в зарубежных странах

Страна	Модель регулирования	Ключевые черты
Франция	Промежуточная, с детальной законодательной регламентацией	Конкубинат — фактический союз, основанный на стабильной и непрерывной совместной жизни лиц разного или одного пола
Германия	Сдержанная	Между сожительствующими партнерами не возникает алиментных обязанностей; переживший партнер не имеет законного права наследования
Англия	Либеральная, основанная на автономии воли	Несмотря на бытовое представление о неформальном союзе мужчины и женщины, фактический брак как правовая категория не признается
Швеция	Противоположный полюс — широкая легализация	Институт сожительства предполагает специальное правовое регулирование, касающееся совместного жилья и имущества

В целом, на популярности института брачных договоров за рубежом сказывается иной менталитет и отношение к институту семьи, которая должна создаваться не только на чувствах, но и на прочной материальной основе. Можно проследить отсутствие унифицированного подхода к правовому регулированию фактических брачных отношений в зарубежных странах. Диапазон применяемых моделей разнообразен: от сдержанных (Германия, Англия), в рамках которых незарегистрированные союзы либо не влекут семейно-правовых послед-

ствий, либо вообще не рассматриваются в качестве юридической категории, до широкой легализации (Швеция) и промежуточного варианта (Франция), где фактический союз признается социальным фактом, однако не наделяется полноценным брачным статусом. Так, в каждом государстве законодатель стремится отыскать свою меру соотношения между свободой воли, позволяющей человеку самостоятельно избирать формат семейного бытия, и потребностью в охране интересов тех, кто уже сформировал семейную общность. Применительно к России, не

признающей сожителство и не связывающей с ним юридических последствий, иностранный опыт ценен прежде всего как пример альтернативных моделей, считаем, что его восприятие должно быть осмотнительным и отталкиваться от отечественных правовых традиций.

В 2025 году в Государственную Думу был внесен законопроект № 539969–8, предусматривающий возможность установления в судебном порядке факта состояния в брачных отношениях с лицом, погибшим (умершим) в период специальной военной операции. Законопроект направлен на решение конкретной проблемы: фактические супруги участников СВО оказывались лишены права на наследство и социальные выплаты, поскольку их отношения не были зарегистрированы. Правительство РФ в своем официальном отзыве указало, что законопроектом предусматривается возможность установления судом факта состояния в брачных отношениях, при условии, что умерший не состоял в зарегистрированном браке. «Содержание анализируемого законопроекта № 539969–8, как представляется, не согласуется с главными условиями заключения брака — это согласие и добровольность. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека, принятая в Минске 26 мая 1995 г., ратифицированная Российской Федерацией Федеральным законом от 4 ноября 1995 г. № 163-ФЗ, устанавливает, что брак может быть заключен только при свободном и полном согласии вступающих в брак (п. 2 ст. 13)» [4, с. 109]. Даже это точечное решение вызвало существенные возражения. Комитет Государственной Думы по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства дал на законопроект заключение, а рассмотрение его в первом чтении было перенесено.

Обращение к действующему российскому законодательству демонстрирует его приверженность жесткому регистрационному формализму: сожителство не порождает семейно-правовых последствий, а фактические супруги оказываются лишены взаимных алиментных обязательств, права наследования по закону и режима общей совместной собственности. Анализ судебной практики — в частности, дел № 2–535/2025 и № 2–4279/2023 — наглядно подтверждает, что такие лица вынуждены прибегать к гражданско-правовым конструкциям (неосновательное обогащение, заем, долевая собственность), что существенно усложняет защиту их интересов и перекладывает на них бремя доказывания вклада в приобретение имущества.

На основании вышеизложенного, представляется, что конституирующими признаки фактического брака как правового явления выступают следующие характеристики: разнополость союза, отсутствие его регистрации в порядке, предусмотренном для официального брака, а также вступления в фактические брачные отношения с целью создания семьи. Исходя из анализа зарубежного опыта можно отметить, что спектр моделей простирается от сдержанного непризнания до широкой легализации и промежуточных вариантов. Что позволяет говорить о том, что каждое государство самостоятельно определяет меру соотношения между свободой воли и охраной интересов фактически сложившихся семейных связей. Считаем, что дальнейшее развитие российского законодательства о фактических брачных отношениях будет определяться не столько доктринальными аргументами, сколько поиском баланса между формальной определенностью брака и защитой интересов лиц, фактически создавших семью, но не оформивших ее юридически.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
2. Решение Магаданского городского суда от 4 марта 2025 г. по делу № 2–535/2025 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/lhnqrZOTBjdh/> (дата обращения: 09.10.2026).
3. Решение Советского районного суда г. Махачкалы от 8 июня 2023 г. по делу № 2–4279/2023 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BHtvQC9t8g/> (дата обращения: 09.10.2026).
4. Богдан, В. В. Брак post mortem: размышления о законопроекте о признании фактических брачных отношений / В. В. Богдан // Труды Института государства и права РАН. — 2024. — № 3. — С. 106–124.
5. Быковских, М. К. Фактические брачные отношения в российском праве, проблемы их регулирования / М. К. Быковских // Новый юридический вестник. — 2022. — № 3 (36). — С. 53–54.
6. Дауева, Т. Т. Конкубинат в системе семейных отношений осетин в конце XVIII — XIX в. / Т. Т. Дауева // Известия СОИГСИ. — 2022. — № 46 (85). — С. 18–27.
7. Кустова, А. А. Проблемы судебной практики при рассмотрении вопросов о разделе имущества лиц, состоящих в фактических брачных отношениях / А. А. Кустова // Аграрное и земельное право. — 2024. — № 7 (235). — С. 143–146.
8. Радченко, В. С. О необходимости правового регулирования фактических брачных отношений / В. С. Радченко, И. Е. Селезнев, В. В. Шайбекова // Право и управление. — 2025. — № 1. — С. 94–97.
9. Скобилева, И. В. Фактические брачные отношения: проблемы правового регулирования и перспективы признания в России / И. В. Скобилева // Молодой ученый. — 2025. — № 19 (570). — С. 309–311.
10. Хивренко, Л. В. Внебрачное сожителство как форма семейных отношений и его конфликт с религиозно-этническими ценностями / Л. В. Хивренко // Молодой ученый. — 2021. — № 44 (386). — С. 156–158.

11. Проект федерального закона № 539969–8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»: (внесен 30.01.2024 депутатом Государственной Думы П. В. Крашенинниковым, сенаторами Российской Федерации А. А. Турчаком, А. А. Клишасом) // ГАРАНТ. РУ: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/76862012/> (дата обращения: 09.10.2026).

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 42 (645) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 28.10.2026. Дата выхода в свет: 04.11.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.